

ВХОДИТЕ
ТЕСНЫМИ
ВРАТАМИ

**Входите
тесными вратами**

*Из творений святых отцов
и подвижников благочестия*

Издательство Борисова

2014

ББК 86.372

Рекомендовано к публикации Издательским
Советом Русской Православной Церкви
Р14-410-1121

В905 Входите тесными вратами. *Из творений святых отцов и подвижников благочестия* /Составитель Борисов В.И. – Издательство Борисова, 2014. – 400 с.
ISBN 978-5-93288-015-9

Богомудрые отцы Церкви дают толкования на Священное Писание и наставления, побуждающие одних из нас к началу, других же к укреплению домостроительства нашего спасения. Избранные места из творений святителей Василия Великого, Григория Нисского, Луки (Войно-Ясенецкого), преподобного Максима Исповедника, а также трудов протоиерея Евгения Попова и схимонаха Паисия Святогорца.

© Издательство Борисова, 2014

Содержание

Путь к тесным вратам.....12

Святитель Василий Великий

Из бесед на псалмы

Беседа на первую часть первого
псалма.....17

Беседа на окончание четырнадцатого
псалма и на ростовщиков.....45

Святитель Григорий Нисский

Точное истолкование

Екклезиаста Соломонова

Беседа 1. (Гл. 1. ст.1-11).....69

Беседа 2. (Гл.1, ст.12-18. Гл. 2.
ст.1-3).....103

Беседа 3. (Гл.2, ст.4-6).....128

Преподобный Максим Исповедник

Из Слова о подвижнической
жизни.....155

Протоиерей Евгений Попов

Из книги «Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих».....188

Грехи неверия

Неверие в слово Божие.....189

Отрицание Промысла Божия

(деизм).....191

Пытливость при виде непонятных действий Промысла.....194

Будто Бог лицеприятен.....195

Атеизм (безбожие).....196

Пантеизм (всебожие).....197

Дуализм (верование в два начала: доброе и злое).....198

Материализм (будто все из материи, которая вечна).....200

Рационализм (гордое умствование о предметах веры).....201

Натурализм (отрицание чудес Божиих).....202

Мистицизм (искание в вере только таинственного и чудесного).....203

Фанатизм (изуверство).....204

Индеферентизм (будто все веры равны).....	205
Фатализм (неизбежная судьба).....	207
Будто почитать Бога нужно одним духом, а не телом.....	209
Ересь (упорное какое заблуждение против веры).....	210
Неразумное представление в Пресвятой Троице многих богов.....	211
Неисповедание Иисуса Христа Богом.....	212
Будто не будет на том свете вечной муки.....	213
Будто совсем нет загробной жизни.....	214
Неверие учению, правилам и власти вселенской Церкви.....	215
Открытие своих сомнений в вере другим с намерением породить в душе их те же мысли.....	217
Грехи суеверия	
Непосредственное волшебство, чародейство и гаданье.....	218
Ворожба, а также употребление	

разных суеверных молитв и заклинаний.....	220
Обращение к волшебникам и воро- жеям.....	221
Спиритизм (вызов духов и душ» умерших).....	223
Талисманы (таинственные предо- хранения от болезней и других злополучий).....	225
Демонология (домовые, водяные, лесные, ведьмы и проч.).....	226
Вера всяким снам и соответст- венное тому расположение своих действий.....	227
Чрезмерная вера в предчувствия...	228
Верование встречам и другим приметам.....	230
Свечи за упокой живых.....	231
Религиозные, предрассудки, т.е.: а) в таинствах; б) в обрядах цер- ковных; и в) относительно неко- торых праздничных дней.....	231

Грехи против богопознания

- Беззаботное незнание истин и заповедей православной веры.....233
- Незнание главнейших молитв, а также Символа веры и десяти заповедей.....235
- Нестарание приобрести себе Библию или только Евангелие, молитвенник, равно как небрежное обращение с этими книгами..235
- Выход от проповедей или разговор за ними.....237
- Слушание или чтение проповеди слова Божия с посмеянием или для одной критики.....239
- Пренебрежение чтением Четвертиней и название чудесных сказаний в них ложным преданием...240
- Незнание жизни своего святого и неподражание его житию.....242
- Чтение книг или рукописей, написанных против святого Православия, и дружество с людьми неверующими и вольномыслящими.....243

Грехи против трезвенности ума и духа пред Богом

- Рассеянная молитва.....246
- Молитва только наружная и нестарание приобрести умную молитву, неботливость о молитве Иисусовой....247
- Неисполнение утренних и вечерних молитв по лености или небрежению.....250
- Прежде молитвы утром мысли и разговоры о житейском.....251
- Пренебрежение молитвою пред столом и после стола.....253
- Неисполнение молитвы пред началом и после окончания каждого труда и работы.....255
- Богохульные помыслы, преимущественно на молитве.....256
- Занятие ума одним земным.....257
- Забвение о вседеприсутствии Божиим.....259
- Забвение о своем ангеле-хранителе.260

Раздел: Виды сердечной похоти

Блудные помыслы, или представления.....	262
Похотный взгляд на другой пол и пристрастие к красивым лицам....	267
Сладострастные разговоры или слушание таких разговоров.....	270
Скверная (матерная) брань и слушание ее.....	273
Страстная музыка.....	276
Бесстыдные танцы и пляска, бытность при них, равно как и на бесстыдных зрелищах.....	279
Свободное, или короткое, обращение с лицами другого пола.....	282
Чрезмерная угодливость женскому полу, или, так называемое, ухаживание.....	290
Возложение на себя одежд чужого пола и личины (маски).....	295
Подсматривание на чужую обнаженность или полуобнаженность.....	299

Соблазн на собственную наготу...	302
Неотклонение себя от живых соблазнительных картин плотской похоти.....	305
Украшение дома, особенно опочивальни, соблазнительными картинами или статуями.....	307
Разжжение похоти искусственными способами.....	310
Изысканная и нескромная одежда.....	313

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Из книги «Евангельское злато.

Беседы на Евангелие»

За своих детей дадите ответ перед Богом.....	321
«Какие грехи видим в людях, те есть и в нас».....	337
Слезами покаяния поливайте семена Божии.....	346
Помни о конце твоём.....	356

Схимонах Паусий Святогорец

Из книги «Слова. Том V. Страсти и добродетели. Часть первая

Себялюбие – мать страстей.....363

Глава 1. Себялюбие и его последствия

От себялюбия происходят все страсти.....364

Ешь невкусное и наслаждайся Христом.....367

Любовь к себе уничтожает любовь к ближнему.....370

Другие пусть пропадут пропадом!....372

Мука самоуспокоения.....375

Себялюбие лишает нас мира и радости.....378

Глава 2. Свобода от рабства себялюбия

Цель подвига: совлечение своего ветхого человека.....382

Не надо слишком заботиться о комфорте.....386

Для кого ты бережёшь своё «я» – для себя самого?.....390

Когда есть самоотречение, Бог подаёт Свою благодать.....393

Литература.....397

Путь к тесным вратам

Святитель Василий Великий в своих духоподъемных беседах на псалмы отмечал что «Дух Святой знал как трудно вести род человеческий к добродетели, и что, по склонности к удовольствию, мы не радим о правом пути». Это действительно так, но рано или поздно мы все же пытаемся найти, приблизиться и, может быть, иногда, с большим трудом, но встать на такой путь и идти по нему.

Призывая людей к этому Иисус Христос говорил: *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что*

тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Мф. 7:13-14).

Слушателям Нагорной проповеди аллегории Иисуса были более понятны, чем нам. В те времена города большей частью располагались на возвышенностях и были окружены высокими толстыми стенами. Главные городские ворота делались не только массивными и прочными, но и всячески украшались как символ входа в более уважаемую и богатую цивилизацию по сравнению с окружающей нищетой. Соответственно и дорога, ведущая к ним, была широкой.

А где-нибудь в крепостной стене были маленькие ворота или просто калитка для конфиденциальных хозяйственных и военных нужд с не приметной тропинкой.

Главные ворота символизировали собой роскошную жизнь и торжественное в нее вхождение, малые ворота или калитка означают скромность и смиренное поведение. Поэтому Спаситель и использовал в Своей речи аллегория с противопоставлением врат тесных (калитки) и врат широких (городских ворот).

Пышный въезд в город, обставленный торжественностью и помпезностью, символизирует роскошную жизнь, полную утех и удовольствий, которые лелеют гордыню человека и приучают его к восхвалениям и роскоши. Такой жизненный путь человека не угоден Богу, потому что способствует процветанию порока и зла, извращает человеческую природу и приводит человека к служению греху.

По-существу и смыслу сказанного в проповеди ранее, узкий путь —

символ непрестанных трудов, самоотречения и безгрешной жизни.

Такая жизнь подобно неприметной тропинке может привести к тесным вратам, открывающим Царство Небесное.

Входить тесными вратами – означает изучать Слово Божие и жить по нему.

Понимая такие простые истины и соглашаясь с ними и с тем что надо бы быть похожим на Иисуса, мы в то же время сокрушаемся: не можем, не получается, а если и получается что-то, то настолько несовершенно, что плакать хочется. И тогда приходит понимание своей нищеты: *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю* (Рим.7:19).

Между тем, в Толковой Библии Лопухина отмечается, что «Ев. Лука усиливает мысль ев. Матфея, так как у него поставлено вместо «вхо-

дите» – «подвизайтесь войти» (agwnizesqe eisel), что предполагает сильное напряжение, какое требуется для вхождения в славное царство Божие. – *Многие поищут войти* – когда уже минует время домостроительства спасения. – *И не возмогут* – потому что в свое время не покаются». *Подвизайтесь войти* *сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут* (Лук. 13:24).

Возможно, врачующие слова святых отцов и подвижников благочестия для доброго читателя окажутся побуждающими к началу или же к укреплению домостроительства душевного спасения.

Святитель Василий Великий (330-379)

Из бесед на псалмы*

Беседа на первую часть первого псалма

Всяко писание богодухновенно и полезно есть (2 Тим. 3, 16), для того написано оно Духом Святым, чтобы в нем, как в общей лечебнице душ, все мы человеки находили врачевство — каждый от собствен-

* Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. 1. — Москва, 1891. *Святитель Василий Великий. Беседы на псалмы.* — Издательство: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.

ного своего недуга. Ибо сказано: *исцеление утолит грехи велики* (Еккл. 10, 4). Но иному учат Пророки, иному бытописатели; в одном наставляет закон, а в другом — предложенное в виде приточного увещания, книга же Псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрых учений, и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и болезненное восставляет, и не поврежденное поддерживает; вообще же, сколько можно, истребляет страсти, какие в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами. И при сем производит она в человеке какое-то тихое услаждение и

удовольствие, которое делает рассудок целомудренным.

Дух Святой знал, что трудно вести род человеческий к добродетели, и что, по склонности к удовольствию, мы не радим о правом пути. Итак, что же делает? К учениям примешивает приятность сладкопения, чтобы, вместе с усладительным и благозвучным для слуха, принимали мы неприметным образом и то, что есть полезного в слове. Так и мудрые врачи, давая пить горькое врачевство имеющим от него отвращение, не редко обмазывают чашу медом. На сей-то конец изобретены для нас сии стройные песнопения псалмов, чтобы и дети возрастом, или вообще не возмужавшие нравами, по видимому только пели их, а в действительности обучали свои души. Едва ли кто из простолюдинов, особливо нерадивых, пойдет отсюда, удобно удержав в памяти апо-

стольскую и пророческую заповедь; а стихи из псалмов и в домах поют, и на торжищах возглашают. И если бы кто, как зверь, рассвирепел от гнева; как скоро усладится слух его псалмом, пойдет прочь, немедленно укротив в себе свирепость души сладкопением.

Псалом — тишина душ, раздаятель мира; он утишает мятежные и волнующиеся помыслы; он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержность. Псалом — посредник дружбы, единение между далекими, примирение враждующих. Ибо кто может почитать еще врагом того, с кем возносил единый глас к Богу? Посему псалмопение доставляет нам одно из величайших благ — любовь, изобретя совокупное пение вместо узла к единению, и сводя людей в один согласный лик.

Псалом — убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов,

оружие в ночных страхованиях, упокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство для жен. Псалом населяет пустыни, уцеломудривает торжища. Для нововступающих — это начатки учения, для преспевающих — приращение ведения, для совершенных — утверждение; это глас Церкви. Он делает празднества светлыми; он производит *печаль, яже по Бозе*. Ибо псалом и из каменного сердца вынуждает слезы. Псалом — занятие Ангелов, небесное сожительство, духовный фимиам. Это — мудрое изобретение Учителя, устроившего, чтобы мы пели, и вместе учились полезному. От сего и уроки лучше напечатлеваются в душах. Ибо с принуждением выучиваемое не остается в нас надолго; а что с удовольствием

и приятностию принято, то в душах укореняется тверже.

Чему же не научишься из псалмов? Не познаешь ли отсюда величие мужества, строгость справедливости, честность целомудрия, совершенство благоразумия, образ покаяния, меру терпения, и всякое из благ, какое ни назовешь? Здесь есть совершенное богословие, предречение о пришествии Христовом во плоти, угроза судом, надежда воскресения, страх наказания, обетования славы, откровения таинств.

Все, как бы в великой и общей сокровищнице, собрано в книге Псалмов, которые из многих музыкальных орудий Пророк приспособил к так называемому псалтирю, давая тем, как кажется мне, разуметь, что в нем издает гласы благодать, подаваемая свыше — от Духа; потому что в этом одном из музыкальных орудий причина звуков

находится вверху. В цитре и в лире внизу звучит мед под смычком; а псалтирь причины гармонических ладов имеет вверху, чтобы и мы заботились искать горнего, и приятностию пения не увлекались в плотские страсти. Притом пророческое слово, как думаю, глубокомысленно и премудро, самым устройством сего орудия, показало нам, что люди с прекрасною и благонастроенною душою удобно могут восходить к горнему.

После сего рассмотрим и начало Псалмов.

1. *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых.* Строители домов, возводя в высоту огромные здания и основания полагают соразмерно высоте. И кораблестроители, приготавливая корабль к поднятию больших грузов, укрепляют подводную часть, соображаясь с тяжестью нагружаемых товаров. И

при рождении животных сердце, которое естественно образуется прежде всего, получает от природы устройство, приличное будущему животному. Почему телесная ткань образуется вокруг сердца соразмерно собственным началам; и отсюда происходят различия в величине животных.

Но что значат основание в доме, подводная часть в корабле и сердце в теле животного, такую же силу, кажется мне, имеет и это краткое предисловие в отношении к целому составу псалмов. Поскольку Псалмопевец, с продолжением слова, намерен увещевать ко многому такому, что трудно и исполнено бесчисленных подвигов и усилий; то он подвижникам благочестия предварительно указывает на блаженный конец, чтобы мы, в чаянии уготованных нам благ, беспечально переносили скорби настоящей жизни.

Так и для путешественников, идущих по негладкому и неудобопроходимому пути, облегчается труд ожидаемым ими удобным пристанищем; и купцов отважно пускаться в море заставляет желание приобрести товары; и для земледельцев делает неприметными труды надежда плодородия. Посему и общий Наставник в жизни, великий Учитель, Дух истины, премудро и благоискусно предложил наперед награды, чтобы мы, простирая взор далее тех трудов, которые под руками, поспешали мыслию насладиться вечными благами.

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых. — Итак, есть истинное благо, которое в собственном и первоначальном смысле должно назвать блаженным; и это есть Бог. Почему и Павел, намереваясь упомянуть о Христе, говорит: *по явлению блаженнаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (1 Тим. 1, 11,

Тит. 2, 13). Ибо подлинно блаженно сие Источное Добро, к Которому все обращено, Которого все желает, сие неизменяемое Естество, сие владычественное Достоинство, сия безмятежная Жизнь, сие беспечальное Состояние, в котором нет перемен, Которого не касаются превратности, сей приснотекущий Источник, сия неоскудевающая Благодать, сие неистощимое Сокровище.

Но невежественные люди и миролюбцы, не зная природы самого добра, часто называют блаженным то, что не имеет никакой цены: богатство, здравие, блистательную жизнь, — что все по природе своей не есть добро; потому что не только удобно изменяется в противоположное, но и обладателей своих не может сделать добрыми. Ибо кого сделало справедливым богатство, или целомудренным здоровье! Напротив того, каждый из сих даров,

злоупотребляющему им, часто способствует ко греху. Посему блажен, кто приобрел достойное большей цены, кто стал причастником благ неотъемлемых. Но почему узнаем его? Это тот, *иже не иде на совет нечестивых.*

И прежде нежели скажу, что значит не идти на совет нечестивых, намерен я решить для вас вопрос здесь представляющийся. Спросите: для чего Пророк берет одного мужа, и его называет блаженным? Ужели из числа блаженных исключил он жен? Нет; одна добродетель для мужа и жены, так как и творение обоих равночестно; а потому и награда обоим одинакова. Слушай, что сказано в книге Бытия. *Сотвори Бог человека: по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их* (Быт. 1, 27). Но в ком природа одна, у тех и действия те же; а чьи дела равны, для тех и награда та же. Итак, почему

же Псалмопевец, упомянув о муже, умолчал о жене? Потому что, при единстве естества, почитал достаточным для обозначения целого указать на преобладающее в роде.

Посему *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых*. Смотри, какая точность в словах, и сколько каждое речение исполнено мыслей. Не сказал: *иже не ходит на совет нечестивых*, но: *иже не иде*. Кто еще в живых, того нельзя назвать блаженным, по неизвестности окончания жизни; но кто исполнил возложенные на него обязанности и заключил жизнь неукоризненным концом, того безопасно уже можно назвать блаженным. Почему же *блажени ходящии в законе Господни* (Пс. 118, 1)? Здесь Писание называет блаженными не ходивших, но еще ходящих в законе. Это потому, что делающие добро за самое дело достойны одобрения; а избегающие

зла заслуживают похвалу не тогда, как они раз или два уклонятся от греха, но тогда, как возмогут навсегда избежать искушения во зле.

Но по связи понятий открывается нам и другое затруднение. Почему Псалмопевец называет блаженным не преуспевающего в добродетели, но не соделавшего греха? В таком случае и конь, и вол, и камень могли бы назваться блаженными. Ибо какое неодушевленное существо стояло *на пути грешных* или какое бессловесное сидело *на седалищи губителей*? Но потерпи немного, и найдешь врачевство. Пророк присовокупляет (Пс. 1, 2): *но в законе Господни воля его*. Поучение же в законе Божиим принадлежит только разумному существу. А мы скажем и то, что начало к усвоению доброго есть удаление от злого. Ибо сказано: *уклонися от зла, и сотвори благо* (Пс. 36, 27).

Итак, премудро и благоискусно, приводя нас к добродетели, псалмопевец удаление от греха положил началом добрых дел. А если бы он вдруг потребовал от тебя совершенства, то, может быть, ты и замедлил бы приступить к делу. Теперь же приучает тебя к более удобоприступному, чтобы ты смелее взялся и за прочее. И я сказал бы, что упражнение в добродетели уподобляется лестнице, той именно лестнице, которую видел некогда блаженный Иаков, которой одна часть была близка к земле и касалась ее, а другая простиралась даже выше самого неба.

Посему вступающие в добродетельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первых ступенях, и с них непрестанно восходить выше и выше, пока, наконец, чрез постепенное преспеяние, не взойдут на возможную для человеческого естества высоту. Посему как

первоначальное восхождение но лестнице есть удаление от земли, так и в жизни по Богу удаление от зла есть начало преспеяния.

Вообще же, всякое бездействие гораздо легче какого бы то ни было дела. Например, *не убий, не прелюбы сотвори, не укради* (Исх. 20, 13—15); каждая из сих заповедей требует только бездействия и неподвижности. *Возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе* (Мф. 19, 19), и: *продаждь имение твое, и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и: *аще кто тя поимет по силе поприще едино, иди с ним два* (Мф. 5, 41) — вот уже действия приличные подвижникам, и к совершению их потребна уже душа мужественная. Посему подивись мудрости того, кто чрез более легкое и удобоприступное ведет нас к совершенству.

Псалмопевец предложил нам три условия, требующие соблюдения: *не ходить на совет нечестивых,*

не стоять *на пути грешных*, не сидеть *на седалищи губителей*. Следуя естественному ходу дел, он внес этот порядок и в сказанное им. Ибо сперва начинаем обдумывать намерение, потом подкрепляем его, а после того утверждаемся в обдуманном. Посему первоначально должно назвать блаженною чистоту наших помышлений, потому что корень телесных действий составляют сердечные совещания. Так любодеяние воспламеняется сперва в душе сластолюбца, а потом производит телесное растление.

Посему и Господь говорит, что внутри человека оскверняющее его (Мф. 15, 18). Поскольку же грех против Бога называется в собственном смысле нечестием; то никогда не допустим в себе сомнений о Боге, по неверию. Ибо значит уже пойти *на совет нечестивых*, ежели скажешь в сердце своем: есть ли Бог, всем управляющий? Есть ли

Бог, на небе распоряжающий всем порознь? Есть ли суд? есть ли воздаяние каждому по делам его? Для чего праведные живут в нищете, а грешные богатеют? одни немощны, а другие наслаждаются здоровьем? одни бесчестны, а другие славны? Не самослучайно ли движется мир? и не случай ли неразумный без всякого порядка распределяет каждому жребий жизни?

Если так помыслил ты, то пошел *на совет нечестивых*. Посему блажен, кто не дал в себе места сомнению о Боге, кто не впал в малодушие при виде настоящего, но ожидает чаемого; кто о Создавшем нас не возымел недоверчивой мысли.

Блажен и тот, кто не стал *на пути грешных*. Путем называется жизнь; потому что каждый из рожденных поспешает к концу. Как сидящие на корабле без всякого усилия несутся ветром к пристани,

и хотя сами того не чувствуют, однако же бег корабля приближает их к цели: так и мы, с протекающим временем жизни нашей, как бы некоторым непрерывным и непрестанным движением в незаметном течении жизни, увлекаемся каждый к своему пределу.

Например: ты спишь? а время утекает от тебя. Ты бодрствуешь, и мысль твоя занята? но вместе и жизнь тратится, хотя и убегает это от нашего чувства. Все мы человеки бежим по какому-то поприщу, и каждый из нас спешит к своей цели; поэтому все мы в пути. И таким образом можешь составить себе понятие о сем пути. Ты путник в этой жизни, все проходишь мимо, все остается позади тебя: видишь на пути растение, или траву, иди воду, или другое что достойное твоего зрения; любовался недолго, и пошел дальше. Опять встречаешь камни, пропасти, утесы, ска-

лы, пни, а иногда зверей, пресмыкающихся гадов, терние, или иное что неприятное; поскорбел не долго, и потом оставил. Такова жизнь, она не имеет ни удовольствий постоянных, ни скорбей продолжительных. Не твоя собственность этот путь, но и настоящее также не твое. У путников такой обычай: как скоро первый сделал шаг, тотчас за ним заносит ногу другой, а за этим и следующий. Смотри же, не подобна ли сему и жизнь? Ныне ты возделывал землю, а завтра будет ее возделывать другой, после же него еще другой. Видишь ли эти поля и великолепные здания? Сколько раз каждое из них, со времени своего существования, переменяло имя! Называлось собственностью такого-то, потом переименовано по имени другого, перешло к новому владельцу, а теперь стало именоваться собственностью еще нового. Итак жизнь наша не путь ли, на

которой вступают то те, то другие, и по которому все один за другим следуют? Посему *блажен, иже на пути грешных не ста.*

Что же значит *не ста*? Человек, находясь в первом возрасте, еще ни порочен, ни добродетелен, потому что сей возраст не способен ни к тому, ни к другому состоянию. Но когда разум в нас созрел, тогда сбывается написанное: *пришедшей же заповеди, грех убо оживе, аз же умрох* (Рим. 7, 9—10). Ибо возникают лукавые помыслы, рождающиеся в душах наших от плотских страстей. Действительно, заповедь пришла, то есть приобретено познание добра, и если она не преодолет худого помысла, но попустит рассудку поработиться страстям, то грех ожил, умер же ум, сделавшись мертв чрез грехопадения. Посему *блажен, кто не закоснел на пути грешных*, но благим ра-

зумом востек в жизнь благочестную.

Два есть пути, один другому противоположные, — путь широкий и пространный, и путь тесный и скорбный. Два также путеводителя, и каждый из них старается обратить к себе. На пути гладком и покато путеводитель обманчив; это лукавый демон, и он посредством удовольствия увлекает следующих за ним в погибель, а на пути негладком и крутом путеводителем добрый Ангел, и он чрез многотрудность добродетели ведет следующих за ним к блаженному концу. Пока каждый из нас младенец, и гоняется за тем, что услаждает в настоящем, до тех пор ни мало не заботится он о будущем.

Но став уже мужем, когда понятия усовершеншились, он как бы видит, что жизнь перед ним делится, и ведет то к добродетели, то к пороку; и часто обращая на них ду-

шевное око, различает, что свойственно добродетели и пороку. Жизнь грешников показывает в себе все наслаждения настоящего века. Жизнь праведных являет одни блага будущего века.

Путь спасаемых сколько обещает благ будущих, столько представляет трудов в настоящем. А жизнь сластолюбивая и невоздержная предлагает не ожидаемое в последствии, но настоящее уже наслаждение. Посему всякая душа приходит в кружение и не может устоять среди помыслов. Когда приведет себе на мысль вечное, избирает добродетель; когда же обратит взор на настоящее, предпочитает удовольствие. Здесь видит прохладу для плоти, а там ее порабощение; здесь пьянство, а там пост; здесь необузданный смех, а там обильные слезы; здесь пляски, а там молитву; здесь свирели, а там

воздыхания; здесь блуд, а там девство.

Поскольку же истинное благо удобопостижимо разумом только чрез веру (ибо оно отдалено от нас, и око не видало его, и ухо о нем не слышало); а сладость греха у нас под руками, и наслаждение вливается посредством каждого чувства, то блажен, кто не увлекся в погибель приманками удовольствия, но с терпением ожидает надежды спасения, и при выборе того или другого пути, не вступил на путь ведущий к злу.

И на седалищи губителей не седе. О тех ли говорит седалищах, на которых покоим тела свои? и какое отношение дерева ко греху, так что седалища, которое было прежде занято грешником, мне должно бегать, как чего-то вредного? Или надобно думать, что под седалищем разумеется неподвижное и постоянное коснение в одобрении греха?

Сего должно остерегаться нам, потому что ревностное коснение во грехе производит в душах некоторый неисправимый навык. Ибо застаревшаяся душевная страсть, или временем утвержденное помышление о грехе, с трудом врачуются, или делаются и совершенно неисцелимыми, когда навыки, как всего чаще случается, переходят в природу.

Посему должно желать, чтобы нам даже и не прикасаться к злу. А другой путь — тотчас по искушении бежать его, как удара наносимого стрелком, по написанному у Соломона о злой жене: *ниже настави ока своего к ней, но отскочи, не замедли* (Притч. 9. 18). И теперь знаю таких, которые в юности поползнулись в плотские страсти, и до самой седины, по привычке к злу, пребывают во грехах. Как свиньи, валяясь в тине, непрестанно более и более облипают грязью: так

и эти люди, чрез сластолюбие, с каждым днем, покрывают себя новым позором.

Итак, блаженное дело — и не помышлять о зле. Если же, уловленный врагом, принял ты в душу советы нечестия, не стой во грехе. А если и тому подвергся, не утверждайся во зле. Посему не сиди *на седалищи губителей*. Если ты понял, какое седалище понимает Писание, а именно, называет так продолжительное пребывание во зле, то исследуй, кого именует оно губителями. О моровой *язве* люди сведущие в этом говорят, что она, если прикоснется к одному человеку или скоту, чрез сообщение распространяется на всех приближающихся.

Таково свойство этой болезни, что все друг от друга наполняются тою же немощно. Таковы и делатели беззакония. Ибо, передавая друг другу болезнь, все вместе страждут недугом, и вместе погибают, Не

случалось ли тебе видеть, как блудники сидят на торжищах, осмеивают целомудренных, рассказывают свои срамные деда, свои занятая достойный тьмы, и перечисляют случаи своего бесчестия, как подвиги, или другие какие доблести? Это губители, которые стараются собственный свой порок передать всем, и усиливаются сделать многих себе подобными, чтобы избежать поношения, когда пороки будут общими.

Огонь, коснувшись удобосгораемого вещества, не может не обхватить всего этого вещества, особенно если подует сильный ветер, который переносит пламень с одного места на другое. Так и грех, прикоснувшись к одному человеку, не может не перейти ко всем приближающимся, когда раздувают его лукавые духи. Так дух блуда не ограничивается тем, чтобы подвергнуть бесчестию одного, но тотчас

присоединяются товарищи: пиры, пьянство, срамные повести и непотребная женщина, которая вместе пьет, одному улыбается, другого соблазняет, и всех распалает к тому же греху. Ужели мала эта зараза, маловажно такое распространено зла? А подражающий лихоимцу, или человеку, который другим каким-нибудь пороком достиг значительной власти в обществе, стал правителем народов, или военачальником, и потом предался самым постыдным страстям, — ужели подражающий ему не приемлет в душу свою пагубы, обратив в свою собственность порок того, кому подражает? Блистательное положение в свете показывает вместе с собою и жизнь людей поставленных на виду. Воины всего чаще подражают военачальникам, живущие в городах берут для себя примеры с начальствующими; и вообще, когда многие почтут достойным

подражания порок одного человека, тогда справедливо и прилично будет сказать, что от него распространяется в жизни какая-то пагуба душ. Ибо грех в лице именитом многих поползновенных привлекает подражать тому же. И поскольку один от другого заимствуют повреждение, то о таких людях говорится, что они губят души. И так не сиди *на седалищи губителей*, не участвуй в собрании людей, повреждающих нравственность и пагубных, не оставайся в обществе советников на зло!

Но слово мое доселе медлит на одном предисловии, между тем примечаю, что обилие его превзошло должную меру, так что и вам нелегко соблюсти в памяти, если бы сказано было больше, и мне трудно продолжать служение слову, потому что, по врожденной немощи, недостает у меня голоса. Но хотя и не досказано то, о чем

мы говорили; хотя, показав, что должно бегать зла, умолчал я о том, как усовершенствоваться посредством добрых дел: впрочем, предложив настоящее благосклонному вниманию, обещаюсь, при Божией помощи, восполнить и недостающее, если только не наложено будет на меня совершенного молчания. Да дарует же Господь и нам награду за сказанное, и вам плод от того, что слышали, по благодати Христа Своего, так как Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа на окончание четырнадцатого псалма и на ростовщиков

Вчера беседовал я с вами о четырнадцатом псалме, но время не дозволило дойти до конца речи. Ныне являюсь, как признательный должник, чтобы отдать вам оставшийся долг. А остальное, по видимому, не продолжительно для

слышания, для многих же из вас, может быть, и не заметно; почему они и не представляют, чтобы в псалме оставалось что-нибудь. Впрочем, зная, что краткое сие изречение имеет великую силу в делах житейских, я не думал, чтобы должно было оставить без исследования полезное.

Пророк, изображая словом человека совершенного, который желает перейти в жизнь непоколебимую, к доблестям его причисляет и то, чтобы *сребра своего* не давать в *лихву* (Пс. 14, 5). Во многих местах Писания порицается грех сей. Иезекииль полагает в числе самых важных беззаконий брать *лихву и избыток* (Иез. 22, 12). Закон ясно запрещает: *да не даси во лихву брату твоему* и ближнему твоему (Втор. 23, 19). В другом месте говорится: *лесть на лесть, и лихва на лихву* (Иер. 9, 6). А что псалом говорит о городе, который изобило-

вал множеством беззаконий? *Не оскуде от стогн его лихва и лесть* (Пс. 54, 12). И теперь Пророк отличительною чертою человеческого совершенства принял то же самое, сказав: *сребра своего не даде в лихву*.

В самом деле, крайне бесчеловечно, когда один, имея нужду в необходимом, просит в заем, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращением данного в заем, но придумывать, как извлечь для себя из несчастья убогого доход и обогащение. Посему Господь дал нам ясную заповедь, сказав: *и хотящаго от тебе зайти не отврати* (Мф. 5, 42). Но сребролюбец, видя, что человек, борющийся с нуждою, просит у колен его (и каких не делает унижений, чего не говорит ему!), не хочет сжалиться над поступающим вопреки своему достоинству, не думает об единстве природы, не склоняется на просьбы, но стоит непре-

клонен и неумолим, не уступает мольбам, не трогается слезами, продолжает отказывать, божится и заклинает сам себя, что у него во-все нет денег, что он сам ищет человека, у кого бы занять; и эту ложь утверждает клятвою, своим бесчеловечием приобретая себе недобрую покупку — клятвопреступление. А как скоро просящий в займы помянет о росте и поименует залого; тотчас, понизив брови, улыбнется, иногда припомнит и о дружбе своей с отцом его, назовет его своим знакомым и приятелем, и скажет: «посмотрим, нет ли где сбереженного серебра. Есть у меня, правда, залог одного приятеля, положенный ко мне для приращения, но приятель назначил за него обременительный рост; впрочем я непременно сбавлю что-нибудь, и отдам с меньшим ростом». Прибегая к таким выдумкам, и такими речами обольщая и заманивая бед-

ного, берет с него письменное обязательство, и, при обременительном убожестве, отняв у него даже и свободу, оставляет его. Ибо, взяв на свою ответственность такой рост, которого платить не в состоянии, он на всю жизнь принимает на себя самопроизвольное рабство.

Скажи мне: денег ли и прибыли ищешь ты у бедного? Если бы он мог обогатить тебя, то чего бы стал просить у дверей твоих? Он пришел за помощью, а нашел врага; он искал врачевства, а в руки дан ему яд. Надлежало облегчить убожество человека, а ты увеличиваешь нужду, стараясь отнять и последнее у нищего. Как если бы врач, пришедши к больным, вместо того, чтобы возвратить им здравие, отнял у них и малый остаток сил: так и ты несчастье бедных обращаешь в случай к своему обогащению. И как земледельцы молят дождя для приумножения семян: так и ты же-

лаешь людям скудости и убожества, чтобы деньги твои приносили тебе прибыль. Или не знаешь, что ты более приращаешь грехи свои, нежели умножаешь богатство придуманным ростом?

И ищущий займа бывает поставлен в затруднительное положение: когда посмотрит на свое убожество, отчаивается в возможности заплатить долг, а когда посмотрит на свою настоящую нужду, отваживается на заем. Потом один остается побежденным, покорясь нужде, а другой расстается с ним, обеспечив себя письменным обязательством и поруками. Взывший же деньги сначала светел и весел, восхищается чужими цветами, допускает перемену в жизни: стол у него открыт, одежда многоценная, слуги одеты пышнее прежнего; есть льстецы, застольные друзья и тысячи трутней в доме.

Но как деньги утекают, а время своим продолжением увеличивает рост; то и ночи не приносят ему покоя, и день не светел, и солнце не приятно; а напротив того жизнь для него тягостна, ненавистны дни, поспешающие к сроку; боится он месяцев, потому что от них плодится рост. Спит ли он? и во сне видится заимодавец — это злое привидение, стоящее в головах. Бодрствует ли? и помышление, и забота у него о росте. Сказано: *заимодавцу и должнику, сретшимся друг со другом, посещение творит обема Господь* (Притч. 29 13). Один как пес, бежит на добычу, другой, как готовая ловитва, страшится встречи, потому что нищета отнимает у него смелость. У обоих счет на пальцах; один радуется увеличению роста, другой стенает о приращении бедствий.

Пий воды от своих сосудов (Притч. 5, 15), то есть рассчитывай

свои средства, не ходи к чужим источникам, но из собственных своих капель собирай для себя утешения в жизни. Есть у тебя медная посуда, одежда, пара волов, всякая утварь? Отдай это. Согласись отказаться от всего, только не от свободы. Но я стыжусь, говоришь ты, сделать это гласным. Что ж? В скором времени другой выставит же это на показ, провозгласит, что оно твое, и в твоих глазах станет продавать по низкой цене. Не ходи к чужим дверям: ибо, действительно, *студенец чуждий тесен* (Притч. 23, 27).

Лучше посильными трудами помогать своим нуждам, нежели, вдруг поднявшись чужим имуществом, впоследствии лишиться всего достояния. Ежели у тебя есть чем отдать; почему же не удовлетворяешь этим средством настоящей нужде? Если же не в состоянии заплатить долг, то одно зло лечишь

другим. Не верь займодавцу, который ведет около тебя окопы. Не позволяй, чтобы тебя отыскивали и преследовали, подобно какой-нибудь добыче.

Брать в заем — начало лжи, случай к неблагодарности, вероломству, клятвопреступлению. Иное говорит, кто берет в заем, а иное, с кого требуют долг. «Лучше бы мне не встречаться тогда с тобою! я бы нашел средства освободиться от нужды. Не насильно ли вложил ты мне деньги в руки? И золото твое было с подмесью меди, и монеты обрезаны». Ежели дающий в заем тебе друг, не берись за случай потерять его дружбу. Если он враг, не подчиняй себя человеку неприязненному. Не долго будешь украшаться чужим, а после потеряешь и отцовское наследие. Теперь ты беден, но свободен. А взяв в заем, и богатым не сделаешься, и свободы лишишься. Взявши в заем

стал рабом заимодавца, рабом, наемником, который несет на себе самую тяжелую службу. Псы, получив кусок, делаются кроткими, а заимодавец раздражается по мере того, как берет; он не перестает лаять, но требует еще большего. Если клянешься: не верит, высматривает, что есть у тебя в доме, выведывает, что у тебя в долгах. Если выходишь из дома, влечет тебя к себе и грабит. Если скроешься у себя, стоит пред домом и стучит в двери, позорит тебя при жене, оскорбляет при друзьях, душит на площади. И праздник не весело тебе встретить; самую жизнь делает он для тебя несносною.

Но говорит: нужда моя велика, и нет другого способа достать денег. — Какая же польза из того, что отдалишь нужду на нынешний день? Нищета опять к тебе придет, *яко благ течец* (Притч. 24, 34), и та же нужда явится с новым прира-

щением. Ибо заем не вовсе освобождает от затруднительного положения, но только отсрочивает его не надолго. Вытерпим ныне тяготу бедности, и не станем отлагать сего на завтра. Не взяв в заем, равно ты будешь беден, и сегодня, и в следующие дни; а взяв, истощишь себя еще больше, потому что нищета возрастает от роста. Теперь никто не винит тебя за бедность, потому что зло не произвольно; а когда обяжешься платить рост, всякой станет упрекать тебя за безрассчетность.

Итак к невольным бедствиям не будем, по неразумию своему, прилагать еще произвольного зла. Детскому разуму свойственно не покрывать своих нужд тем, что имеешь, но, вверившись неизвестным надеждам, отваживаться на явный и непререкаемый вред. Рассуди наперед: из чего станешь платить? Из тех ли денег, который берешь? Но

их не достанет и на нужду, и на уплату. А если ты вычислишь и рост; то откуда у тебя до того размножатся деньги, что они частью удовлетворяют твоей нужде, частью восполняют собою, что занято, а сверх того принесут и рост? Но ты отдашь долг не из тех денег, которые берешь в рост? Разве из другого источника возьмешь деньги? Подождем же исполнения этих надежд, а не станем, как рыбы, кидаться на приманку.

Как они вместе с пищею глотают уди, так и мы ради денег пригвождаем себя к росту. Ни какого нет стыда быть бедным; для чего же навлекаем на себя позор, входя в долги? Никто не лечит раны ранюю, не врачует зла злом; — и бедности не поправишь платою роста. Ты богат? не занимай. Ты беден? также не занимай. Если имеешь у себя достаток; то нет тебе нужды в долгах. А если ничего не имеешь у

себя, то не чем будет тебе заплатить долга. Не предавай жизнь свою на позднее раскаяние, чтобы тебе не почитать счастливыми тех дней, в которые ты не платил еще роста. Мы бедные отличаемся от богатых одним — свободой от забот; наслаждаясь сном, смеемся над их бессонными ночами; не зная беспокойств и будучи свободны, смеемся над тем, что они всегда связаны и озабочены. А должник — и беден, и обременен беспокойствами. Не спит он ночью, не спит и днем; во всякое время задумчив, оценивая то свое собственное имущество, то великолепные дома и поля богачей, одежды мимоходящих, домашнюю утварь угощающих. «Если бы это было мое, говорит он, я продал бы за такую и такую-то цену, и тем освободился бы от платежа роста». Это и ночью лежит у него на сердце, и днем занимает его мысли. Если

стукнешь в дверь; должник прячется под кровать. Вбежал кто-нибудь скоро, у него забилося сердце. Залаял пес; а он обливается потом, томится предсмертною мукою, и высматривает, куда бежать. Когда наступает срок, заботливо придумывает, что солгать, какой изобрести предлог, и чем отделаться от заимодавца.

Представляй себе не то одно, что берешь, но и то, что потребуют с тебя назад. Для чего ты вступаешь в союз с многоплодным зверем? О зайцах говорят, что они в одно время и родят, и кормят, и зачинают детей. И у ростовщиков деньги в одно время и отдаются в заем, и рождаются, и подрастают. Еще не взял ты их в руки, а уже требуют с тебя приращения за настоящий месяц. И это, опять причтенное к долгу, воспитывает новое зло, от которого родится еще новое, и так до бесконечности. Потому-то и наименова-

нием таким почтен этот род любо-
стяжания; ибо называется ростом
(тоκος), как я думаю, по причине
многоплодности этого зла. Да и от
чего произойти иначе сему имено-
ванию? Или, может быть, называ-
ется ростом, по причине болезней
и скорбей, какие обыкновенно
производит в душах задолжавших.
Что рождающей — болезни рожде-
ния, то должнику наступающий
срок.

Рост на рост, это — злое исча-
дие злых родителей. Такие припло-
дия роста да назовутся порождени-
ем ехидниным! Об ехиднах говорят,
что они рождаются, прогрызая ут-
робу матери; и рост отрождается,
изъедая дом должника. Семена да-
ют плод, и животные приходят в
зрелость с течением только време-
ни; а рост сегодня рождается, и се-
го же дня начинает рождать. Жи-
вотные скоро начинающие рож-
дать, скоро и перестают; а деньги,

получив начало скорого приумножения, до бесконечности более и более приращаются. Все возрастающее, как скоро достигнет свойственной ему величины, перестает возрастать, но серебро лихоимцев во всякое время, по мере его продолжения, само возрастает. Животные, когда их дети делаются способными к рождению, сами перестают рождать, но серебряные монеты у заимодавцев, и вновь прибывающие рождают, и старые остаются в полной силе. Лучше тебе не знать по опыту сего чудовищного зверя!

Ты свободно смотришь на солнце. Для чего же завидуешь сам себе в свободе жизни? Ни один боец не избегает так ударов противника, как должник встречи с заимодавцем, стараясь спрятать голову за столпами и стенами. «Как же мне прокормиться»? — говоришь ты. — У тебя есть руки, есть ремесло.

Наймись, служи; много промыслов жизни, много способов. Но у тебя нет сил? Проси у имеющих. Но просить стыдно? А еще стыднее не отдать взятого в заем. Я говорю тебе это вовсе не как законодатель, но хочу показать, что все для тебя сноснее займа. Муравей может пропитаться, хотя не просит и не берет в заем; и пчела остатки своей пищи приносит в дар царям; но им природа не дала ни рук, ни искусств. А ты, человек, животное изобретательное на промыслы, не можешь изобрести одного из всех промысла, чем тебе прожить?

Впрочем, видим, что доходят до займа не те, которые нуждаются в необходимом (им никто и не поверит в долг), но занимают люди, которые предаются безрасчетным издержкам и бесполезной пышности, раболепствуют женским прихотям. Жена говорит: «мне нужно дорогое платье и золотые вещи, и сыновьям

необходимы приличные им и нарядные одежды, и слугам надобны цветные и пестрые одеяния, и для стола потребно изобилие». И муж, выполняя такие распоряжения жены, идет к ростовщику; прежде, нежели получить в руки занятые деньги, меняет одного на другого многих владык, непрестанно входя в обязательство с новыми займодавцами, и непрерывностью сего зла избегает обличения в недостаточности.

И как одержимые водяною болезнью остаются в той мысли, что они тучны: так и этот человек представляет себя богатым, непрестанно то занимая, то отдавая деньги, и новыми долгами уплачивая прежние, так что самую непрерывностью зла приобретает себе доверие к получению вновь. Потом как больные холерою, непрестанно извергая вон принятую им пищу, и прежде нежели желудок совершен-

но очищен, наполняя его новою пищею, опять подвергаются рвоте с мучительною болью и судорогами: так и эти люди, меняя один рост на другой, и прежде нежели очищен прежний долг, делая новый заем, на несколько времени повеличавшись чужим имуществом, впоследствии оплакивают собственное свое достояние. Как многих погубило чужое добро! Как многие, видев себя богатыми во сне, понесли ущерб!

Но говорят, что многие чрез долги разбогатели, а я думаю, что больше было таких, которые дошли до петли. Ты видишь разбогатевших, а не считаешь удавившихся, которые, не терпя стыда подвергнуться взыскание долгов, позорной жизни предпочли удавку и смерть. Видал я жалкое зрелище, как свободно рожденных за отцовские долги влекли на торг для продажи. Ты не можешь детям оставить де-

нег? по крайней мере не отнимай у них и благородства. Сбереги для них это одно достояние — свободу, этот залог, полученный тобою от родителей. Никого никогда не винили за убожество отца, но отцовский долг доводит до тюрьмы. Не оставляй по себе рукописания, которое бы уподоблялось отеческой клятве, переходящей на детей и внуков.

Послушайте богатые, какие советы даем мы бедным, по причине вашего бесчеловечия, — лучше с терпением переносить другие бедствия, нежели те, которые бывают следствием роста. Но если бы вы повиновались Господу, то какая нужда была бы в сих словах? Какой же совет дает Господь? *Взаим дадите, от нихже не чаете восприяти* (Лк. 6, 34—35). Скажешь: какой же это заем, с которым не сопряжена надежда возвращения? Вникни в силу речения, и удивишься чело-

веколюбю Законодателя. Когда будешь давать бедному ради Господа; это будет и дар, и заем, — дар, по безнадежности получить обратно, — заем, по великодаровитости Владыки, Который Сам за него заплатит, и взяв малость чрез бедного, воздает за то великим. Ибо *милуяй нища взаим дает Богови* (Притч. 19, 17). Ужели не захочешь, чтобы общий всех Владыка принял на Себя ответственность заплатить тебе? А ежели какой-нибудь богач в городе обещается заплатить за других, не примешь ли его поручительства? Но Бога не допускаешь платить за убогих? Отдай серебро, которое лежит у тебя напрасно, не отягощая бедного приращениями, и будет хорошо обоим, — тебе, потому что серебро сбережется в безопасности, и взявшему у тебя, потому что он чрез употребление извлечет из него пользу. А если домогаешься прибýtка, то

удовольствуйся тем, какой получишь от Господа. Он за бедных заплатит и приращение. От того, Который подлинно человеколюбив, ожидай человеколюбия.

Если берешь с бедного, то сие верх человеконенавистничества. Ты из чужих несчастий извлекаешь прибыль; со слез собираешь деньги; душишь нагого, бьешь голодного. У тебя нет жалости, нет и мысли о родстве с страдальцем; и ты называешь человеколюбивыми получаемые таким образом прибыли? *Горе глаголющим горькое сладкое, и сладкое горькое* (Ис. 5, 20), и называющим бесчеловечие человеколюбием. Не таково было гадание, которое Сампсон предлагал пирующим: *от ядущаго изыде ядомое, и от крепкаго изыде сладкое* (Суд. 14, 14), и от человеконенавистника вышло человеколюбие. *Не объемлют от терния грозды, и от репия смоквы, и от роста — человеколюбия; всяко*

бо древо злое плоды злы творит (Мф. 7, 16–17). Есть какие-то ростособиратели — то со ста, то с десяти (и самые названия их страшно слышать), и какие-то помесячные взыскатели, которые как бесы, производящие падучую болезнь, по лунным кругообращениям нападают на бедных. Худая для обоих уплата, и для дающего, и для получающего! У одного производить ущерб в деньгах, у другого вредит самой душе. Земледелец, получив колос, не ищет опять под корнем семени; а ты и плоды берешь, и не прощаешь того, с чего получаешь рост. Ты без земли сеешь; не сеяв, жнешь. Неизвестно, кому собираешь. Есть проливающий слезы от роста, — это известно; но кто воспользуется приобретенным чрез это богатством, — это сомнительно. Ибо неизвестно, не другим ли предоставишь употребление богатства, собрав для себя одно зло неправды.

Итак *хотящаго* зяяти *не отврати* (Мф. 5, 42), и *сребра твоего в лихву не дай*, чтобы, из Ветхого и Нового Завета научившись полезному, с благою надеждою отойти тебе ко Господу, и там получить лихву добрых дел, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь

Святитель Григорий Нисский (335-396)

Из труда «Точное истолкование
Екклезиаста Соломонова»^{*}
Беседа 1. (Гл. 1. ст.1-11)

(Гл.1.1-11). *Глаголы Екклезиаста сына Давидова, царя Израилева во Иерусалиме. Суета суетствий, всяческая суета, рече Екклезиаст. Кое изобилие человеку во всем труде*

^{*} Творения святого Григория Нисского, ч. 2.
М., 1861.

Григорий Нисский, свт. Точное толкование Екклесиаста Соломонова. – М.: Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского, 1997.

его, иже трудится под солнцем!
Род преходит, и род приходит, а
земля во веки стоит. И восходит
солнце, и заходит солнце, и в место
свое влечется: сие возсиявая тамо,
идет к югу, и обходит к северу: ок-
рест идет дух, и на круги своя обра-
щается дух. Все потоцы идут в мо-
ре, и море несть насыщаемо; на ме-
сто, аже потоцы идут, тамо ти
возвращаются ити. Вся словеса
трудна, не возможет муж глагола-
ти: и не насытитися око зрети, ни
исполнитися ухо слышания. Что было,
тожеде есть, еже будет: и что было
сотвореное, тожеде имать сотвори-
тися: и ничтоже ново под солнцем,
иже возглаголет и речет: се сие ново
есть, уже бысть в вещех бывших
прежде нас. Несть память первых, и
последним бывшим не будет их па-
мять с будущими напоследок.

На истолкование нам предлага-
ется Екклезиаст, трудность воззре-

ния на который равняется великости доставляемой им пользы. Ибо после того, как ум обучен уже приточным мыслям, в которых, по сказанному в предисловии к книге Притчей, есть и темные слова и премудрые речения, и гадания и различные обороты речи (Прит. 1, б), — только пришедшим уже в возраст, способный к слушанию совершеннейших уроков, возможно восхождение и до сего столько возвышенного и богодухновенного писания. Посему, если притча и упражнение, приуготовляющее нас к сим урокам, суть нечто столько трудное и неудобобозримое; то сколько надобно труда, чтобы самим вникнуть в сии возвышенные мысли, предлагаемые нам теперь для обозрения? Ибо как трудившиеся в телесных упражнениях в училище готовятся к пролитою большего пота и к понесению

больших трудов в действительных
борьбах; так и приточное учение
кажется мне неким упражнением,
обучающим души наши и делаю-
щим их гибкими в церковных под-
вигах. Посему, если сие предвари-
тельное упражнение бывает успеш-
но при пролитии пота и при мно-
гих трудах; что надлежит заключить
о самых подвигах? Конечно, в ка-
кой бы чрезвычайно великой мере
ни представлял их кто себе мыс-
ленно, он не изобразит словом, как
следовало бы, тех трудов, какие на
поприще, представляемом сим пи-
санием, указуются старающимся о
безопасности с подвижническою
опытностью в духовном, чтобы
слово не оказалось погрешитель-
ным, но, при всяком борении мыс-
ли, ум пребывал неуклонно стоя-
щим в истине. Впрочем, поелику и
на это есть Владычня заповедь, и
должно нам испытывать Писания

(Иоан. 5, 39), то хотя бы ум наш, не постигая величия мыслей, оказался отстающим от истины, чтобы не показаться также презрителями Господней заповеди, совершенно необходимо, по мере сил, преуспевать в рачении о слове. Поэтому, сколько можем, испытываем и предлагаемое писание. Ибо Давший заповедь испытывать, без сомнения, даст для этого и силу, как написано: *Господь даст глагол благовествующим силою мноюю* (Псал. 67, 12).

И во первых воззрению нашему да будет подлежать надписание сей книги. Во всей Церкви читаются Моисей и закон, пророки, псалмопение, вся история, и если что заключается в Ветхом и Новом Завете, все то провозвещается в церквях. Итак, почему же эта одна книга по преимуществу украшается надписанием Екклезиаста? Что же

предположить нам об этом? Не то ли, что во всех других писаниях, исторических и пророческих, цель их клонится и к чему либо другому, не вовсе полезному для Церкви. Ибо какая нужда для Церкви в точности изучать бедственные последствия войн, или кто были князьями у народов, основателями городов, кто от кого выселился, или какие царства впоследствии времени исчезнут, сколько таких браков и чадорождений, о которых тщательно упомянуто, и всему сему подобное, о чем только можно почерпнуть сведение в каждом писании, может ли столько содействовать Церкви в деле благочестия? А учение сей книги имеет в виду такой только образ жизни, какого требует Церковь, и преподает то, чем можно человеку преуспеть в добродетельной жизни. Ибо цель сказуемого здесь, поставить ум вы-

ше чувства, оставив наконец все, что в существах есть кажущегося великим и блистательным, обратиться душою к тому, что недоступно чувственному пониманию, воспринять, вожделение того, что недостижимо для чувства.

А, может быть, надписание имеет в виду и Вождя Церкви. Ибо истинный Екклезиаст, собирающий рассеянное в единую полноту и блуждающих многократно по разным обманчивым путям воцерковляющий в единый сонм, — кто иной, как не истинный Царь Израилев, Сын Божий, которому Нафанаил сказал: *Ты еси Сын Божий, Ты еси царь Израилев* (Иоан. 1, 49)? Посему, если глаголы сии Царя Израилева, а Он же самый, как говорит Евангелие, и Сын Божий; то Он же именуется и Екклезиастом. Да и не без основания, может быть, значение надписания возводим до

сего смысла, но чтобы дознать чрез это, что сила и сих *глаголов* возводится к Тому, Кто на Евангелии утвердил Церковь. Ибо сказано: *глаголы Екклезиаста, сына Давидова* (Еккл. 1, 1). А так и Его именует Матфей в начале Евангелия, называя Господа сыном Давидовым.

Суэта суетствий рече Екклезиаст: всяческая суэта (Еккл. 1, 2). Под словом: «суетное» разумеется, что неосуществимо, имеет бытие в одном словесном произношении, вместе же с означением имени не появляется состоявшаяся вещь, но бывает какой-то праздный, ничего не содержащий в себе звук, в виде какого либо речения, случайно произносимый по слогам, без значения поражающий слух, как например иные в шутку сочиняют имена, для которых нет и означаемого. Это один вид суеты. Суетою же другого вида называется беспо-

лезность того, что делается с каким-то тщанием без всякой цели; таковы например детские здания на песке, метание стрел в звезды, старание уловить ветер, состязания в скорости бега с своею тенью, когда кто усиливается наступить на вершину своей тени. И если что иное сему подобное находим в делаемом нами напрасно, все это означается словом: *суета*. Но в обычае называть нередко суетным и следующее: когда кто, имея в виду какую либо цель, и рачительно, как чем-то полезным занимаясь, предлежащим делом, все приводит в действие, а потом, при встрече чего либо противного, труд его оказывается бесполезным, тогда это самое, что рачительность осталась без всякого успеха, означается словом: *суетное*. Ибо о подобном сему в обычае говорить: «напрасно я трудился, напрасно надеялся, напрасно прила-

гал много усилий». И чтобы не перечислять в подробности всех случаев, в которых употребляется слово: *суета* в собственном его смысле, в немногих словах определим понятие сего речения: суета есть, или неимеющее мысли слово, или бесполезная вещь, или неосуществимый замысл, или неведущее к концу тщание, или вообще что либо не служащее ни к чему полезному.

Но если уразумели мы понятие суетного, то должно будет исследовать, что значит: *суета суетствий*. И, может быть, удобнее будет для нас уразуметь искомое, если исследуем обычай Писания выражаться о представляемом в превосходной степени. Занятие чем либо необходимым и полезным именуется в Писании «делом», занятие же чем либо высшим, всем тем, что относится к богослужению, как видно

из истории, называется *делом дел* (Числ. 4, 47); и выражением сим: «дело дел», как думаю, показывается, какое занятие относительно к нам в некоторой мере предпочтительнее других. Ибо какое отношение рачительности в делах к праздности вообще, такое же отношение и деятельности в занятиях высших и предпочтительнейших к прочим делам. Так об ином говорится в Писании: «святое», а об ином опять: «святое святых», потому что в равной мере, как святое по святыне выше не святого, так и святое святых представляется преизобилюющим во святыне пред самым святым. Посему, что узнали мы о сем обычае писания — в отношении к лучшему таким образом означать усиление рассматриваемого понятия, разумея тоже и о выражении: *суета суетствий*, не погрешим нимало. Писание скажет, что ви-

димое в существах не просто суетно, но что ему в каком-то преизбытке принадлежит значение суеты; как если бы сказал кто: «это мертвее мертвого, бездушнее бездушного». Хотя сие сравнительное усиление в подобных понятиях и не имеет места, однако же выражается оно сим речением в уяснение превосходства означаемого. Посему, как есть дело дел и умопредставляемо святое святых, и сим выражается указание на превосходство в совершенстве; так и выражение: *суета суетствий* показывает крайнюю степень преизбытка суеты.

И никто да не подумает, будто бы сказанное служит осуждением твари. Ибо обвинение пало бы на Сотворшего все, если бы и все было суетою, и создателем сего оказался у нас Тот, Кто все привел в бытие из ничего. Но поелику со-

став человека двойкий, с телом соединяется душа; то и образ жизни делится соответственно каждой из усматриваемых в нас частей. Иная жизнь души и иная тела; одна смертна и временна, другая бесстрастна и негиблуща; и первая имеет в виду одно только настоящее, цель же последней простирается в непреходящее. Посему, так как велика разность между смертным и бессмертным, между временным и вечным; то слово Екклезиаста ведет к тому, что должно иметь в виду не эту чувственную жизнь, которая, в сравнении с жизнью истинною, есть какая-то недействительная и не состоятельная.

Но, тем не менее, иной скажет, что и это рассуждение не освобождает от обвинения Создателя, потому что от Него и душа и тело. Если осуждается жизнь по причине

плоти, а Творец плоти — Бог; то к Нему необходимо будет относиться таковая укоризна. Но сие скажет конечно тот, кто еще не вне плоти, и не вник до точности в жизнь высшую. Ибо обученный Божественным тайнам, без сомнения, не не знает, что людям свойственна и естественна жизнь, уподобляющаяся Божественному естеству, а жизнь чувственная, провождаемая в деятельности чувствилищ, дана естеству для того, чтобы знание видимого сделалось для души путево-дителем к познанию невидимого, как говорит Премудрость: *от величества красоты созданий сравнительно Рододелатель всего познавается* (Прем. 13, 5). Но человеческое недоразумие воззрело не на то, что достойно удивления, по причине видимого, но тому и удивилось, что видело.

Посему, так как деятельность чувствовалищ временна и скорогиблуща, из сей высокой речи дознаем то, что имеющий в виду сие ничего в виду не имеет; но кто, путеводимый сим к уразумению сущего, при помощи преходящего уразумел естество постоянное, постиг то, что всегда одинаково, тот узрел действительно сущее благо, и что узрел, тем овладел, потому что зрение сего блага есть обладание. Ибо Екклезиаст говорит: *кое изобилие человеку во всем труде его, имже трудится под солнцем?* (Еккл. 1, 3). Жизнь в теле назвал трудом, домогающимся прибыли без всякого успеха. Ибо говорит: *кое изобилие человеку?* то есть, что приобретается душе в житейском труде живущими только для видимого? В чем состоит самая жизнь? Какое из видимых благ пребывает всегда тем же? Солнце совершает течение свое,

попеременно производя то свет, то тьму, освещая над нами воздух, когда показывается над землею, и навлекая тьму своим захождением, *Земля же стоит* (Еккл. 1, 4), и в стоянии своем пребывает неподвижною, и что стало, то не приходит в движение, и что пришло в движение, то не останавливается. Оказывается, что все во все продолжение времени само собою ни в чем не изменяется превращением во что либо новое. Море служит приемником отовсюду стекающихся вод, и приток их не прекращается, и море не увеличивается. Какая цель течения вод, наполняющих всегда наполняемое? Для чего море принимает в себя притоки вод, оставаясь навсегда не увеличивающимся от сего приращения?

Екклезиаст говорит это, чтобы предварительно из самых стихий, в которых заключена жизнь челове-

ческая, объяснить несостоятельность того, о чем заботимся. Ибо, если это установленное течение солнца не имеет предела, это попеременное преемство света и тьмы не допускает остановки, а земля, осужденная стоять, в стоянии своем пребывает неподвижною, без пользы же трудятся реки, истощая себя в ненаполнимое естество моря, а море напрасно принимает в себя притоки вод, нисколько не прибывая от принятия непрестанно вливаемого в его недра, — если это примечаем в сих стихиях; то в каком положении следует быть человечеству, которого жизнь заключена в тех же стихиях, и что удивительного, если *род преходит, и род приходит* (Еккл. 1, 4), и это течение не оставляет естества, между тем как привходящий род людей гонит предшествовавший ему, и сам изгоняется вновь привходящим?

Посему, что же слово сие возглашает этим Церкви? Следующее: «обозревая вселенную, человеки, уразумейте свое собственное естество». Что видишь на небе и на земле, что усматриваешь в солнце, что примечаешь в море, то да объяснит тебе и твое естество. Ибо и у нашего естества, по подобию с солнцем, есть восток и запад. Один путь всем, один круг жизненного течения. Едва появимся на свет рождением, как снова увлекаемся в сродную нам страну. Ибо с захождением нашей жизни и наше свечение бывает подземным, когда чувство наше делается способным к восприятию света: а земля, без сомнения, разрешается в сродное ей. И этот круг непрестанно вращается одинаково.

Как совершается течение солнца, говорит Екклезиаст, солнце, восходя над верхнею частию земли,

проходит южными странами, а под землю идет противоположно северною частию; и, таким образом всегда круговращаясь, обходит свой путь, и снова идет, возвращаясь на оный (ибо сказано: *обходит окрест*): так поэтому и твой *идет* дух (продолжает Екклезиаст, под частным именем разумея всякий человеческий дух), круговое сие шествие совершая одинаковым образом. Ибо сказано: *идет, и на круги своя обращается дух* (Еккл. 1, 6)

А кто уразумел это, тот немало пользы приобретет для своей жизни. Что блистательнее света? Что явственнее лучей? Однако же, если солнце идет под землю, свечение скрывается, и луч исчезает. Смотря на это, человек целомудреннее да проходит жизнь свою, презирая здешнюю знатность, дознав из видимого, что знаменитое не остается таким всегда.

Но изменчивы преемства противоположностей, ничто не остается таким, каково оно в настоящее время, ни молодость, ни красота, ни блеск властительства. И это идет к живущим в каком-то благополучии. А для кого добродетельная жизнь кажется трудною, душа тех терпеливо переносит бедствия да обучается примером земли. *Земля во век стоит.* Что труднее сего неподвижного стояния? Однако же стояние сие простирается до века. А для тебя время подвига коротко. Не будь бездушнее земли. Не будь несмысленнее бесчувственного ты, снабженный рассудком и управляемый в жизни разумом; но *пробывай*, как говорит Апостол, *в них же научен еси, и яже вверена суть тебе* (2 Тим. 3, 14), стоя твердо и непоступно, потому что в числе божественных заповедей и следующее: *тверди бывайте и не поступни*

(1 Кор. 15, 58). Да пребывают в тебе целомудрие непоколебимо, вера тверда, любовь непоступна, стояние во всем прекрасном неподвижно, как и земля в тебе *во век стоит*. Если же кто предан любостыжательности, и подобно какому-то морю, разверзши безмерную похоть, не насыщается отовсюду стекающимися прибытками; то, смотря на действительное море, да врачует он болезнь свою.

Ибо, как море при тьмочисленных притоках вод не преступает своей меры, но пребывает в одинаковой полноте, как бы не было в нем никакого прибавления вод; таким же образом человеческое естество, ограниченное особыми мерами в наслаждении тем, что есть, не может способностей к наслаждению с жадностью расширять, смотря по множеству доходов; но как и приток богатства прекращается, так

и сила наслаждения сохраняется в своих пределах. Поэтому, если наслаждение не может превзойти меру естества; то для чего привлекаем к себе притоки доходов, а не источаем их никогда на благотворение другим даже сверх приходящего?

А поелику, по данному нами понятию о суете, бесполезное ли слово, бесполезное ли дело есть суета; то прекрасно начинается с сего речь; чтобы мы, делается ли, говорится ли что нами, если кто имеет при сем в виду здешнюю цель, не почитали сего чем либо состоятельным; потому что всякая человеческая рачительность, занятая чем либо житейским в подлинном смысле есть игра детей на песке, наслаждение которых сделанным прекращается вместе с тщанием это сделать. Как же скоро труд прекратился, песок рассыпался в тоже положение, в каком он был

прежде, с сим вместе не остается и следа приложенных трудов. Такова же человеческая жизнь, честолюбие — песок, властолюбие — песок, богатство — песок, песок и все то, чем со тщанием наслаждаются при посредстве плоти; осуетившиеся ныне этим младенчествуящие души, которые много несут трудов за каждую вещь, доставляющую такое удовольствие, но как скоро оставят эту песчаную область, разумею плотскую жизнь, познают тогда суетность здешнего препровождения жизни. Ибо с вещественною жизнью продолжается и наслаждение; с собою же ничего они не уносят, кроме одной совести.

И великий Екклезиаст, кажется мне, как ставший уже вне этого и совлекшеюся душою вступающий в невещественную жизнь, изрек то, что вероятно скажем со временем и мы, когда будем вне этой примор-

ской области, которая полна песков, выбрасываемых житейским морем, и удалимся от всех шумящих и оглушающих нас волн. Тогда, из мысленного моря принеся одну память о том, чего там домогались, скажем: *суета суетствий, всяческая суета*, и нет *изобилия человеку* в том, над чем *трудится под солнцем*. Так, по моему рассуждению, это будет слово всякой души, когда, совлекшись здешнего, переселится в уповаемую жизнь. Ибо, если в настоящей жизни преуспела в чем либо более возвышенном, то осудит то, чем была занята, по сравнению с найденным унижая прошедшее. Если же, до пристрастия будучи привержена к веществу, увидит неожиданное, и опытом дознает, бесполезность для нее того, о чем старалась в жизни; с плачем тогда произнесет сии слова, которыми мы люди выражаем свое

раскаяние, со слезами описывая свое безрассудство: *суета суетств-вий*, и прочая.

Вся словеса, говорит Екклезиаст, *трудна, и не возможен муж глаголати* (Еккл. 1, 8). Из всего подручного нам всего более удобным признается это — говорить. Ибо какой труд сказать, что кому угодно? Язык гибок и поворотлив, без труда прилаживается, к какому хочешь, роду речений; беспрепятственно также переведение выдыхаемого воздуха, при помощи которого производит он звуки, неболезненны прислуживание щек и вместе содействие губ для произнесения того, что говорится.

Итак, какой же труд усматривает в слове Екклезиаст? Ибо, не землю копая, не камни ворочая, не тяжести нося на плечах, не что-либо другое трудное делая, выговариваем слово. Но в нас состояв-

шаяся мысль, будучи обнаружена посредством голоса, делается словом. Поелику же такое слово не представляет труда; то должно подумать, какие это — *словеса трудна*, которых *не возможет муж глаголати?* — Пресвитеры, сказано, *сугубыя чести да сподобляются, наче же труждающися в слове* (1 Тим. 5, 17). Пресвитером, по обычаю, называется, тот, кто вышел из неупорядоченного возраста, и находится в престарелом состоянии; так что, если кто непостоянен помыслом и жизнь ведет не в порядке, то таковой, хотя бы показывались у него и седины, не пресвитер, но еще муж.

Посему *словеса, словеса* в подлинном смысле душе полезныя, служащая ко благу людей, суть *словеса*, требующия пота и трудов, и они, чтобы стать *словесами*, приводят ко многим усилиям. Ибо

труждающему делателю прежде подобает от плода вкусить (2 Тим. 2, б), говорит художник таковых словес, так что под словом разуместь должно не речение, но добродетель, предлагаемую видящим в делах, чтобы вместо слова соделались они для поучаемых уроком жизни. Посему трудны все таковые словеса тех наставников добродетели, которые сперва сами преуспевают в том, чему учат. Ибо это значит сказанное: прежде подобает вкусить от плодов, какие предварительно пред другими в себе самих возделываем добродетелию.

Или, может быть, слово сие объясняет и немощь разумной природы. Ибо когда бываем вне чувствилищ, которые названы суетою, и мысль, вторгшись как-то в созерцание невидимого, покусится мыслимое представить словом; тогда великий бывает труд для слова,

потому что истолковательная эта речь не находит никакого средства к уяснению неизглаголанного. Смотрим на небо, приемлем в себя чувством лучи светил, ходим по земле, втягиваем в себя устами воздух, по видимому, пользуемся для естества водою, и огонь принимаем в общение жизни; но, если пожелаем размыслить о сем несколько, что такое каждая из видимых вещей в отношении к сущности, откуда, или как составилась; то *не возможен муж глаголати*, хотя бы он был и выше других; потому что всякое постижимое познание не в силах выразить непостижимое.

Если же слово об этом составляет труд, превосходящий человеческую способность говорить и естество человеческое; то какой труд, скажет иной, принудят потерпеть *словеса* о самом Слове, или об От-

це Слова, где всякое высокоглаго-
вание и велегласие есть какая-то
неясность и молчание, если срав-
нить с истинным значением иско-
мого; почему о Нем в собственном
смысле можно сказать то только
одно, что, если кто приведет в
движение все помыслы, и не будет
у него недостатка ни в одном из
боголепных представлений, но ес-
ли сравнит речь свою с самым дос-
тоинством предмета, то и тогда,
что ни сказал бы он, это еще не
слово, потому что *не возможен* че-
ловек *глаголати*.

Зрение не останавливается на
том обзоре видимого, какой дос-
тавляют душе глаза; напротив того,
смотря непрестанно, как бы вовсе
не видевшие, остаемся еще в неве-
дении о том, что принимаем чув-
ством. Зрение не может проник-
нуть далее цвета; но мерою своей
деятельности имеет то, что пред-

ставляется ему на поверхности вещей. Посему, говорит Екклезиаст, *не насытится око зрети, ни исполнится ухо слышания* (Еккл. 1, 8). Способность слуха, принимая в себя слово о каждой вещи, не может наполниться в естестве своем; потому что не найдется такого слова, которое бы в точности обнимало собою искомое. Посему как слуху исполниться слышания об искомом, когда нет наполняющего?

Потом после сих слов Екклезиаст сам себя спрашивает, и сам себе отвечает. Ибо спросив: *что было?* говорит: *тожде* есть, *еже будет*, и еще спросив: *что было сотворенное?* отвечает: *тожде имат сотворитися* (Еккл. 1, 9). Итак к чему же этот вопрос? В следствие того, что дознано нами, возражаем и говорим ему: «если все это суета, то, очевидно, из того, что не со-

стоялось, ничего и не было; а суетное, без сомнения, несостоятельно, и несостоятельного никто не почтет бывшим». Если же это не так; то скажи: что есть бывшее, или что остается в бытии? Посему, краткий у него ответ на этот вопрос. Угодно тебе знать, что такое бывшее? размысли, что такое будущее, и узнаешь, что было. А это значит: размысли, прошу тебя, человек, каким сделаешься, возвысив себя добродетелию, если во всем добрыми чертами отличишь душу, если соделаешься чистым от пятен порока, если смоешь с естества своего всю нечистоту вещественных скверн; чем будешь в таковых украшениях, какой примешь на себя образ? Если вникнешь в это рассудком; то изучил ты бывшее первоначально по образу и подобию Божию. Спрашиваю при этом учащего: где теперь то, что некогда

было, и о чем есть надежда, иметь это в последствии, но чего теперь нет? Без сомнения, преподающий нам высокие уроки, ответит тем же словом; потому-то настоящее и названо суетою, что оно нет в настоящем.

И что было сотвореное, говорит Екклезиаст, тожде имат со-творитися. Никто из слушающих да не признает многословия и какого-то напрасного повторения слов в различении того, что было и что сотворено. Ибо слово каждым из сих речений показывает различие души от плоти. Душа была (точнее: стала), а тело сотворено. Не потому, что сила сих речений выражает что либо не одно и то же, но чтобы дать возможность заключать о каждом из означаемых, что следует, слово употребило сие различие речений о душе и теле. Душа первоначально была тем, чем

снова окажется в последствии по очищении, и тело, созданное Божиими руками, сотворено тем, чем в надлежащие времена покажет его воскресение. Ибо каким всегда будешь видеть его по воскресении, таким, конечно, сотворено и первоначально; потому что воскресение есть не иное что, как, без сомнения, восстановление в первобытное состояние.

Почему Екклезиаст прибавляет к этому и следующее, сказуя, что кроме первобытного нет ничего. Ибо говорит: *ничтоже ново под солнцем*. А сим как бы сказал он: если что не по первобытному, то вовсе этого нет, а только почитается имеющим бытие. Ибо *ничтоже*, говорит Екклезиаст, *ново под солнцем*, так что мог бы кто сказать и указать на что-либо совершающееся: «это ново, и действительно состоялось». Таков смысл сказанно-

го, читается же сие так: *и ничтоже ново под солнцем, иже возглаголет, и речет: се сие ново есть.* И защищает сказанное в последующем, говоря: если что действительно произошло, оно тоже, что было в предшествовавшие нам века. Сию мысль показывают самые речения Писания, читаемые так: *уже бысть в вещех бывших прежде нас* (Еккл. 1, 9).

Если же овладело нами забвение того, что было; то не дивись сему. Ибо и то, что ныне, предается забвению. Когда естество уклонилось в порок; тогда забыли мы доброе. Но когда настанет для нас возвращение к доброму; тогда снова покроется забвением худое. Ибо сей, думаю, смысл заключается в сказанном, когда Екклезиаст говорит: *несть память первых, и последним бывшим не будет память*

(Еккл. 1, 11). Он как бы так сказал: память о том, что было по первоначальном благоденствии, и от чего человечество стало погруженным в зло, изгладит то, что по прошествии долгого времени произойдет на последок. Ибо не будет памяти о сем по совершившемся напоследок; то есть, всецелое уничтожение памятования зол соделано для естества последним восстановлением о Христе Иисусе. Ему слава и держава, во веки веков! аминь.

Беседа 2. (Гл.1, ст.12-18. Гл. 2. ст.1-3)

Аз, сказано, *Екклезиаст* (Еккл. 1, 12). А мы дознали, кто этот Екклезиаст, который заблудшее и рассеянное собирает во едино, все делает единым стадом, чтобы ничто

не оставалось не внемлющим прекрасному все оживотворяющему гласу Пастыря; потому что говорит: *глаголы, яже Аз глаголю дух суть и живот суть* (Иоан. 6, 63). Он-то именуется себя Екклезиастом, как врача, и жизнь, и воскресение, и свет, и путь, и дверь, и истину, и как нарицающегося всеми именами человеколюбия.

Посему, как голос врача, приветлив к больным, как слово жизни, делается действенным на мертвых, которые, как скоро слышат глас Сына человеческого, не остаются уже в давней мертвенности, но, и пребывая во гробах, взыскуют гласа воскресения, как слово света, применяется к тем, которые во тьме, как путь, гладок для блуждающих, как дверь, готов для имеющих нужду войти; так Екклезиаст, конечно, беседует с составляющими Церковь. Поэтому к нам глаголет Екклезиаст;

и слова его слушать будем мы — Церковь. Ибо как обращают взоры лик — на уставщика, пловцы — на кормчего, и военный строй — на военачальника; так и составляющие полноту Церкви — на Правителя Церкви.

Посему, что же говорит Екклезиаст? *Аз бых царь над Израилем во Иерусалиме* (Еккл. 1, 12). Когда же это? Не тогда ли, без сомнения, как *поставлен царь от Него над Сионом горою святою Его. Возвещай повеление, Господне* (Псал. 2, 6-7). *Кому рече Господь: Сын Мой еси Ты, и Аз днесь родих Тя* (Евр. 1, 5)? Ибо рече, что Творца вселенной и Отца веков родил днесь, чтобы слово, сим приложением означающего время речения ко времени рождения, представило не предвечное существование, но плотское для спасения человеков рождение во времени. Сие-то, думаю, изображает истинный Еккле-

зиаст, научая великой благочестия тайне, ради которой Бог явился во плоти. Ибо говорит Екклезиаст:

Вдох сердце мое, еже взыскати и рассмотреть в мудрости о всех бывающих под небесем (Еккл. 1, 13).

Вот причина, по которой Господь пришел к людям во плоти, — *вдать сердце Свое, еже рассмотреть в мудрости Своей о бывающих под небесем*. Ибо что выше небес, то, как неодолимое болезнию, не имело нужды в назирающем и во врачующем. Посему, так как зло на земле (пресмыкающийся и наглый зверь — змий, влачась на персях и на чреве, в пищу себе обращает землю, не питаясь ничем небесным, но влачась по тому, что попирается, попираемое имеет всегда в виду, блюдя пяту человеческого шествия, и вливая яд в утративших *власть наступати на змиев* (Лук. 10, 19)); то вдал посему *сердце Свое взыскати и*

разсмотрити о всех бывающих под небесем. Ибо в том, что превышает небес, Пророк не уничиженным видит Божественное великолепие, говоря: *взятся великолепие Твое превыше небес* (Псал. 8, 2); потому что грехом уничижена была и небесная область. Так псалмопевец говорит: *грехов своих ради смиришася* (Псал. 105, 43). Сие-то пришел рассмотреть Екклезиаст, а именно, что под небом произошло такого, чего не было прежде: как привзошла суета, почему стало преобладать неосуществившееся, какое владычество у того, чего нет?

Ибо зло не самостоятельно; потому что не от сущего имеет свою особность. А что не от сущего, то, конечно, не существует особым естеством; и однако же уподобившимся суете преобладает суета. Поэтому пришел изыскать Своею премудростию, что произошло под

солнцем? Что за смешение в том, что делается здесь? Как сущее поработилось не сущему? Почему неосуществившееся владычествует над сущим? и увидел:

Яко попечение лукаво даде Бог сыном человеческим, еже упражднятися в нем (Еккл. 1, 13). О сем же неблагочестиво думать так, как понял бы иной с первого взгляда, а именно: будто бы Сам Бог дал людям лукавое попечение. В таком случае к Нему относилась бы причина зол. Ибо Кто благ по естеству, Тот непременно готов бывает снабжать благами. Почему *всяко древо доброе плоды добрые творит* (Матф. 7, 17); не на тернии зарождается грозд, и не на виноградной лозе — терние.

По природе доброе из сокровищ своих не дает ничего лукавого. И добрый человек от избытка сердца не глаголет худого, но произносит

сообразное своей природе. Тем паче Источник благ изольет ли из естества Своего что либо лукавое? Напротив того более благочестивый смысл требует разуметь сие так, что Божие даяние благо. Это же есть свободное движение, которое при погрешительном употреблении людьми соделалось орудием греха. Ибо что свободно и не порабощено, то добро по естеству; а что сопряжено с необходимостью, того никто не причислит к благам.

Напротив того, самое свободное стремление мысли, без руководства уклонившееся к избранию худого, соделалось искушением для души, от высокого и досточестного увлекшейся к страстным движениям естества. Сие-то и значит слово: *даде*, имеющее не тот смысл, что Бог в жизнь человеческую вложил зло, но тот, что человек данные Богом блага по безрассудству употребил в ус-

лужение злу. А Святому Писанию обычно подобные сим мысли изржать такими речениями. Например: *предаде их Бог в страсти безчестия* (Рим. 1, 26); и: *предаде их в неискусен ум* (Рим. 1, 28); и: *ожесточи сердце Фараоново* (Исх. 9, 19); и: *что уклонил еси нас Господи от пути Твоего, ожесточив сердца наша, еже не боятися Тебе* (Ис. 63, 17); и: *заблуждати сотвори я по непроходней, а не по пути* (Псал. 106, 40); и: *прелстил мя еси, и прелстихся* (Иер. 20, 7). Таковы и все однообразные с сими изречения, точный смысл которых не то подтверждает, будто бы в естестве человеческом происходит что либо человеческое от Бога, а напротив того обвиняет свободу, которая есть благо, и Богом данный естеству дар, но соделалась злом от склонности к противоположному.

Посему Екклезиаст видел *всяческая сотворенная* в сей жизни *под солнцем*, а именно, что все было *существо* (Еккл. 1, 14), потому что не было разумевающего, не было взыскующего Бога, когда *все уклонишася, вкупе неключими быша* (Псал. 13, 23). Потому, сказав: *и се вся суетство*, присовокупил причину, а именно, что не Бог виновник этого, а произволение человеческого вожделения, которое назвал он *духом*. Обвиняет же этот дух не потому, что таков был он изначала (не подлежал бы он и осуждению, если бы таким был создан); но потому что, развратившись, пришел в разлад с устройством целого. Ибо говорит:

Развращенное не может исправиться (Еккл. 1, 15), то есть, да не будет того, чтобы благоустроенной Богом твари свойственно было превратное. Как художник, обделывающий себе что либо по замыш-

ленному чертежу, по линейке и шнуру обрабатывает части, которые при своем художественном отношении одной к другой составляют из себя целое произведение сосуда, и если какая из частей не обработана еще по шнуру, то сего безобразия не допустит, конечно, правильный склад целого, а надобно будет и эту часть, чтобы приладить ее к прямой черте, подвести под шнур и выпрямить: так и Екклезиаст говорит, что естество развращенное пороком не может находиться в твари, в которой соотношение частей устроено правильно.

И лишение, говорит он, не может исчислиться (Еккл. 1, 15). Обычное писанию словоупотребление учит под *лишением* разуместь недостаток. И в этом можно увериться из многих мест. Ибо *во всем и во всех* навывкший Павел умел *лишатися и избыточествовати* (Флп. 4, 12). И по

распутству расточивший отцовское имущество, когда одолевал голод, *начат лишатися* (Лук. 15, 4). И о святых рассуждая, Павел перечисляет и иные злострадания их телом, присовокупляет же и сие, что были *лишени и скорбяще* (Евр. 11, 37). Посему и здесь Писание, сказав: *лишение*, речением сим указало на недостаток. А недостающее не может быть причисляемо к тому, что есть. Ибо и учеников, пока все они были в своей полноте, числом было двенадцать; когда же погиб сын погибели: число стало не полно, потому что недостающее не соприсчислялось к тому, что оставалось. После Иуды число учеников и было и именовалось единонадесять. Посему Екклесиаст говорит: *лишение не может исчислитися*. Что означает это в слове? То, что некогда и мы соприсчислялись к целому; потому что и мы принадлежали к священной

сотне словесных овец. Но поелику от нагорной пажити уклонилась одна овца, — наше естество, увлекшись пороком в эту соленую и сухую страну; то уже не тоже упоминается число в стаде незаблудшихся, но именуется оно числом: девяносто девять. Ибо суетное делается чем-то вне числа действительно состоящих вещей. Почему *лишение не может исчислиться*. Посему-то *прииде взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 15, 10), и восприяв на рамена восстановить в число сущих, что погибало в суете несуществующего, чтобы действительно число твари Божией, когда погибшее будет спасено с непогибшими, сделалось снова полным.

Итак, какое возвращение заблудшегося, и какой способ отрешения от зол для общения во благе, научимся сему в последующем. Ибо *Искушенный по всяческим по подобию,*

разве греха (Евр. 4, 15) беседует с нами от нашего же, Восприявший на Себя наши немощи самыми немощами естества указывает путь вне порока. Представь себе теперь, что беседует премудрость Того, Кто от самого по плоти Соломона, беседует же о том, что наипаче путеводит нас к презрению вожделенного для людей. Ибо не по подобию многих, у которых не во власти вожделеваемое, и Им изрекается слово, так что поэтому не имеет Он достоверности, обвиняя в том, чего не изведal на опыте. Ибо мы все дознаем не своим опытом, но по одним умо-заклечениям знаем то, услаждение приятностию чего на опыте возбраняет нам бедность. Если кому предлагается нами совет, что не должно ему во что либо ставить ценимое людьми; то у слушающего это готово замечание: « потому не ценишь

ты этого, что сам не дознал сего опытом на себе».

Но в рассуждении Беседующего с нами об этом действительно уничтожается всякое подобное возражение; потому что говорит сие Соломон. А Соломон этот — третий из царей Израильских, после оного Саула и избранного Господом Давида. Он, приняв начальство от отца, и достигнув уже величия Израильтян, провозглашается царем царства; не войною и битвами покоряя себе подданных, но со всею властью живя в мире, поставлял для себя делом не приобретение того, чего у него не было, но наслаждение тем, что было; так что ему ни в чем из желаемого никакого не было препятствия.

Ибо изобилие простиралось до той же меры, как и пожелание, и свободный был досуг для наслаждения; так как ничто неприятное не

пресекало препровождения времени с тем, что было вождедено. Но, будучи мудр в ином и имея достаточное разумение, что бы найти что либо для удовольствия, говорил он, что сам примыслил и то и другое из вождедеваемого для наслаждения, и сделав все, что в последствии исчислил в слове, утверждал, что самым опытом дознал один конец всех попечений при этом, именно: *суетство*.

Рассказу же своему об этом придал такой порядок, что сперва, в первые времена жизни, употреблял время на обучение, и не ослаблял усилия в этих трудах; воспользовался же произволением духа, то есть естественным стремлением к приращению ведения, хотя и с трудами преуспевал в желаемом. Так возрастая мудростию, не разумом только приник на это страстное и неразумное обольщение людей телесными

наслаждениями, но самым опытом дознал суетность каждого из вождений. Вот цель исследований. Но время в последующем предложить по порядку написанного и самое обозрение читаемого.

Глаголах аз в сердце своем, еже рещи: се аз возвеличихся (Еккл. 1, 16); потому что увидел я внезапно совокупившимися на мне и величие владычества и пышность царства. Но прежде этого запасся приобретением во всем мудрости, которую невозможно и приобрести иначе, как с трудами и пролитием пота. Посему сказав: *глаголах аз в сердце своем, еже рещи: се аз возвеличихся*, присовокупил и сие: *умножих мудрость*; потому что пышность владычества, которая пришла ко мне сама собою, увеличил я присовокуплением мудрости, сказав сам в себе, что в этом наипаче надлежит оказаться

мне имеющим верх пред царями, прежде меня бывшими, и иметь больше их мудрости. Ибо говорит: *умножих мудрость паче всех, иже быша прежде мене во Иерусалиме* (Еккл. 1, 16). И размыслил, как возможно достичь сего. Ибо кому не известно, что мудрость состоит в ведении того, над чем прежде потрудились другие трудолюбцы.

Почему говорит: *сердце мое видя многая, премудрость и разум*, так как не само собою, не без усилия дано ведение о подобном сему; но потому что, говорит Екклезиаст, *сердце мое вдах, еже ведети премудрость и разум* (Еккл. 1, 17). Не было бы возможности дознать мне сие, если бы труд и размышление не предшествовали ведению. Но *и притчи и хитрость уразумех*, продолжает он, то есть, приобрел понятие высшего, составляемое по сходству чрез сли-

чение сего с окружающим нас. И сие-то изучил я, говорит он.

Ибо, как свидетельствует, *уразумех притчи и хитрость*. Как и Господь, научая в Евангелии слушателей, представляет взору слово о Царствии, изобразив, или жемчужину, или сокровище, или брак, или горчичное зерно, или закваску, или что либо подобное, не в том смысле, что это самое и есть Царствие; но уподоблением означаемому сими вещами применительно указывает слушателям некоторые отблески и загадочные черты того, что превышает понятие.

И на это, говорит Екклезиаст, стало у меня произволения духа приобрести себе множество мудрости, чтобы, сделавшись мудрым, по сему самому не погрешить мне в ведении сущего, и не оставаться ненашедшим того, что полезно; потому что из мудрости составляется

ведение, а ведение делает для нас более доступным суд внимательно-го. Сие же обыкновенно не без усилия достается старательным, но приложивший себе ведение, без сомнения, до одной меры с учением простирает и труд. Посему Екклезиаст говорит: *приложивый разум, приложит болезнь* (Еккл. 1, 18). А когда дошел до этого, тогда о приятном произносит приговор, как о суетности.

Ибо сказывает о себе: *рекох аз в сердце своем: прииди убо, да ты искушу в веселии, и виждь во блазе: и се такожде сие суетство* (Еккл. 2, 1). Ибо не тотчас предал я себя на такое испытание, и не прежде, как вкусив строгой и благоденственной жизни, поползнулся на участие в удовольствиях, но искусив себя в первом, и преуспев нравом в угрюмости и непреклонности, в чем для старательных наипаче заключаются

уроки мудрости; тогда уже снисходит до того, что почитается приятным для чувства, не страстию увлеченный в это, но с намерением рассмотреть, точно ли к ведению истинно доброго содействует сколько-нибудь приводимое в услаждение чувство. Ибо тогда, то есть в начале, и смех делает своим врагом, и страсть называет *погрешением* (Еккл. 2, 2); и это по смыслу значит тоже, что назвать скудоумием и безумием.

Ибо если кто в собственном смысле назовет чем иным этот смех, это и не слово, и не дело какое либо, совершаемое с какою либо целью но непристойное разверстие уст, прерывистое дыхание, содрога-ние всего тела, расширение щек, обнаружение зубов, десен и нёба во рту, кривляния шеи, беспорядочное изменение в голосе, пресекаемое перерывами дыхания; то будет ли это что другое, спрашивает Екклезиаст,

а не безумие? Почему говорит: *смеху рекох: погрешение* (Еккл. 2, 2): как бы так сказал смеху: « ты не в уме, из себя вышел, не держишься в пределах долга, добровольно себя безобразя, извращая вид свой в страстный и производя это извращение без всякой пользы».

Рекох и веселию: что сие твориши? (Еккл. 2, 2) Это тоже значит, как и сказать: « я был против удовольствия, подозревая приближение его, как бы какого татя, тайком вкрадывающегося в таибницы души; никогда не позволял ему овладевать мыслию. Ибо как скоро узнавал, что удовольствие, подобно какому-то зверю, подползает к моим чувствам; тотчас вступал с ним в борьбу, и встречал, говоря этому рабскому и неразумному веселию: *что сие твориши?* для чего расслабляешь мужество естества? для чего размягчаешь

крепость мысли? для чего обессили-
ваешь бодрость души? для чего вре-
дишь помыслам? для чего светлую
ясность чистых мыслей приводишь в
омрачение своею туманностию?»
Сделав все это и подобное сему,
продолжает

Екклезиаст:

*Разсмотри, аще сердце мое повле-
чет аки вино плоть мою (Еккл. 2, 3),*
то есть, смотрел, как попечению о
духовном можно сделаться преобла-
дающим над плотскими движения-
ми, чтобы естеству не придти в раз-
лад с самим собою, когда ум избира-
ет одно, а к иному влечет плоть, но
чтобы плотское наше мудрование
сделать послушным и подручным
разумной части души, когда мень-
шее будет увлечено и поглощено
преизбыточествующим, как это бы-
вает у жаждущих». Ибо вино, если
поднесено будет к жаждущим устам,
не остается в чаше, но переливается
в пьющего, и тщательно втягиваю-

щий его внутрь делается светлым. Когда же исполнено это мною, тогда восхождение к познанию сущего соделалось для меня непогрешительным и беспрепятственным.

Сердце, мое, говорит Екклезиаст, *настави мя в мудрости*, которою превозмог я возстание сластолюбия; и обучение это соделалось для меня причиною, *еже удержати веселие* (Еккл. 2, 3). Вот смысл содержащийся в сих словах по связи чтения: а мне наипаче вожделенно было при ведении не тратить жизнь ни на что суетное, но найти то благо, сподобившись которого, человек не погрешает в суждении о полезном, и которое постоянно, а не временно, продолжается во всю жизнь, подавая надежду обладать благом во всяком возрасте и первом, и среднем, и последнем и во все число дней.

Дондеже увижду, говорит, *кое благо сыном человеческим, еже тво-*

рят под солнцем в число дней живота своего. Хотя вожденное для плоти всего более служит приманкою чувству в настоящем, но увеселяющее в нем минутно. Ибо ни чем происходящим в теле невозможно услаждаться продолжительно. Но удовольствие пить прекращается с насыщением; и при вкушении также наполнение чрева угашает пожелание; да и всякое другое вождение таким же образом по удовлетворении ослабевает, и если появляется снова, снова пропадает. А ничто усладительное для чувства не продолжается навсегда, и не остается таким. И сверх этого еще иное благо человеку в детстве и иное в цветущем возрасте, и иное пришедшему в зрелость, другое же в преклонном возрасте, и иное опять старцу, смотрящему в землю. Но я, говорит Екклезиаст, искал того блага, которое во всяком возрасте и во всякое время жизни

равно есть благо — такое благо, что и пресыщения им не чается, и сытости в нем не находится, но и при удовлетворении продолжается вожделение, вместе с наслаждением усиливается пожелание, и не ограничивается возрастом любителя; но чем более человек наслаждается сим благом, тем паче с наслаждением возрастает пожелание, а с пожеланием возгорается наслаждение, и во все продолжение жизни всегда бывает прекрасно для обладающих, ни мало не изменяясь от непостоянства возрастов и времен; смежает ли кто очи, или подымлет взор, благоденствует, или печален, ночь ли проводит, или день, — одним словом всякому в жизни служит таким благом, которое и для впадшего в какое либо несчастное обстоятельство не делается чем ни есть худшим, или лучшим, не умаляется, не увеличивается.

Таково, по моему рассуждению, в подлинном смысле благо, которое увидеть домогался Соломон; *еже и творят люди под солнцем во все число дней живота их.* Не иным чем кажется оно мне, как делом веры, действительность которой есть для всех общая, равно предлагается желающим, всесильна, постоянно пребывает в жизни. Вот — то благое дело, которое да будет и в нас, о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

Беседа 3. (Гл.2, ст.4-6)

Время исследовать, чему после этого научит нас Екклесиастово слово. Сперва научились мы тому, что нами дознано, именно: что сей Екклесиаст всей твари, взыскующий погибшее и заблудшее собирающий во едино, Он самый назирает земную жизнь. Ибо земное

есть поднебесное, что в Писании называется сущим под небесем, и в чем преобладают обольщение и несостоятельность. А во второй беседе дознали мы, что от лица Соломонова сделано осуждение жизни, расположенной к наслаждениям и страстям, чтобы тем более убедились мы отринуть таковую жизнь, когда имеющий всякую возможность наслаждаться удовольствием все, что вожделенным кажется для людей, оплевал, как ничто. Итак что же по порядку дознаем в настоящем случае из третьей беседы?

Думаю — урок более всего приличный принадлежащим к Церкви, разумею исповедание сделанного не по разуму, при котором в душе производится болезненное чувство стыда признанием в делах несообразных. Ибо великим и сильным оружием к избежанию греха служит обыкновенно храня-

щийся в людях стыд, для того, думаю, и вложенный в нас Богом, чтобы такое расположение души производило в нас отвращение от худшего. Ибо сродны и близки между собою и самый стыд и болезненное чувство посрамления; тем и другим воспящается грех, если только кто для сего пожелает воспользоваться таковым расположением души. Ибо стыд часто больше страха обучал избегать дел несообразных. Да и посрамление, следующее за обличениями в погрешности, само по себе достаточно может уцеломудрить согрешающего, чтобы он снова не впал в что либо подобное. И если бы кто захотел определить различие стыда и посрамления, то посрамление есть высшая степень стыда, а стыд наоборот низшая степень посрамления. Различие же и общение сих болезненных чувств обнаруживают-

ся на лице краскою. Ибо стыд означается одним румянцем, так как с душею по естественному некоему расположению состраждет несколько и тело, и жар сердечной плевы воскипает на поверхности лица; а посрамленный обнаружением проступка делается посиневшим и побагровевшим, потому что страх к румянцу примешивает желчь. Посему такого болезненного чувства для решившихся на что-либо несообразное достаточно будет, чтобы не оставаться им дольше в том, за что обличением подверглись посрамлению. Если же это действительно так, и Писание коснулось потребного человеку болезненного чувства, потому что таковое расположение врождено естеству в предохранение от проступков; то сие исповедию прегрешений достигаемое преспеяние хорошо признать собственным уроком Церкви. Ибо

чрез это человек душу свою приводит в безопасность оружием посярмления. Как если кто по неумеренной обжорливости скопит в себе какие либо неудобоваримые соки, потом, когда произойдет жар в теле, уврачевав болезнь резанием и прижиганием, и смотря на оставшийся от прижигания на теле струп, будет иметь его как бы наставником, удерживающим от беспорядочности в последующей жизни: так выставивший себя на позор исповеданием сокровенного, памятование о болезненном чувстве посярмления поставляет себе наставником для последующей жизни.

Итак вот чему научает Церковь нынешним чтением написанного у Екклезиаста. Ибо говорит он, свободно речью обнаруживая это, и пред всеми людьми, как бы некий исписанный столп, воздвигнув ис-

поведание соделанного им; оно же таково, что незнание сего и молчание о сем славнее слова. Говорит же, действительно ли сделав это, или измыслив сие для нашей пользы, чтобы слово в последствии достигло цели, — не могу сказать сего в точности, по крайней мере, говорит то, о чем добровольно сказать не согласился бы имеющий в виду добродетель. А он, если по особенному смотрению не сделанное описывает, как сделанное, и осуждает это, как изведавший на себе опытом; то делает сие, чтобы мы прежде испытания уклонились от пожелания того, что осуждается; а если и добровольно себя самого допустил до наслаждения подобными вещами, чтобы чувствовалища своя занять тем, что одно другому противоположно; то предоставляется воле желающего сделать о сем, какую угодно, догадку. Но если кто

скажет, что Соломон действительно изведal опытом приятности жизни; то примем сие, понимая следующим образом: как погружающиеся в глубину моря и ищущие чего либо на дне под водою, если найдут какую либо жемчужину, или другое что подобное сему из родящегося во глубине, то им никакого удовольствия не доставляет бедствование под водою, заставляет же погружаться надежда на выгоду; так и Соломон, если испытал это, то, конечно, подобно какому нибудь ловцу в море пурпуровых раковин, погружался в наслаждение не для того, чтобы наполниться соленою морскою водою (а под сею водою разумею удовольствие), но чтобы в такой глубине отыскать что либо полезное для ума.

Находимое же подобным сему образом, по моему гаданию, с пользою служит, или к ослаблению

порывов тела дозволением того, что ему угодно, потому что природа всегда упорнее стремится к запрещенному, или к соделанию учителя сего достойным вероятности, чтобы не почиталась уже привлекательною для людей вещь суетная, презренная тем, кто изучил ее опытом. Ибо и о врачах сказывают, будто в том преуспевает их искусство, что касается рода недугов, узнанного ими на своем теле, и что более надежными советниками и целителями делаются в таких болезнях, о которых, будучи прежде сами от них вылечены, приобрели сведение в той именно мере, в какой научены собственным своим страданием. Посему посмотрим, что потерпевшим себя в жизни своей признает врачующий нашу жизнь?

Возвеличих, говорит он, творение мое, создах ми дома (Еккл. 2, 4). Слово прямо начинается осуждени-

ем. Ибо говорит: *возвеличихя*, не Божие *творение*, которое и я сам, но мое. А мое творение не иное что есть, как то, что доставляет удовольствие чувству. Творение же это по родовому понятию одно, но, при дробном делении, необходимо разлагается на многие по потребностям наслаждения. Тому, кто однажды вступил в глубину вещественного, по всей необходимости должно всюду обращать око и смотреть, откуда может произойти удовольствие. Как вода из одного источника по водотечам проводится во многие места, и вода, разделяемая из источника, остается тою же водою, хотя бы текла тысячами ручьев: так и удовольствие, будучи по природе одно, но иначе и иначе представляясь в различных занятиях, течет повсюду, присоединяя и себя к потребностям жизни.

Например жизнь необходимым для естества соделала жилище, потому что человечество немощно к перенесению неравностей тепла и холода. Посему в этом отношении дом полезен для жизни, но удовольствие понудило человека преступить пределы потребности. Ибо не телу только доставляя в доме потребное, но готовя приятности и услаждения глазам, едва не плачет о том, что неба не сделал верхним жильем своим, и что не имеет у себя лучей солнечных, чтобы приделывать их к потолку. Почему во все стороны распространяет ряды построек, созидавая вокруг себя цепь помещений, как бы некую другую вселенную; до чрезвычайной высоты возводит стены; а внутренность жилищ разнообразит расположением; камень из Лаконии и Фессалии и Кариста делится железом на тон-

кие слои, отыскиваются нильские и нумидийские ископаемые. И если где с великим старанием бывает найден Фригийский камень, по близне мрамора рассевающий по местам глубокую багряность, то делается это наслаждением для жадных глаз, живо представляя многовидный какой-то и разнообразный разлив красок по белому.

Сколько о сем стараний! сколько чертежей! сколько ухищрений у распиливающих вещества водою и железом! а над распилкою других обделываемых веществ день и ночь трудятся руки человеческие. И этого недостаточно трудящимся над суетным украшением, и чистое стекло посредством составов окрашивает человек в различные цвета, чтобы и им прибавлялось нечто к примышленной роскоши. Кто же опишет изысканное устройство потолков, на которых деревья, бывшие

кедрами, ухищрением искусства снова обращены в мнимые деревья, и с помощью резьбы произрастают ветви, листья и плоды? Умалчиваю о золоте, вытянутом в тонкие и воздушные плевые, и повсюду на них накладываемом, чтобы обращать на себя жадность очей. Кто изобразит употребление слоновой кости на изысканное убранство входов, покрытие золотом сделанной на них резьбы, или гвоздями прибитые к резьбе листы серебра и всему тому подобное? Или полы в домах блистающие различными цветами камней, так что и ноги их наслаждаются блеском сих камней? И величание множеством таких домов, которых построение делает необходимым, не потребность жизни, а прихотливость, простирающаяся от одного неразумия к другому, Екклесиаст находит бесполезным.

Ибо одним из зданий надлежит служить для состязания в бегу, другим для прогулок, одним быть входными, другим предвходными, а иным привратными. И недостаточным для пышности почитают иметь врата и подезды, и широкий проход, внутри ворот, если входящим не встречается чего-либо такого, что может при входе немедленно изумить смотрящего на это. При этом купели соединяют с великолепием пользу, целыми реками орошают из обильных водотечей, и при них устроены особые помещения для телесных упражнений, убранные до излишества различными мраморами; отовсюду около здания крыльца, подпертые столпами нумидийскими, или фессалийскими, или египетскими, — медь в истуканах принимает на себя тысячи видов, в какие мелочная прихотливость отливает вещество; видны

мраморные изваяния и живописные картины, зрители которых совершают блуд очами, потому что искусство, подражая тому, что не бывает видимо, обнажает это на картинах, да и что позволительно видеть, изображено на них в изумительной красоте.

Но как подробно кому перечислить все, рачение о чем служит обличением и обвинением нерадения о том, что важнее? Ибо чем больше увеличит человек рачение о постройках множеством и дороговизною заготовляемых веществ, тем паче обличит недостаток в убранстве души. И кто внимателен к себе, и подлинно украшает свое жилище, чтобы со временем принять в него обитателем Бога, у того есть другие вещества, из которых собирает украшение для такого жилища. Знаю я золото, которое блистает в по-

добных делах, и искапывается из глубины мыслей писаний; знаю серебро — словеса Божии разженные, которых светлость, как молния, блещет, осиявая истиною.

А под лучами различных камней, которыми украшаются стены такового храма, и под помостом здания, представив в уме различные расположения добродетелей, не погресишь в приличном сему дому убранстве. Помост пусть будет устлан воздержанием, при котором прах земного разумения не беспокоит живущего воздержно. Упование небесного пусть озаряет потолок, на который взирая душевным оком, не подобия красоты изображенные резцами увидит, но самый Первообраз красоты, не золотом каким и серебром украшенный, но тем, что гораздо выше золота и драгоценнее камня. Если же надобно словом описать убранство

разных частей; то пусть здесь украшают дом нетление и бесстрастие; а там убранством жилищу служат правда и негневливость; на одной стороне сияют смиренно-мудрие и великодушие, и на другой опять благочестие пред Богом.

Все же это прекрасный художник — любовь пусть в наилучшем порядке принаровит одно к другому. Пожелаешь ли купелей? если хочешь, имеешь у себя домашнюю купель и свои водотечи, из которых можно омыть душевные скверны; сим пользовался и великий Давид, по ночам наслаждаясь этою купелью. А столпы, поддерживающие крыльце души, делай не какие либо фригийские, или порфиновые; а напротив того постоянство и неподвижность во всем добром да будут для тебя многоценнее этих вещественных прикрас.

Подобий же всякого рода, или живописных, или изваянных, какие людским искусством на обман уготовляются в подражание истине во все не допускает такое жилище, в котором все наполнено изваяниями истины. А вожделевая состязаний в беге и прогулок, имеешь вместо сего упражнение в заповедях. Ибо так говорит Премудрость: *в путях правды хожду, и посреде стезь оправдания живу* (Прит. 8, 20). Как прекрасно приводить душу в движение и упражнение на сих путях, и в движении прошедшему поприще заповеди снова возвращаться на оное! То есть, у исполнившего заповедь в том, к чему прилагается им старание, пусть в другой и третий раз украсятся и преспеяние нрава и благопристойность жизни. Кто таким образом приводит в красоту свое здание, тот мало озаботит себя земным веществом, не будет

беспокоиться об ископаемых, не поедет за индийские моря покупать слоновую кость, не станет нанимать для изысканной работы художников, которых искусство посвящено известному веществу; напротив того дома имеет он богатство, доставляющее вещества для таких построек.

Детьми благонравными безобразное положение признано достойным сожаления, а сыну глупому и грубому зрелище опьянения служит поводом к смеху. Великий же список страстных движений содержит в себе признание в насаждении винограда. Ибо сколько и каких страстных действий производит вино, силу всего этого выражает слово.

Кто не знает всего того, что вино, когда оно неумеренностью преступает потребность бывает пищею к воспалению непотребства и к

доставлению удовольствий, растлением юности, безобразием старости, бесчестием для жен, составом приводящим в неистовство, напутием к бесчинству, отравой души омертвлением разума, отчуждением от добродетели. Отсюда без всякого повода смех, без всякой причины плач, произвольно льющиеся слезы, ничем неоправдываемое хвастовство, бесстыдство во лжи, пожелание неосуществимого, надежда на несбыточное, надменная угроза, неразумный страх, бесчувственность к действительно страшному, неосновательное подозрение, нерассудительное человеколюбие, обещание невозможного, не будем уже говорить о прочем, о неприличной дремоте, о расслабляющей боли в голове, о неприличиях от неумеренного пресыщения, о расслаблении членов, о согбении шеи, не держащейся уже на плечах, ко-

гда винная влага расслабит связи ее составов.

Что произвело это гнусное беззаконие — кровосмешение с дочерьми? Что в такой мере похитило у Лота разумение сделанного им, что и на гнусный поступок отважился, и не знал на что отважился? Кто, как бы загадочно, изобрел странное наименование оным детям? Как матери преступного плода соделались сестрами своих чад? Как дети одного и того же имели вместе и отцем и дедом? Кто смесил естество в беззаконии? Не вино ли преступившее меру произвело это невероятное и достоплачевное событие. Не пьянство ли привнесло в историю такое похожее на баснь сказание, которое своею необычайностию превосходит и подлинные басни? *Упоиша*, сказано, *отца своего вином* (Быт. 19, 33). И таким образом, когда разумение

было изгнано из него вином, как одержимый какими чарами, оставил он по себе миру плачевную эту повесть, потому что упоением на время преступления у него похищено было чувство.

О, для какого вреда жены сии принесли с собою это вино из содомских запасов! О, какое недоброе приветствие из дурной чаши влили отцу! О, гораздо было бы лучше и этому вину со всем прочим погибнуть в Содоме, прежде нежели подало оно повод к такому плачевному происшествию! И при таком числе таких примеров ежедневно бывающих от вина в мире бедствий; без стыда в признании своем выставяющий на позор себя, говорит о себе, что он сделал это, не только чтобы употреблять вино самому, но чтобы позаботиться об обильнейшем снабжении других таким достоянием.

Насадих, говорит, *ми винограды* (Еккл. 2, 4), в которых не имел я нужды; потому что сам я — виноград плодоносный, виноград духовный цветущий, многоветвистый, ветвями жизни и лобвеобильными кольцами соплетающийся с единоплеменным, красующийся вместо листьев благоприличием нравов, возвращающий сладкий и зрелый грозд добродетели. Кто насаждает сие в собственной душе своей, возделывает вино веселящее сердце, *делает свою землю*, по слову приточному (Прит. 12, 11), как требует закон такого делания, так что вызывает жизнь рассудком, из корней добродетелей исторгает что чуждо их и приросло к ним, орошает душу уроками, серпом строго оценивающего разума обсекает порывы мысли к излишнему и бесполезному; тот весьма блажен в этом делании, в чашу премудрости выжав

грозд свой.

Но не знает такого насаждения, кто обращается к земле и объемлет земное; потому что присоединяет к этому богатое украшение вертоградов и садов плодовых. Какая потребность во многих садах тому, кто имеет в виду один сад (рай)? Какая мне польза от вертограда, произрастающего овощи — пищу немощных? Если бы я был в том саду, то не развлекался бы пожеланием многих садов. Если бы здоровою сохранял я душу, так что могла бы вкушать твердую пищу, то не заботился бы об овощах, возделывая для пищи, что годно недугу. Но когда однажды к потребности привзошла роскошь, а пожелание ее перешло пределы, тогда, за расточительностию в домах и после расходов на суетное под домашнею кровлею, человек предается роскоши и под открытым небом, для

удовлетворения желанию удовольствий пользуется и свойством воздуха. Домогается того, что при помощи возделывания, дерева всегда у него зелены и сеннолиственны, на воздухе служат вместо кровли, так что и под открытым небом наслаждается, как в доме; поверхность земли, по искусству садовника, одевается всякого рода травами, так что, куда ни обратит взор, повсюду представляется глазу все приятное, и всегда окружен доставляющим удовольствие, во всякое время года видит необычное времени, зимою траву, ранние цветы, виноградную лозу обращающуюся в дерево, и с чужими ветвями сплетающую свои ветви, нежные объятия плюща с деревьями. А какие на них виды плодов, будучи смешаны друг с другом из разнородных, делают насилие природе, по виду и вкусу показывая в себе нечто сред-

нее, так что плод, по видимому, есть то и другое, что может произойти из растворения разнородных, — о всем этом, и если еще что иное изобрело в растениях искусство, насилующее природу, чего не изыскивает потребность жизни, ищет же необузданное пожелание; о всем этом говорит исповедающий дела свои, что было сие в его искусственных вертоградах и садах. Ибо, сказав: *насадих древес всякаго плода* (Еккл. 2, 5), собирательным сим выражением показал, что не было у него недостатка в подобном сему.

Потом, после снеди, произращаемой под открытым небом и под крышею, и вода не оставляется недействующею разнообразию удовольствий, как будто должно наслаждаться всеми стихиями, землею посредством свойственного ей, воздухом посредством дерев, водою

посредством сделанного человеческими руками моря. Ибо чтобы взгляд на воду услаждал обольщением глаз, помост делается озером, потому что вода вокруг обнесена стенами здания, так что и купание доставляет удовольствие прохлаждающим тело, и вытекающая вода, делясь повсюду, где потребно орошение, делает сады более цветущими. *Сотворих ми, говорит Екклезиаст, купели водныя, еже напаяти от них прозябение древес* (Еккл. 2, 6).

А у меня был источник райский, то есть, учение добродетелей, которым орошалась духовная сухость, пока презирал я земные воды, и наслаждение которыми временно, и естество которых преходит. Итак гораздо лучше из божественного источника, которым орошаются и возвращаются душевные добродетели, привести для себя хотя малый поток, чтобы в душах

наших зеленел сад добрых предначинаний, при помощи Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

**Преподобный
Максим Исповедник
(580-662)**

Из Слова о подвижнической жизни*

1. Брат спросил старца: «Прощу тебя, отче, скажи мне: какова была цель Вочеловечивания Господа?» Старец ответил: «Удивляюсь тебе, брат, что, слыша каждый день Символ веры, ты спрашиваешь меня об этом. Но, тем не менее, гово-

* Феофан (Говоров), еп. Святого отца нашего Максима Исповедника Слово подвижническое в вопросах и ответах. Брат и старец. Тамбов, 1874.

Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1: Богословские и аскетические трактаты. Мартис, 1993.

рю тебе: целью Вочеловечивания Господа было наше спасение». Брат сказал: «Как говоришь, отче?». Старец ответил: «Поскольку человек, изначально будучи сотворен Богом и помещен в раю, преступил заповедь, подпав власти смерти и тления; а затем, ведомый многообразным Промыслом Божиим во всяком роде и роде упорствовал, преуспевая в худшем и будучи приводимый от пестрых страстей плоти к безнадежному разочарованию в жизни, — то ради этого едиnorodный Сын Божий, предвечное Слово, рожденное от Бога Отца, Источник жизни и бессмертия, явился нам, сидящим во тьме и сени смертной, воплотившись от Духа Святого и Святой Девы. Он показал нам образ жизни боговидного жития, даровал святые заповеди, обещав Царство Небесное живущим по ним и пригрозив вечными карами

за преступление их. И спасительную страсть претерпев, и из мертвых воскреснув, Он даровал нам надежду воскресения и вечной жизни, послушанием расторгнув осуждение прародительского греха и смертью упразднив державу смерти, дабы *как в Адаме все умирают, так в Нем все оживут* (1Кор.15:22). Взойдя же на небеса и сев одесную Отца, Он ниспослал Духа Святого в залог жизни вечной, в просвещение и освящение душ наших и в помощь подвигающимся ради своего спасения и стремящимся соблюсти заповеди Его. Такова, если кратко сказать, цель Вочеловечивания Господа».

2. Брат сказал: «Какие заповеди я должен сотворить, отче, дабы через них быть спасенным? Хочу услышать об этом вкратце». Старец ответил: «Сам Господь после Воскресения сказал Апостолам: *Идите, научите все народы, крестя их во имя*

Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам (Мф.28:19–20). Поэтому все, что заповедано, должен соблюдать всякий человек, крестившийся во имя Животворящей и Богоначальной Троицы. Ради этого Господь сочетал соблюдение всех заповедей с правой верой, поскольку Он ведал, что невозможно спасти человека одной только верой, отделенной от соблюдения заповедей. Поэтому и Давид, обладающий правой верой, обращается к Богу: *Сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех* (Пс.118:128). Ибо против всякого несправедного пути даны нам Господом заповеди, и если хоть одна из них останется в небрежении, то непременно вместо нее будет проложен противоположный ей путь зла».

3. Брат сказал: «Кто может, отче, соблюсти все заповеди, столь вели-

кие числом?» Старец ответил: «Подражающий Господу и следующий по стопам Его». Брат спросил: «А кто может, отче, подражать Господу? Ведь Господь был Богом, даже став человеком. Я же — человек грешный, поработенный бесчисленными страстями. Как могу я подражать Господу?» Старец ответил: «Из поработенных веществом мира никто не может подражать Господу. И лишь могущие сказать: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф.19:27) — одни они приемлют силу подражать Ему и свершать заповеди Его». Брат спросил: «Какую силу?» Старец ответил: «Внемли Самому Господу, глаголящему: *Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам* (Лк.10:19).

4. Восприняв эту силу и власть, Павел сказал: *Будьте подражателя-*

ми мне, как я Христу (1Кор.11:1). И еще: Нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу (Рим.8:1). Также: Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями (Гал.5:24). И еще: ...для меня мир распят, и я для мира (Гал.6:14).

5. Пророчествуя об этой власти и помощи, Давид говорил: *Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится, речет Господеву: заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на него (Пс.90:1—2).* И чуть далее: *На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия (Пс.90:13),* яко Ангелом своим заповесть о тебе, *сохранити тя во всех путех твоих (Пс.90:11).* А приверженные к плоти и любящие вещество мира пусть услышат от Него то, что слышат: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не*

достоин Меня (Мф.10:37); и чуть далее: *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф.10:38). Также: «*Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником*» (Лк.14:33). Стало быть, желающий стать учеником Его, оказаться достойным Его и обрести от Него силу против духов лукавства удаляет себя от всякой плотской привязанности и обнажает себя от всякого материального пристрастия. И таким образом он подвизается за заповеди Его против невидимых врагов, как Сам Господь представил Себя нам во образец, будучи искушаем в пустыне вождем их и придя во вселенную ради одержимых им».

6. Брат сказал: «Но многие суть, отче, заповеди Господа, и кто может все их держать в уме, чтобы за них подвизаться? Я же в особенности,

будучи малоумным, хотел услышать краткое наставление, дабы, придерживаясь его, им бы и быть спасенным». Старец ответил: «Хотя этих заповедей и много, брат, но они сводятся воедино в одном изречении: *Возлюби Господа Бога твоего всею крепостию твоею и всем разумением твоим... и возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мк.12:30—31). И стремящийся твердо держаться этого повеления исполняет одновременно и все заповеди. Ведь не удаливший себя от пристрастия к материальным вещам, как было сказано, не может чистосердечно любить ни Бога, ни ближнего, поскольку невозможно одновременно быть приверженным к материи и любить Бога. Об этом говорит Господь: *Никто не может служить двум господам и не можете служить Богу и маммоне* (Мф.6:24). Ибо, поскольку ум наш придерживается

мирских вещей, он порабощается ими и пренебрегает заповедью Божией, преступая ее».

7. Брат спросил: «О каких вещах говоришь, отче?» Старец ответил: «О еде, деньгах, богатстве, славе, родстве и так далее». Брат спросил: «Скажи мне, отче, разве не Бог сотворил их и дал людям на потребу? Почему же ты повелеваешь не привязываться к ним?» Старец ответил: «Ясно, что Бог сотворил их и дал людям на потребу. И прекрасно все сотворенное Богом, дабы мы, благородно пользуясь этим, благоугождали бы Ему. Но мы, будучи немощными и материальными мыслью, предпочли вещественное заповеди любви. И придерживаясь этих материальных вещей, мы ратоборствуем против человеков. А должно наоборот предпочесть всему зримому и самому телу любовь к человеку, которая есть доказательство

любви к Богу», как и Сам Господь показывает это в Евангелиях, говоря: *любящий Меня соблюдает Мои заповеди* (Ин.14:15). А какова есть заповедь, соблюдая которую, мы возлюбим Его, послушай Самого Господа, глаголющего: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин.15:12). Видишь, что любовь друг к другу образует любовь к Богу и есть полнота всякой заповеди Божией? Поэтому Он и повелевает не придерживаться материальных вещей, но всякий жаждущий быть учеником Его должен отречься от всего, чем владеет».

8. Брат сказал: «Поскольку ты говоришь, отче, что должно всему зримому и самому телу предпочесть любовь ко всякому человеку, то как я могу любить ненавидящего и отворачивающегося от меня? Если он завидует мне, поражает меня стрелами поношений, готовит мне хитро-

умные западни и пытается оболгать меня наветами, как я могу любить его? Это, отче, претит естеству моему и невозможно, так как страсть печали естественным образом понуждает отвращаться от приносящего скорби». Старец ответил: «Пресмыкающимся и зверям, руководимым естеством, и в самом деле невозможно не давать отпора, насколько это в их силах, терзающему их. Но созданным по образу Божию, руководимым разумом, удостоившимся ведения Бога и принявшим закон от Него возможно не отвращаться от приносящих им скорби и любить ненавидящих их. Поэтому и Господь говорит: *Любите врагов ваших* (Мф.5:44), *благодарите ненавидящих вас* (Лк.6:27) и прочее; не как невозможное заповедует Он это, но, очевидно, как возможное, иначе бы Он не наказывал преступившего эту заповедь. И Сам

Господь являет ее, показав нам это делами Своими. Являют ее и все ученики Его, подвижающиеся в любви к ближнему даже до смерти и горячо молящиеся за убивающих их. Однако, поскольку мы одержимы любовью к материи и сластолюбивы, то эти страсти мы предпочитаем заповеди, а потому не можем любить ненавидящих нас. Более того, мы часто вследствие этих страстей отвращаемся и от любящих нас, будучи по своему душевному расположению хуже пресмыкающихся и зверей. А потому, не в силах следовать по стопам Господа, мы не можем познать конечную цель Его, дабы преисполниться силой».

9. Брат сказал: «Вот, отче, я оставил все: родню, имущество, роскошь, мирскую славу и ничего не стяжал в жизни, кроме тела. Но брата, ненавидящего и отвращающего-

ся от меня, я любить не могу, а лишь принуждаю себя не воздавать действительно злом за зло. Скажи, что должен я делать, дабы смочь всем сердцем возлюбить его, всяческими способами мучающего меня и творящего наветы на меня?» Старец ответил: «Невозможно кому-либо возлюбить мучающего его, если он лишь мнимо отрекся от вещества мира и подлинно не познал намерение Господа. А если он будет в силах познать прощающего Господа и поспешит последовать Ему, то сможет от всего сердца возлюбить ненавидящего и терзающего его, как то делали Апостолы, познавшие и возлюбившие Бога.

10. Брат сказал: «А каково было намерение Господа, отче? Прошу тебя поведать мне об этом». Старец ответил ты желаешь узнать намерение Господа, то внемли с пониманием. Господь наш Иисус Христос,

будучи по природе Богом, благоволил через человеколюбие Свое стать и человеком, *родился от жены, подчинился закону* (Гал.4:4), согласно божественному Апостолу, дабы как человек соблюдая заповедь, ниспровергнуть ветхое Адамово проклятие. Ведая, что *на ...двух заповедях утверждается закон и пророки* (Мф.22:40), а именно на заповедях: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф.22:37—39), Он постарался соблюсти их от начала до конца, как то подобает человеку. Дьявол же, изначально прельстивший человека и потому имеющий *державу смерти* (Евр.2:14), видя Его при крещении удостоверяемого Отцом (Мф.3:16—17), принимающего, как человек, сродный Ему Святой Дух с небес и возведенного Духом в пустыню для искушения (Мф.4:1), затеял против

Него всю свою брань, словно он мог заставить Господа предпочесть вещество мира любви к Богу. И диавол, зная, что есть три вещи, приводящие в волнение все человеческое, — я имею в виду еду, деньги и славу, посредством которых он всегда низвергал человека в пропасть гибели, — то этими тремя вещами он и искушал Господа в пустыне. Но Господь наш, явив Себя сильнее их, повелел диаволу удалиться.

11. Таково доказательство любви к Богу. И когда диавол обещаниями своими не смог убедить Господа преступить заповеди этой любви, то он, действуя через законопреступных иудеев, стал прилагать усилия, чтобы своими хитростями заставить Пришедшего во вселенную преступить заповедь любви к ближнему. Поэтому, видя Его научающего путем жизни, делом являющего не-

бесное жительство, возвещающего воскресение мертвых, обещающего верующим жизнь вечную и царство небесное, а неверующим грозящего вечной мукой, и в подтверждение слов Своих показывающего необыкновенные богознамения и народ к вере призывающего, диавол подвиг законопреступных фарисеев и книжников к многоразличным наветам на Него, дабы Господа, не могущего, как считал лукавый, перенести искушений, склонить к ненависти против наветующих. И подобным образом изверг старался добиться своей цели и показать Спасителя преступником заповеди любви к ближнему.

12. Господь же, как Бог, видя его замыслы, не возненавидел фарисеев, которых диавол подвигнул на действие (ибо как Он, будучи по природе Благим, мог возненавидеть?), но Своей любовью к ним

дал отпор действующему. А приводимых в действие диаволом — поскольку они могли и не подвергаться такому воздействию, а добровольно по нерадению были одержимы действующим — вразумил, обличил, поругал, назвал достойными жалости и не перестал благодетельствовать им; хулимый ими, Он терпел и, страдая, был стоек, делом обнаруживая Свою любовь к ним. О брань удивительная! Вместо ненависти Он показывает любовь и благостью повергает отца зла. Ради этого Он претерпел столь великое зло от них или, сказать точнее, ради них, даже до смерти подвизавшись, как подобает человеку, за заповедь любви, и стяжал полную победу над диаволом, увенчавшись венком воскресения ради нас. Так новый Адам возродил ветхого. Об этом и говорит божественный Апостол: *Ибо в вас должны быть те же чувствава-*

ния, какие и во Христе Иисусе (Флп.2:5) и далее.

13. Таково было намерение Господа: чтобы ради нас подчинившись Отцу как человек в плоть до смерти, соблюсти заповедь любви. А диаволу Он дал отпор тем, что, страдая от него через побуждаемых им фарисеев и книжников и будучи добровольно побеждаемый, победил надеющегося победить и избавил мир от его власти. Таким образом Христос был *распят в немощи* (2Кор.13:4), этой немощью смерть умертвил и *имеющего державу смерти* (Евр.2:14) упразднил. Таким образом и Павел, будучи немощным сам по себе, хвалился немощами, чтобы обитала в нем сила Христова (2Кор.12:9).

14. Научая образу такой победы, он пишет ефесянам: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей* (Еф.6:12) и

далее. Поэтому и повелевает он облечься в броню праведности, надеть шлем упования, взять щит веры, чтобы борящиеся с незримыми врагами могли *угасить все раскаленные стрелы лукавого* (Еф.6:16). Являя делом образ брани, он говорит: *И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1Кор.9:26—27). И еще: *Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои* (1Кор.4:11). А также: *В труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, кроме посторонних приключений* (2Кор.11:27—28).

15. Таковую брань вел он против бесов, производящих во плоти наслаждения, нападая на них немощью своего тела. Образ же победы над теми бесами, которые, сражаясь с человеками с помощью ненавис-

ти, подвигают нерадивейших из людей против благочестивых, дабы и те, искушаемые, возненавидели нерадивых и преступили заповедь любви, — образ этой победы показав нам делами своими, Апостол сказал: *Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне* (1Кор.4:12—13). Ибо бесы для того и внушают злословия, гонения и хуления, чтобы подвигнуть на ненависть к злословящему, гонящему и хулящему, имея своей целью преступление заповеди любви. Но Апостол, не пребывая в неведении относительно их умыслов, злословящих благословил, гонящих терпел и хулящих молил, чтобы удалиться от производящих это бесов и сблизиться с благим Богом. А бесов он, подвизаясь в брани, отразил, всегда побеждая зло добром в подражание

Спасителю. Он и остальные Апостолы, так освобождая мир от бесов и усвояя его Богу, своей побежденностью победили надеющегося победить. Если же и ты, брат, сможешь укорениться в таком намерении, то будешь в силах возлюбить и ненавидящих тебя. А если же нет, то иным образом это невозможно».

16. Брат сказал: «Поистине, отче, так оно и есть, а не иначе. Поэтому Господь, хулимый, заушаемый и претерпевающий другие страдания от иудеев, переносил эти скорби, сострадая обидчикам, как неведущим и заблуждающимся. Потому Он и на кресте сказал: *Отче! прости им, ибо не знают, что делают* (Лк.23:34). И над коварством и прелестью диавола и князей его Он одержал победу на кресте, даже до смерти, как ты сказал, подвизаясь против них ради заповеди любви и победу над ними даруя нам; разру-

шил державу смерти, даровав Воскресение Свое в жизнь всему миру. Но молись о мне, отче, дабы смог я в совершенстве познать намерение Господа и Апостолов Его, соблюсти трезвение ума во времена искушений и не остаться в неведении относительно умыслов диавола и бесов его».

17. Старец ответил: «Если всегда будешь иметь попечение о сказанном, то сможешь избежать и неведения. Но если ты поймешь, что поскольку ты подвергаешься искушению, постольку искушается и брат твой; если простишь искушаемому и будешь противостоять искушающему, желающему внушить тебе ненависть к искушаемому, и не будешь послушным его ухищрениям, то внимлишь совету Иакова, брата Господня, который в своем «Соборном Послании» говорит: *Покоритесь Богу; противостаньте диа-*

волу, и убежит от вас (Иак.4:7). Стало быть, если ты, как сказано, имеешь трезвенное и беспрестанное попечение об этом, то сможешь познать намерение Господа и Апостолов Его, возлюбить людей и преисполниться сострадания к ним, претыкающимся, и ради любви вести непрестанную брань с лукавыми бесами. Но если мы слабы, нерадивы, ленивы и осквернены плотскими наслаждениями, то ведем брань не с бесами, а с самими собою и с братьями; бесам же служим тем, ради чего сражаемся с людьми».

18. Брат сказал: «Так оно и есть, отче, ибо вследствие небрежения моего бесы имеют основания для нападков на меня. Но умоляю тебя, отче, скажи: как должен я стяжать трезвение ума?» Старец ответил: «Полное отсутствие суетного попечения о земных [вещах] и непрерывное поучение в Божественном

Писании приводит душу к страху Божию, а страх Божий приносит трезвение ума — и тогда душа начинает видеть бесов, борющихся с ней посредством помыслов, и давать отпор им. Об этом Давид сказал: *Воззре око мое на враги моя* (Пс.91:12). Побуждая на эту брань учеников, глава Апостолов Петр говорил: *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить; противостойте ему твердою верою* (1Пет.5:8—9). А Господь сказал: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф.26:41). И Екклезиаст говорит: *Аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл.10:4). Место же ума есть добродетель, ведение и страх Божий. Чудный же Апостол, усиленно, трезвенно и доблестно подвизающийся, сказал: *Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем;*

оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу, и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится (2Кор.10:3—6). И если ты будешь подражать святым и трудолюбиво посвящать себя Богу, то обрешь трезвение ума.

19. Брат сказал: «Что должно делать, чтобы смочь непрерывно посвящать себя Богу? Старец ответил: «Невозможно уму совершенно посвятить себя Богу, если он не стяжал трех добродетелей: любви, воздержания и молитвы. Ибо любовь укрощает ярость, воздержание истощает желание, а молитва отделяет ум от всех помыслов и представляет его нагим Самому Богу. Таковы суть три добродетели, которые объ-

емлют собой все добродетели, и без них уму невозможно посвятить себя Богу».

20. Брат сказал: «Прошу тебя, отче, наставить меня относительно того, каким образом любовь укрощает ярость». Старец ответил: «Ведь любовь обладает способностью сострадать и благодетельствовать ближнему, быть терпеливым к нему и переносить все, что исходит от него, — как о том неоднократно говорилось нами. Обладающая подобным свойством любовь укрощает ярость того, кто стяжал ее». Брат сказал: «Не малы дела ее; но блажен могущий стяжать ее. Я же далек от нее. Еще прошу тебя, отче, сказать мне, что есть долготерпение?»

21. Старец ответил: «Оно есть мужественная твердость в отношении к опасностям и терпеливость к скорбям, ожидание конца искушений и отсутствие гнева по всякому

случайному поводу, нежелание изрекать безрассудные словеса или же строить предположения и мыслить о том, о чем не подобает думать человеку благочестивому, как то гласит Писание: *До времени стерпит долготерпеливый, и последи воздаст ему веселие; до времени скрывает словеса своя, и устне верных исповедят разум его* (Сир.1:23—24).

22. Таковы суть признаки долготерпения. Но не только: долготерпению свойственно и признавать самого себя за причину искушения. А вероятно так оно и есть, поскольку многое из случающегося с нами происходит ради воспитания нас: либо для уничтожения прошлых грехов, либо для исправления настоящего нерадения, либо для предотвращения будущих грехопадений. И считающий, что искушение произошло с ним по одной из этих причин, не негодует, будучи изби-

ваемым, особенно сознавая за собой грехи; не обвиняет того, через кого пришло искушение, ибо через него, или через другого, он все равно должен испить чашу божественных осуждений. Поэтому он обратит взор свой к Богу и возблагодарит Его, попустившего искушение, обвиняя себя одного и охотно принимая вразумление, как Давид в отношении к Семею (2Цар.16:5—10) и Иов в отношении к жене (Иов.2:9—10). А неразумный часто просит у Бога пощады; когда же милость Божия приходит, он не принимает ее, поскольку она пришла не так, как он хотел, но как Исцелитель душ счел ее полезной. Потому он пренебрегает ею и приходит в смятение — и то на людей яростно нападает, то на Бога изрыгает хулу; подобным образом он и неблагодарность обнаруживает и ничего помимо розг не получает.

23. Брат сказал: «Хорошо изрек ты, отче. Но прошу тебя, поведай мне еще и о том, каким образом воздержание истощает желание?»
Старец ответил: «Поскольку оно заставляет воздерживаться от всего, что не необходимую потребность удовлетворяет, но доставляет наслаждение; не допускает сопричастовать чему-либо, помимо необходимого для жизни; не позволяет гоняться за удовольствиями, но допускает искать лишь полезного; пищу и питье соизмерять с потребностью, не допускать собираться в теле лишней влаги, поддерживать только жизнь тела и беречь его от терзающей тяги к совокуплению. Так воздержание истощает желание. Наслаждение же и пресыщение пищей и питием, наоборот, разжигают чрево, распаляют позыв к срамной похоти и насильственно побуждают всё животное начало в человеке к

беззаконному смешению. Тогда очи становятся бесстыдными, руки необузданными, язык глаголющим обольщающие речи, ухо приемлющим только суетное; ум начинает пренебрегать Богом, душа, мысленно совершая блуд, призывает и тело к незаконному деянию».

24. Брат сказал: «Истинно так, отче. Но прошу тебя наставить меня и относительно молитвы: как она отрешает ум от всяких помыслов». Старец ответил: «Помыслы суть помыслы о вещах, а из вещей одни — чувственные, другие же — умопостигаемые. Находясь в них, ум постоянно вращается в круге помыслов об этих вещах. Благодать же молитвы сочетает ум с Богом, и такое сочетание отделяет ум от всех помыслов. Тогда ум, нагим беседуя с Богом, становится боговидным. Став же таковым, он просит у Бога подобающего, и прошение его все-

гда достигает цели. Поэтому Апостол и повелевает *непрестанно молиться* (1Сол.5:17), чтобы мы, постоянно сочетая ум с Богом, мало-помалу отторгнули бы пристрастие к материальным вещам».

25. Брат сказал: «Но как может ум непрестанно молиться? Ибо когда мы поём псалмы или читаем, когда встречаемся с кем-либо или служим, то отвлекаем его многими помыслами и созерцаниями». Старец ответил: «Божественное Писание не предписывает ничего невозможного. Ведь и сам Апостол и пел псалмы, и читал, и служил — однако непрестанно молился. А непрестанная молитва есть держание ума во многом благоговении, страстной преданности к Богу и постоянном уповании на Него; она означает доверие Богу во всем — во всех делах и обстоятельствах. Расположенный таким образом Апостол говорил:

Кто отлучит нас от любви Христовой: скорбь, или теснота (Рим.8:35) и так далее. Чуть ниже он говорит: Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы (Рим.8:38). И опять: Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем; всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем (2Кор.4:8—10).

26. Будучи так расположен, Апостол непрестанно молился, ибо, как было сказано, во всех делах и обстоятельствах он уповал на Бога. Поэтому и все святые радовались скорбям, дабы через них прийти к навыку божественной любви. Потому-то Апостол и говорил: *Я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова (2Кор.12:9).* И чуть ниже:

...когда я немощен, тогда силен
(2Кор.12:10). Но горе нам, жалким,
что оставили путь святых отцов и
потому лишены всякого духовного
дела».

**Протоиерей Евгений Попов
(1824-1888)**

**Из книги
«Нравственное богословие
для мирян»***

*Заповедь 1: «Аз есмь Господь Бог
твой, да не будут тебе бози
инии разве Мене»*

Первая заповедь внушает человеку почитать Бога или служить Богу, прежде всего умом: потому что ум есть главная, владычествен-

* Прот. Евгений Попов. Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих. Пермь, 1901.

Протоиерей Евгений Попов. Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих. – Издательство: Правило Веры, 2001.

ная сила всей природы нашей. Отсюда нарушениями первой заповеди могут быть:

Грехи неверия

Неверие в слово Божие

Первый шаг наш к Богу – верить Его святому Откровению, в котором заключаются вечные истины, без которого мы были бы блуждающими. Между тем одни верят Библии, и не принимают в ней одного какого либо текста (как например: *идут сии в муку вечную* (Мф. 25:46): но и *иота едина... не прейдет от закона* (Мф. 5:18). Другие не признают откровением Божиим и целых библейских книг: но состав священных книг Библии не просто как либо произошел и принят в Церковь, а утвержден Вселенскими соборами (Афан.Вел.39 посл.). Есть, к крайнему сожалению

нию, отвергающие все Божественное Откровение Ветхого и Нового Завета и желающие остаться с одною естественною, или натуральною верою. Но естественная религия, как видно из истории всех народов, непросвещенных христианством, была и находится в самом жалком состоянии. Как, в самом деле, человек одним своим умом может дойти до правильного познания Бога и достойного почитания Его? Он — бесконечно выше человеческого ума. Тех, которые совсем не веруют слову Божию, а веруют только своему уму, для которых свидетельство или учение слова Божия не составляет важности и окончательного заверения в вопросах относительно веры и богочитания, тех (страшно сказать!) Церковь в неделю православия подвергает анафеме (отлучает).

Отрицание Промысла Божия (деизм)

Есть люди, которые признают бытие Бога, но не признают Промысла Божия. По их мнению, «будто бы мир и все твари сами собой продолжают существовать по тем силам и законам, которые даны им вначале от Бога; будто бы в истории всего человечества и в ежедневной жизни человека все бывает в силу сцепления обстоятельств, а нет постоянного живого участия Бога; словом, будто бы весь мир, после того как сотворен, уже не нуждается в постоянной и непосредственной поддержке от своего Творца и предоставлен самому себе». Все это совершенно противоречит слову Божию, в котором о видимой природе, например, говорится: *отвращу же Тебе лице, возмзутся* (Пс. 103:29); т. е. живые твари, населяющие мир, в случае оставления их Творцом, смущаются

даже до возвращения в прежний свой прах. И еще: *Отец мой доселе делает и Аз делаю* (Ин. 5:17), т.е. на мир очевидны два действия Божии: творение и промысление о нем. Мир тогда бы только не нуждался в дальнейшем участии или содействии для своего существования со стороны своего Творца, когда бы он был совершен и решительно самостоятелен. Но таким он не был и не может быть, иначе он не отличался бы от Творца-Бога, который один есть совершенное и вполне самостоятельное, самобытное существо. Ограниченность же и несовершенство мира требуют Промысла Божия. А что в мире много нестроений и зла, этим не унижается достоинство божественного Промысла. При множестве неустройств еще не извращается весь порядок мира; наряду с некоторыми неустройствами и беспорядками

рядками видим и чувствуем, что «прекрасен (вообще) мир Божий».

Кратковременный только упадок веры в Промысл при взгляде на то, как зло торжествует, а добродетель угнетена

Доколе грешницы восхваляться (будут торжествовать), вопрошал Давид (Пс. 93:3), и затем духом пророческим рассудил: *по лукавствию их погубит я Господь Бог* (Пс. 93:23). Если взять во внимание общечеловеческую жизнь, то будет видно, что добро все-таки достигает своих целей и торжествует, а зло остается постыженным. Разве Господь Бог не всемогущ, чтобы оправдать, осуществить те благие цели, какие Он предположил вначале для мира и человека? «Концом дело красится», и конец мира со всемирным судом, новая вечная жизнь с ее воздаяниями, покажут, на какой стороне победа. Но и теперь, в примерах самой частной жизни,

нередко представляются такие случаи: Бог неожиданно карает людей, которые, будучи *сильными, хвалятся в злобе своей* (Пс. 51:3), или же, не имея особенной внешней силы и значения, только грешат безнаказанно. Посему грех говорить: «до Бога высоко... верно, не видать, забыл Бог!»! Христианин всего себя должен вручать Промыслу, помня учение евангельское: «вам же» (т. е. верным слугам Божиим) *и власи главнии вси изочтени суть* (Мф. 10:30).

Пытливость при виде непонятных действий Промысла

Крепльших себе не испытай (Сир. 3:21). Когда в чем ясны пути Божии, тогда человек и сам должен с благоговением удивляться этим путям и вслух других поведать их, чтоб вместе с другими прославить Бога. Но если пути Божии в каком либо деле до времени необъяснимы

и таинственны, то излишнее старание познать, откуда они или к чему ведут, смелое толкование их для других, составляют грех; потому что тут начинается высокоумие, близка опасность заблудиться. Лучше на сей раз оставаться в «священном благоговейном недоумении».

Будто Бог лицеприятен

Не на лица зрит Бог (Деян. 10:34). Богат ли кто или беден, даровит или скуден дарованиями, русский или иностранец православный, духовного или светского звания, – все пред Богом одинаковы, если истинно и правильно почитают Его. Пощаду от Него за что, или особенную милость в чем находят некоторые лица не просто как-нибудь, но или за свои добрые заслуги, добрые жертвы пред Ним, которые вполне открыты Ему и которых часто не постигают люди, или же по особенным преднамере-

ниям Его об этих самых лицах. Таким образом, неосновательны подобные мысли, таящиеся в душе или прямо высказываемые: «чем достойнее меня такой-то? чем же я грешнее других? людям все, а мне нет ничего».

Атеизм (безбожие)

Рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс. 13:1). Мысль, что есть существо высочайшее и самобытное, Бог превечный, глубоко положена в душе человеческой и составляет для человека такую же действительность, как действительно то, что сам человек существует на свете, или как верно, что дом не может построиться сам собой, часы не пойдут без мастера: стоит только среди светлой ночи стать в поле пред небом, усеянным звездами, и душа заговорит о Боге. Посему дойти до отрицания не только Откровения и Промысла Божия, но и

самого бытия Бога, дойти до такой крайности, можно не иначе, как намеренно, или насильственно. Для этого надобно заглушить в себе природное убеждение о Боге, – убеждение, которое остается и в духах падших (Пс.13; 1Кор.1,14) (всего чаще развращенная жизнь наделяет человека таким неверием (Иак. 2:19). Отсюда вина безбожника – вина ужасная.

Пантеизм (всебожие)

Св. Писание нигде не сливает Бога с Его творением, и мир произошел не из существа Божия, а из ничего, по всемогущему слову Бога. Итак особое есть мир, и особое отличное от мира и личное существо есть Бог: *той есть прежде всех* (Кол. 1:17), *сын над всеми Бог* (Рим. 9:15). (Деист чрезмерно отдаляет Бога от мира, а пантеист не в меру приближает божество к миру). Затем, если б все существующее было

Бог или развитие божества, то в мире не было бы перемен и недостатков, так как Бог никогда не изменяется и совершен во всех своих свойствах, во всей своей жизни. А между тем мы видим каждый день и на каждом шагу перемены, как в природе нас окружающей, так и в самих себе. В таком случае и самые грехи разумных существ нужно было бы отнести к Богу, что, очевидно, будете верх безумия.

Дуализм (верование в два начала: доброе и злое)

Можно, ли представить, чтоб были два равносильные, независимые божества, одно — доброе, а другое — злое, и отсюда два начала действий в мире? Но так как две всемогущие силы вместе быть не могут и необходимо для каждой отделить или вообразить особенные пределы; то в данном месте и в данное время человеку все-таки

нужно находиться во власти одной которой либо из них, или быть под зависимостью одного божества, что также ни с чем несообразно. Нет; истинный Бог – один от вечности, как верховное начало всего. Он ни с кем, так сказать, не борется. Противная же Ему сила произошла впоследствии, и эта сила, т. е. зло, или грех, сама в себе показывает не силу, а одно бессилие, или немощь. Понятие «злое начало, злая сила» в смысле злого бога непримиримо с понятием об истинном Боге, так как Бог может быть только добрым. До каких странностей и явных противоречий доходит человек неверующий!

Материализм (будто все из материи, которая вечна)

Материализм, объясняющий все существующее из материи, которая будто бы одарена для бытия своего силой, — есть также один из страшных видов неверия. Исключая бытие в мире чего либо духовного, называя все веществом, материализм отвергает и все святое, низводит человека в состояние одной животной жизни: *да ямы и пием, утра бо умрем* (1Кор. 15:32), вот что думают в себе люди с таким убеждением. Это значит — человеку сравнить себя со скотом, которого закалывают (Пс. 48:13). И не значить ли это, вместе с тем, отказаться от здравого смысла, чтоб, например, и свою душу и свободу считать только движением материи, чтоб миру, который изменяется и через каждые 12 месяцев получает новую цифру года, предоставить право неизменного вечного бытия?

Справедливо, посему Церковь подвергает анафеме, (в неделю православия) и такого рода неверующих.

Рационализм (гордое умствование о предметах веры)

Предметы веры нужно объяснять и содержать в духе же веры. Философия, имеющая свое значение в науке, по предметам веры добровольно должна смириться в послушание Христово (2Кор.10.5). Иначе человеку не понять божественной истины. Покоряя свой ум святому откровению вполне, а не частью только, человек с услаждением усваивает себе божественную истину. Но лишь только он начнет высокоумствовать в предметах веры, лишь только позволит себе говорить: «что мне апост. Павел?» и встретит множество недоумений и противоречий; потому что ум наш не только ограничен, но и вследствие грехопадения Адама покрыт

каким-то мраком относительно высоких духовных истин, таит в себе какое-то противление божественному.

Натурализм (отрицание чудес Божиих)

Аще дел (т. е. чудес и знамений) не бых сотворил в них... греха не быша имели, сказал Спаситель об евреях, не поверивших и чудесам Его (Ин. 14:24). После этого отрицать даже одно какое-либо чудо (например, как евреи прошли по Чермному морю), составляет большой грех. Но говорить, будто совсем «не бывает чудес» или стараться объяснить чудеса обыкновенным образом, силами природы, не самое ли богопротивное неверие? Нет, чудеса необходимы для высших целей Божиих, например, для подкрепления в людях веры и для обличения лживых верований и неверия. В чудесах виден особенный милостивый

Промысл Божий о Церкви. Чудеса, однако, не нарушают течения дел во всей природе, как только временные, редкие и местные нарушения законов природы. Чудеса, вместе с тем, несомненно свышестественные дела Божии; так например, нетление мощей и бывающие на глазах всех исцеления у святых мощей, из каких же законов природы могут быть объяснены?

Мистицизм (искание в вере только таинственного и чудесного)

Аще хочети внити в живот, соблюди заповеди (Мф. 19:17). Значит в спасении души главнее всего требуются добрые дела. И лучше в простоте сердца трудиться для Господа Бога добрыми делами, чем искать в вере только таинственного и чудесного. Ложный мистик, между тем, уклоняется труда и подвигов для спасения души; он только любит рассуждать о том, что нужно

жить по-духовному; он даже с презрением смотрит на свое внешнее положение, на свои обыкновенные обязанности, будто бы препятствующие его духовному совершенству; он любит таинственные толкования свящ. Писания; думает в каждом обстоятельстве видеть особенное чудо, ожидает себе во всем чудесной помощи. Таким образом, он доходит иногда до совершенноложных представлений и верований. В самой вере неверие!

Фанатизм (изуверство)

По ревности гоних Церковь Божию (Фил.3,6). Дух христианства, действительно, есть дух сильный и пламенный; но вместе, с тем это дух разумный, кроткий и терпеливый. Христос-Спаситель запретил апостолам, когда они со своей стороны находили нужным низвести огонь с неба на те селения, которые не приняли Его евангельской

проповеди (Лк. 9:54–55). Так, совершенно богопротивны истязания «во имя веры», – делает ли их человек над самим собой (например, в расколе самосожжение, решимость больного на перекрещивание в проруби) или допускает над другими, т. е. над теми, которые мыслят и веруют иначе или только противятся принятию православия.

Индеферентизм

(будто все веры равны)

Единая вера, единое крещение (Еф. 4:5). А возможно ли подумать, чтоб Бог, чистый и праведный, с одинаковым благоволением принимал и убеждения христианина, который признает Иисуса Христа своим искупителем, и веру еврея, который напротив ненавидит Христа, и религию магометанина, для которого Магомет, человек развращенный, выше всех пророков? Если б все было равно, кто бы как ни веровал,

да был бы честным человеком по своей вере, — в таком случае Спаситель не обличал бы заблуждений фарисеев и верований саддукеев. Нет; отдавать одинаковую честь всем верам, между тем как они различны по смыслу и к различному образу жизни располагают, — это значит не иметь никакого уважения ни к истине, ни к добродетели; — значит одобрять всякое заблуждение и всякие безнравственные правила, вроде тех, какие, например, можно встретить в алкоране. Такое равнодушие к единой истинной, или православной, вере, которая необходимо должна же быть между прочими верами, хуже и самого неверия.

Фатализм (неизбежная судьба)

Предложила ти огонь и воду, и на неже хочещи простертши руку твою (к чему хочешь, т. е. к огню или воде, того и касайся) (Сир. 15:16). И Господь Иисус Христос обыкновенно учил: *аще кто хочет по мне ити* (Мф. 16:24); *аще хочещи совершен бытии* (Мф. 19:21). Да, человеку дана полная свобода действовать. Но ни судьбы, ни рока, ни «слепого случая», который будто «написан на роду», ни «обстоятельств», которые будто бы невольно приводят человека к тому или другому состоянию в жизни и которых будто бы никак нельзя предотвратить («чему-де быть, того не миновать»), ни «счастливой звезды или доли», как напротив и неизбежной «горькой участи», – ничего подобного решительно нет и не может быть. Все это слова без всякого смысла или как «ничто», одни выдумки, одно сочинение человека.

Так верили язычники: они представляли себе под именем «судьбы» особое божество, которого власть над людьми будто бы своенравная. Лжеверие так же слышится и в этих, по-видимому, богобоязненных речах иного человека: «как Бог велит..., видно Богу угодно», если так, т. е. в дух нерешительном, говорится и там, где воля Божия давно и несомненно известна, (например, идти в церковь, говеть в пост) или где человек сам кругом виноват (например, в потере вещей от своей неосторожности). Самое богопротивное лжеверие выражает преступник, когда «судьбою, предопределением Божиим» называет свои незаконные пути и даже человекоубийство, ссылаясь на то, что «без Бога он шагу не мог сделать ни в чем». Нет; жизнь человеческая сколько зависит от Бога, столько же и от самого человека, которому Бог дал свободу и не

препятствует каждый раз своим всемогуществом делать по свободе злое, что значит судьбы Божии (Рим. 11:33). При этом надобно помнить и ясно различать, что есть «прямая воля Божия» на дела человека, т.е. на добрые дела, и есть только «попущение Божие» на них, т.е. если они злы. Иначе сказать: «одно совершается по воле Божией, а другое бывает по попущению Божию; все же совершающееся совершается по суду и определению Божию: тайно, от Бога или в независимости от Него ничто не бывает и не может быть».

**Будто почитать Бога нужно
одним духом, а не телом**

Прославите Бога в телесех ваших, яже суть Божия (1Кор. 6:20). Это решительно мечта верить, будто почитать Бога довольно одним духом, – без крестного знамения, без поклонов, без икон, без хожде-

ния в церковь, без украшения храма и т. и, Вернее сказать: это только намеренная уклончивость от всякого богопочитания, лень служить Богу, прикрываемая ложными суждениями. Сам Господь наш, Иисус Христос, как Богочеловек, преклонял колена на молитве и ходил в храм Иерусалимский на поклонение.

**Ересь (упорное какое
заблуждение против веры)**

Развратися... и согрешает, и есть самоосужден (Тит. 3:11), сказано об еретике, т. е. о таком человеке, который, не опровергая православного учения в целом, произвольно искажил какой либо догмат веры (как никогда Арий о сыне Божиим или как некоторые особенные секты в нашем расколе). Сомнения только в вере или заблуждение или самый раскол, равно как защита своих ложных убежде-

ний, – еще не составляют ереси. Ересь – отрицание или извращение божественного догмата, или существенного члена веры, притом – с крайним упорством. Посему полная вина человека, придумавшего или принявшего уже готовую ересь, настает только после того времени, как Церковь обличит его, а он продолжает упорно держаться своего мнения, которое противно вселенскому верованию. После этого строго воспрещается правилами церковными иметь с таким человеком религиозное, да и обыкновенное, общение (Апост. пр. 45; Лаод. 9 и 37).

**Неразумное представление в
Пресвятой Троице многих богов**

Сии три едино суть (1Ин. 5:7).

Не в том же смысле мы исповедуем Бога троичным, в каком и единым: в Боге три лица и одно существо, или одна жизнь, так что лица Его ни на одну точку не отделяются одно от

другого, существуя от вечности вместе. Кроме же Пресвятой Троицы нет Бога.

Неисповедание Иисуса Христа Богом

Отметаясь, яко Иисус несть Христос, сей есть антихрист (1Ин. 2:22). Как страшно быть названным антихристом! И если Иисус Христос не есть Бог и не Богочеловек, а только мудрый человек: в таком случае мир доселе не искуплен, – Спасителя доселе для нас нет, все мы остаемся в безысходном состоянии. Какое безотрадное неверие! Нет, – не только словесное возражение, но и колебание в мысли, тайное двоемыслие относительно Божества Иисуса Христа – гибель для веры. Человеческие дела Спасителя (например, ядение, сон) говорит только о том, что Он был действительным, как и мы, человеком. Но, затем, необыкновенное рождение Его (по за-

чатию Девы от Духа Святого), безгрешность и святость во всем, всемогущая сила в чудесах и засвидетельствование о Нем свыше, – показывают в Нем истинное Божеское Лицо, каким только и мог быть Спаситель мира.

**Будто не будет на том свете
вечной муки**

Ясны и решительны слова Спасителя: *идите от Мене проклятии во огонь вечный... И идут сии в муку вечную* (Мф. 25:41,46). Это не угроза Божия под условием, хотя много даже условных угроз выполнено со стороны Бога, когда люди сами не выдерживали условий, как например, смерть Адаму, потоп, казнь евреям и т. п. Нет; это, так сказать, одно пророчество Спасителя. Спаситель приводит слова, в которых Он произнесет свой суд на грешников, хотя вместе с тем Его пророчество не подвергает никого

вечной муке «по какой-то необходимости». Итак, не соглашающийся с тем, что будут на том свете огонь и прочие муки, заслуженно по суду Церкви подвергается анафеме (Опред. 5 вс. соб.). Он называет эти наказания грешнику чрезмерными, жестокими. Но не дерзость ли считать себя милостивее Бога, Который, при своем милосердии, не щадит же нераскаянного грешника? Грешник сам себе созидает вечную муку своею неспособностью или неготовностью быть вместе с Богом и со святыми в раю.

Будто совсем нет загробной жизни

Не бойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить (Мф. 10:28). Душа умереть и сгнить не может, потому что она не тело. Рассеяться также не может, потому что она не воздух, а тонкая, простая и невидимая сила. Продолжение ее

жизни после смерти тела ничто не препятствует, потому что живут же духи, ангелы. Но и тело человека некогда оживет: *возстанут, иже во гробех* (Ис. 26:19). Столь несомненна загробная жизнь! Подавить в себе веру в бессмертие страшно и потому, что при отсутствии этой веры человек легко решается на самовольное распоряжение своею жизнью или, вместо прошения к Богу: «христианския кончины живота...», желает себе естественно-то умереть так, чтоб ни на минуту не встретиться со своею совестью, которая стала бы его мучить и могла бы еще расположить к покаянно во грехах, т.е. желает себе смерти в одно мгновение.

**Неверие учению, правилам
и власти вселенской Церкви**

Аще Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь (Мф. 18:17). Ослушание Церкви, когда оно

происходит собственно от неверия, по справедливости подлежит такому суду; потому что Церковь вселенская есть *столп и утверждение истины* (1Тим.3.15): она живет истиной и не может заблуждаться. А таким образом учреждения ее (например, о поминовении усопших) спасительны; власть ее, благословение или анафематствование, голос на вселенских и принятых вселенскими поместных соборах, а также и в каноне церковном вообще, – все это непустые звуки. Лучше же быть названным «односторонним или недовольно просвещенным человеком» и веровать, чем при учености своей представлять себя умнее Церкви и таким образом быть уже не сыном ее, а судьей.

**Открытие своих сомнений в вере
другим с намерением породить
в душе их те же мысли**

*Прииде враг... и всея плевелы
посреде пшеницы* (Мф. 13:25). Вера
живая и простосердечная составляет
истинное богатство человека. По-
этому похитить у кого все это богат-
ство или только часть его – тяжкий
грех пред Богом и тяжкая обида
ближнему. – Апостол Петр, не уве-
ровавши у самого гроба воскресе-
нию Господа и только таивший в
душ своей «дивление», или сомне-
ние, на сей раз, скорее удостоился
видеть Воскресшего (Лк. 24:12,34),
чем Фома, который выражал пред
другими свое сомнение: *аще не ви-
жу...* (Ин. 20:25,26).

Грехи суеверия

Непосредственное волшебство, чародейство и гаданье

Последнее допускается: 1) по книге: «Соломон»; 2) по картам и посредством стучащих столов; 3) на воде; 4) на воске, олове, в трубе и чрез зеркало; 5) по полету птиц и пению петуха; 6) по звездам и свисту ветра; 7) чрез прислушивание под окнами и на перекрестках, и 8) чрез цыган.

Волшебство в ветхом завете наказывалось смертью (Лев. 20:27); потому что в нем заключается отступление от Бога и вера в тайные злые силы. Волшебник решительно переходит на сторону врагов-противников Божиих, т. е. бесов, и непосредственно с бесами общается. За чародейство (ворожба с отравой), или колдовство, к которым относится и деревенская порча (заломы), ожидает грешника казнь *огнем*

и жупелом (Апок.21.8); потому что здесь злоба человеческая предаёт ближнего своего самой бесовской злобе (например, чтоб человеку расслабеть членами тела, даже сойти с ума и т.п.). За разные гаданья правилами соборными назначена шестилетняя епитимия (6 вс.61). И — справедливо. Кто гадаёт, т. е. старается узнать будущее или никому неизвестное, не по детской только игре, а сознательно и преднамеренно, тот должен бы спросить себя: «у кого же это он хочет узнать о будущем и тайном»? Можно ещё догадкой-предположением предвидеть нечто будущее. Но неожиданные препятствия в будущем кому же известны, кроме Бога, и кто может предотвратить эти препятствия, если не один Бог? Что же это за темное существо, к которому прибегает гадалец или ворожей, и которое будто бы может знать и открыть для него будущее или тайное

помимо Господа Бога? Таким образом, гадатель-ворожей крайне унижает и оскорбляет свойство всеведения Божия, никому из тварей не принадлежащее или только сообщаемое самим же Богом в даре прозорливости некоторым святым людям. Что же до цыган, то ворожба этих бродяг вводит в один обман и им дает повод быть обманщиками: в их предсказаниях нет истины и быть не может; у них одна сметливость, а в ответах (как вообще у ворожей) неопределенность, двусмысленность.

Ворожба по библии или по псалтырю, где развернется, а также употребление разных суеверных молитв и заклинаний
Кое общение свету ко тме?
(2Кор. 6:14). Слово Божие и слова из церковных молитв ставит наряду с гадательными книжками или картами – ни с чем несообразно. В слове Божиим, в духе и даже из

полных текстов которого составлена большая часть церковных молитв, нет двусмысленных мест, которые бы разъясняли для человека желаемый вопрос. Оно светит человеку (между прочим и предсказаниями будущего) только для спасения души, а не для разгадки каких-либо иных вопросов. В Номоканоне (при большом требнике) сказано: «..худу подлежит... иже ключи во псалтырь влагают, оттуда ложная вещающе..., иже (употребляют) молитву нежита» (или от лихорадки; сюда же нужно отнести заклинание или заговариванье истекающей крови); «вся сия от бесов действуются» (ст.20).

Обращение к волшебникам и ворожеям

За этот грех назначается также шестилетняя епитимия (6 вс.пр.61). Прибегающий к волшебнику может понять свою тяжкую вину, свой

опасный шаг на этот раз против христианской веры, – уже из того, что от него требуют снять с груди крест и даже положить крест к подножию своему... Затем, «сходить только к ворожее и поворожить» – грех, тоже не извиняемый обстоятельствами. Чтоб, например, скорей отыскалась потерянная вещь или чтоб открылся неизвестный вор, а также чтоб более успокоиться духом за участь близкого лица, находящегося в отлучке, – в таких случаях есть ближайшая помощь христианину: совершить молебен, подать на проскомидию, просить Божьего содействия и утешения. Обращаться же к ворожее – это часто и даль и трата и пустой труд, а главное – грех пред Богом. Но если ворожея (не подобна волшебнику) будто бы имя же Божие произносит на своей ворожбе и крестное знамение, творит: то этим нечего прельщаться. Номоканон на сей

раз отвечает словами свят. Златоуста: «аще и святыя Троицы имя глаголется..., аще и святых будут призывания, аще и знамение крестное наводится, бежати подобает и отворачатися» (ст.20).

Спиритизм

(вызов духов и душ умерших)

Это один из видов волшебства, очень заманчивый и быстро развивающийся ныне в некоторых кружках. Впрочем, он не совершенная новость: еще в ветхом завете под угрозой смерти было запрещено вопрошать мертвых (Втр.18,9-14). Спиритизму (он имеет различные виды) предшествовало волшебное стологаданье. Но если бы действовала в нем чудесная сила: то эта сила, как дело Божие, проявляла бы себя достойно величия Божия. А достойно ли Божественного Откровения, когда дух с того света (пусть его речь будет и о добре, на-

пример, относительно молитвы) отвечает через дерево или посредством пишущего карандаша? Напротив, здесь очевидно совсем иное откровение – от духа злого; – очевидно из того, что прибегающие к вызову чьей либо тени первым делом снимают с себя крест (грудный). Последствия от спиритизма еще сильнее говорят за себя. Они вредно отзываются и на теле и на душе. На теле долго занимающиеся спиритизмом чувствуют головную боль, тошноту и большой упадок сил. На душе: в силу того, что здесь человек подчиняется влиянию не известной силы (загадывает в себе мысль, чтоб на загадку был ответ) – этим самым он отворяет в себе дверь злему духу, или отдает себя во власть злого духа. А злой дух может только губить душу. И вот не мало было примеров, что от стологадания лишались совсем ума или же делались бесноватыми!

Итак, спиритизм – обман для легковверных, вреднейшая болезнь и тяжкий грех.

Талисманы (таинственные предохранения от болезней и других злополучий)

У православного христианина есть другие, близкие оберегатели его от злополучий. Это – нагрудный крест его и вместе с тем частое ограждение себя крестным знаменем; это, может быть, икона со святых мощей, употребляемая им в дороге; это – молитвенная мысль об ангеле-хранителе. Носить же или хранить такие, например, вымышленные вещи: «сон Пресвятыя Богородицы, письмо, найденное в Иерусалиме или ладонки», а также надевать на детей или на животных для предохранения их от болезней и уроков (от «лихого глаза») бумажки с какими либо текстами или привески (например, шнурки и шерсть с медведя, которого водят

(Номок.ст.20)): все это значит не что иное, как (говоря текстом соборных правил) надевать на себя «узы душ». За этот грех даже полагается извергать из Церкви (Лаод. соб. 36).

Демонология (домовые, водяные, лесные, ведьмы и проч.)

Несомненно, злые духи существуют и христианин не может не признавать их существования после множества свидетельств о них в слове Божиим и по собственному опыту борьбы с ними, если стремится к большей чистоте жизни. Но «домовых» и проч. нет. Это вымысел и разные олицетворения прежнего русского языческого мира. Верить в домовых и бояться их, значит «в христианстве язычествовать»: *кое же согласие Христово с велиаром?* (2Кор. 6:15). Отсюда грех также называть кого либо в гневе ведьмой («старой») или лешим.

**Вера всяким снам и соответственное
тому расположение своих действий**

Емляйся за стен (хватающий тень) *такожде емляй веру сном* (Сир.34.2). Это потому, что душа человека спящего действует без сознания своего действительного положения и неправильно, сменяя и смешивая происшествия одного времени или в одном месте с происшествиями другого времени и другой местности, так что отсюда выходят самые смешанные представления. Еще хуже, еще больше обмана, когда кто, сам ли собой или чрез знахарей или чрез книгу «снотолковник», изъяснив особенным образом обыкновенный свой сон, соответственно тому и располагает свою жизнь, свои действия. Иное дело сны знаменательные, (как например, Иосифу в Египте): они бывают редки. Такие сны говорят сами за себя, и нет нужды

сомневаться о них: «аще от Бога суть». Это например, неизгладимые в душе впечатления после них (Быт. 40:7–8), повторение их в последующие ночи (Быт. 41:1–5), раздельность, ясность и святость их. Бог, посылающий такие сны, дает и средства, или вразумления, чтоб удостовериться в истине их. Не обращая внимания на всякие сны, как на предвестия какие-то, и не рассказывая их другим – человек может только по ним изучать себя: что есть в нем хорошего или худого; потому что сны, обыкновенно, представляют нам то, чем мы заняты были в продолжении дня.

Чрезмерная вера в предчувствия

Предчувствовать какую либо чрезвычайную перемену в жизни своей, а особенно смерть, натурально может человек. Но предчувствия по большей части бывают обманчивы; потому что способ-

ность их утрачена чрез грехопадение Адама; потому что они происходят часто от изнеженной жизни или от расстроенного воображения. И так окончательно на основании их решать свое или чужое будущее не следует, и тем самым вводить себя в напрасный страх или же в ложную радость. Это значило бы забыть о промысле Божиим, который управляет жизнью нашею и который, по Своим премудрым и благим намерениям, может и предотвратить от нас самую очевидную беду, как, напротив, совсем не оправдать предчувствуемой нами радости: Езекия по тяжелой болезни своей должен был умереть, и — не умер; Аман вперед радовался торжеству своему над Мордохеем, и предчувствие радости не сбылось.

Верование встречам и другим приметам

От Господа исправляются стопы мужу, сказано (Притч.20,24). Вместо того, чтоб так-то веровать и руководствоваться в жизни своей здравым рассуждением, суеверный человек поставляет свои успехи или же неудачи в делах в зависимость от подобных примет: «встреча со священником несчастлива; понедельник для начинания дел тяжел; третья горящая на столе свеча опасна, 13 человек за столом – тоже, а нечаянно погашенная свеча предвещает гостя; новый дом не обходится без умершего» и т. под. Если подробно всмотреться в дело, то для многих суеверий найдутся простые исторические или живые практические основания, иногда и с происхождением лжи от истины, а для всех вообще предрассудков – ясные опровержения в слове Божи-

ем и в здравом смысле. Христианину нужно отрешиться от всяких суеверий, предрассудков и примет, а не то чтобы иной примете не верить, а другой поверить.

Свечи за упокой живых

Это не евангельская молитва *затворящих напасть* (Мф. 5:44), а только желание зла ближнему. Таким образом, здесь грех двойной: и зложелательство и злоупотребление священными обычаяв.

Религиозные, предрассудки, т.е.: а) в таинствах; б) в обрядах церковных; и в) относительно некоторых праздничных дней

По преданию человеческого, а не по Христе (Кол. 2:8). Так, много известно неосновательных преданий при крещении, венчании, соборованье, на похоронах, относительно «ильинской пятницы» и т. п. Эти лжеверования оскорбляют

благодать Божию, которая препода-
ется в таинствах; отнимают силу у
молитвы, для большего возбужде-
ния которой существуют обряды и
определены церковные праздники.
(Так например, при венчанье наро-
чито имеют с собой серебрянные
деньги, чтоб быть богатым, – как
будто благословение Божие сходит
на мертвый метал, а не на душу че-
ловека; после молебна на закладке
дома – а случалось и церкви – бро-
сают серебро, которое вот из земли
же с трудом и потом вырыто да в
землю же без всякой пользы зары-
вается). Религиозные предрассудки
нередко совсем отвлекают человека
от того, чтоб удостоиться Божией
благодати и принести в известное
время молитву (как напр. относи-
тельно святого приобщения отзыв:
«не плевать... не сдержать...»). Во-
обще же религиозные поверья тем
виновнее, что примешиваются к
священным предметам и действи-

ям, как к меду горечь или к делу безделье. (Грешно совсем не верить или же не православно верить; грешно и переступить за пределы православного верования; но грешно также не иметь обилия веры, принимая веру в смысле богопознания).

Грехи против богопознания

Беззаботное незнание истин и заповедей православной веры

Се есть живот вечный, да знают тебе истиннаго Бога и его же послал еси Иисус Христа (Ин. 17:7). Так, от истинного богопознания зависит вся будущая судьба человека, и вместе с тем счастье его в здешней жизни, которое лучше всего оценивается и вернее достигается этим же самым путем. Следовательно, нет выше и достойнее предмета для мыслящего нашего духа, как наука христианского богословия, как изу-

чение православной веры по Свящ. Писанию, по церковной проповеди пастырей и по книгам духовным. И следовательно, это первейший долг, первейшее любопытство для христианина знать догматы и правила святой веры, предпочитая изучение их всяким другим наукам, всяким знаниям и сведениям человеческим. От нетвердого знания истин православной веры происходит и нетвердость в вере – сомнения и суеверия, а по отношению к жизни или к делам здесь скрывается причина ложных направлений и пороков: *и сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене* (Ин. 16:3). Сколько же грешат те люди, которые после учебного заведения никогда не возьмут в руки ни Нового Завета, ни богословской какой книги, ни духовного журнала, ни духовной книги вообще, а убивают досужее время только на чтение светских газет, и которые таким образом обо

всем с довольным знанием дела могут судить, кроме предметов веры!

**Незнание главнейших молитв, а также
Символа веры и десяти заповедей**

*Неведение Божие неции имут,
ко сраму вам глаголю (1Кор. 15:34).*
Молитвы «Отче наш» и Богородичная, Символ веры и Десятословие составляют краткое исповедание (кодекс) веры православного христианина. Не изучить их даже и во всю жизнь, действительно, постыдное невежество: знают с малолетства много песен, и не умеют прочесть: «верую...»! Нужно бы знать эти молитвы и с толкованием.

**Нестарание приобрести себе Библию
или только Евангелие, молитвенник,
равно как небрежное обращение
с этими книгами**

Все эти книги в особенности необходимы христианину. Самое при-

сутствие их в доме так же назидательно, как вредно отсутствие их. Один взгляд на них остепеняет человека, пробуждает в душе его добрые мысли и желания. Посему грех (при средствах) не иметь их: у иных целая библиотека книг имеется, а Библии не найдешь во всем доме; у других и при малом состоянии не мало же приобретается для дома излишних вещей (зеркала, например), а о приобретении Евангелия нет заботы, приобретение молитвослова-канонника обременяет их! Затем грех, имея в доме священные книги, не держать их в почетном месте (альбом с портретами на самом видном месте, а Евангелие где-то заложено с книгами и в пыли); грех небрежно обращаться с свящ. книгами, например, ронять их на пол, рисовать на них картинки, рвать в них листы (6 всел.68), вырванные же листы употреблять в хозяйств на житейские нужды и т. п. Как здесь

жалко непамятование о том, что та книга, которой теперь не читают ни каждый день по главе, ни вообще когда либо, которую не хотят приобрести себе или хранить с благоговением, та то книга, т.е. святое Евангелие, будет на том свете сводом законов, по которому будут судить христианина! (Ин.12.48).

Выход от проповедей или разговор за ними

Проповедь церковная есть продолжение и развитие учения Христова (Еф. 4:1 –12). И так уходящий из церкви на сей раз грешит, прежде всего, против проповеди, как против дела высокого и святого. Затем, этот человек грешит против собственной душевной пользы потому, что сам себя лишает знания полезных и святых истин. Об иных предметах, весьма важных для каждого христианина, он, может быть и никогда более не услышит; на-

пример, когда в последовательном и подробнейшем объяснении догматов веры (в катихизации) говорится об искупительной жертве Иисуса Христа, о вечных мучениях грешнику и т. п. Другие же предметы и нравоучения ближе всего к нему относятся, а он бежит и не хочет слушать. Грешит частью этот человек против богопознания и душевного назидания и других, — чем же? Тем, что препятствует другим слушать проповедь своим иногда очень не скромным прохождением через церковь, вообще же неизбежным стуком при выходе из церкви. Ту же вину несут на себе и те, которые хоть выстаивают проповедь, но не дают прочим слушать ее, одни своими разговорами, другие — как староста церковный колокольчиком, третьи — как матери или няньки плачем младенцев, принесенных для приобщения. Шум тех и других и третьих иногда

доходить даже до того, что в подобном положении проповедник должен (как некогда поступил и апостол Павел) остановить свое произношение (Деян. 22:22). О! забыто здесь, что всем этим показывается пренебрежение или только невнимание не к одному проповеднику, но и к христианской проповеди!

**Слушание или чтение проповеди
слова Божия с посмеянием
или для одной критики**

Улыбаться за проповедью, слушая ее, слушать или читать ее в печати с тем, чтоб злонамеренно возразить против нее или даже подвергнуть нареканию – ответственности за какое-нибудь слово проповедника, который между тем искренно и правильно исполняет свое дело, – такое отношение к проповеди слова Божия недостойно ее, и есть грех. Так отнеслись к пропове-

дям Господа Иисуса Христа многие из евреев, и что же? Они сами себя отвлекли от спасения: *ругахуся Ему* (смеялись над Ним) (Мф. 9:24); *ищуще уловити нечто от уст Его* (Лк. 11:54). Нет; не вредить, (потому что это великий грех), а сочувствовать и по возможности содействовать нужно проповеди слова Божия, как распространению света Божия (Ин. 12:35).

Пренебрежение чтением Четь-миней и название чудесных сказаний в них ложным преданием

Четь-миней (жития святых) помогают в богопознании, именно теми листами, где в них приводится сильная речь святых Божиих, например, мучеников, в защиту божественных истин, которые святые познали не умом только, а более сердцем и опытом. – Тем более четь-миней научают жизни. В них видим мы добродетели, которые

заповедуют всем нам Евангелие, оправданными или олицетворенными в жизни угодников. В них и вера в Бога и любовь к Богу оживлены, ясны, в полной гармонии между собой. Посему читать их вообще, а в последнем случае в особенности, весьма умное и полезное дело. Высокий пример всегда более воодушевляет и располагает к подражанию, чем слово: читаешь жизнь иного святого или святой, и не можешь не полюбить их всей душой, а с этим вместе – располагаешься искренно к добродетелям их. Притом, кто желает спастись, тому как же не стараться – узнать: как спасались другие? – Но ложных преданий в четь-минеях нет: потому что четь-минеи составлены на основании исторических сказаний и несравненно с большою разборчивостью, чем какая могла бы быть при описании гражданских событий: «да не будет ми лгати на свя-

таго», говорит первый из жизнеописателей святых, святой Димитрий Ростовский. Чудесные рассказы в четь-минеях нисколько не причина называть их ложным преданием («легендами»); потому что явления духовной жизни скорее могут быть поняты людьми духовными же по своему направленно и делам. Жизнь тех святых, о которых говорится в самой Библии, также была исполнена чудес: однако против нее не возражают пренебрегающие четь-минеями. Зачем же отвергать чудесную сторону четь-миней?

Незнание жизни своего святого и неподражание его житию

Церковь поручает христианина особенному покровительству того святого, именем которого нарекает его при крещении. Вместе с тем, это наречение напоминает о некотором особенном обязательстве со

стороны нарекаемого, как и вообще имя знаменательно (Ис. 65:15). Отсюда обязанность каждого христианина – знать жизнь своего святого преимущественно пред другими святыми. Знать ее можно в главных только или и в частных чертах, например, по четь-минеи, прологу или по особенному историческому сказанию. Знать ее нужно сколько из уважения к тезоименитому святому, столько же для того, чтоб по возможности подражать сему святому и чрез подражание тем более остаться верным Христу.

**Чтение книг или рукописей,
написанных против святого
Православия, и дружество с людьми
неверующими и вольномыслящими
Еретика... отрицайся** (1Кор. 2:14); *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (Пс. 1:1–2). Читать книги или рукописи, которые прямо написаны с целью поколе-

бать православие (например, сочинения Ренана) или только заключают в себе погрешности против святого православия, — читать такие сочинения могут одни христианские и церковные учителя, и то с тем лишь намерением, чтоб успешнее поражать врагов истины собственным оружием последних. Но всем прочим, и особенно людям, которые не изучали последовательно истин веры (богословия), чтение таких книг или рукописей опасно для целости их веры и поставляется в грех. А также не следует дружить или без особенной дружбы часто спорить о вере с иноверцами и вольнодумцами, хоть бы (как иной говорит) этим дружеством и спорами (равно как и чтением еретических или раскольнических книг) нисколько не тревожилась его совесть. Нет, — дружба с вольнодумцем похитит и остатки веры, в ком мало было религиозных убе-

ждений; а речь иноверца, который ненавидит русскую православную веру, не может не беспокоить духа даже в искренно верующем.

Грехи против трезвенности ума и духа пред Богом

Рассеянная молитва

Егда молишися, вниди в клеть твою (внутри себя) и затворив двери твоя (закрой сердце от посторонних мыслей) (Мф. 6:6). Останавливаться вниманием на помыслах, которые приходят в часы молитвы, тем более обдумывать в это время целый план какого либо дела, а также, стоя на молитве, оглядываться по сторонам, прерывать молитву для каких либо ответов, и особенно так в домашней молитве, когда человек от своего лица лишь приносит молитву, – все это как же не согласно с идеей (понятием) о молитве! «Молитва (как известно) есть возношение ума и сердца к Богу, или беседа с Богом». Скажут: «что же делать, если посторонние мысли приходят на молитве»? – Не

нужно лелеять их и развивать; нужно поскорей возвращаться к предмету – содержанию молитвы, т. е. принуждать себя к сосредоточенной молитве; нужно каждый раз сознавать свою вину, если молитва бывает рассеянная; нужно готовить себя к молитве, особенно продолжительной; нужно молить Бога о самой молитве (Рим. 8:26). «Не худые, а и добрые, или к доброму делу, возникают на молитве мысли!» Так! Но все же это неуместные мысли. А главное: за бесстрастными или порядочными помыслами (если не удерживаться от них) будут приходиться и страстные, или худые, помыслы.

Молитва только наружная и нестарание приобрести умную молитву, незаботливость о молитве Иисусовой

*Приближаются Мне усты
своими... Все же чтут Мя*
(Мф.15,8:9). Да; тем более не ис-

тинная и несовершенная молитва, если нисколько на ней не обращают ума своего к Богу, если выполняют ее по одной лишь привычке или по одному расположению ко внешней обстановке ее (а также для успокоения только своей совести). Хоть и нельзя еще назвать или несправедливо будет в отношении к каждому, кто молится так, почесть эту молитву лицемерною (лицемерие иное дело): но, во всяком случае, эта молитва «всуе» – напрасная и требует исправления или пополнения духом молитвенным. Нужно еще стараться – приобрести, так называемую, «умную молитву», Пример умной молитвы видим в Анне, матери Самуила (1Цар. 1:9-16). Умная молитва полезна нам, чтобы приобрести навык вообще к молитвенному настроению духа. А часто она бывает и совершенно необходима нам. Например, как молиться с крестным знаменем и

пред иконой в зимнем пути, на железной дороге? и ужели же в продолжение целых суток или еще более оставить христианский долг молитвы? – Наконец, прекрасное упражнение в богомыслии, крепкая поддержка трезвенности духа пред Богом – «молитва Иисусова». Эта простая и краткая молитва, однако, не простое человеческое произведение, или сочинение. Нет; молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас (или мя)» вытекает из евангельских наставлений самого Господа Иисуса Христа ((Ин.14,13–14;16,23–24); она открыта святым ангелом Пахомию; она составляет лучшее упражнение в умной молитве и лучший учитель внимательной молитвы; она удобна для непрестанной молитвы (1Сол. 5:17). И так надобно позаботиться о ней. Тем более невежественно и грешно пренебрегать ею, как бы молитвою одних простолюдинов,

стариков и старух, которые, действительно, по безграмотству своему не знают и по незаботливости своей не изучили никаких других молитв.

Неисполнение утренних и вечерних молитв по лености или небрежению

Между тем пример этих молитв оставил нам сам Господь наш Иисус Христос, будучи духовен и совершен в высочайшей степени. Сказано: *утро востав... молитву деяше* (Мрк.1,35); *иде на гору помолитися... вечеру бывшу* (Мрк. 7,46—47). Стало быть утренние и вечерние молитвы совершенно необходимы для христианина и составляют непрременный его долг. Но есть люди, которые хоть не отвергают этого долга, однако же, ограничивают выполнение его поутру и вечером только тем, что перекрестятся раз-два, не поставляя себя в молитвенное положение, или же,

став пред иконой, сделают наскоро всего пять-десять поклонов. — Какое же тут исполнение долга религиозности? В столь немногие минуты, и так-то каждый раз, возможно ли войти духом в молитву?

Прежде молитвы утром мысли и разговоры о житейском

Первые мысли или размышления человека после утреннего сна, как бы после выхода из небытия в бытие, должны быть обращены к Богу. И таким обращением, без сомнения, лучше и ближе всего могут быть утренние молитвы или, кроме этого, чтение главы из библии. Равным образом, первое движение языка, первейшая речь в утреннюю пору должны быть употреблены ни на что другое, как на начальные слова утренних молитв: «во имя Отца и Сына и св. Духа». Адам, когда Бог вдунул в лице его «дыхание жизни», без сомнения, имел пер-

вую мысль о Боге, и первое свое слово проговорил, прославляя Творца своего. Когда христианин подобное же обращение к Богу (т. е. мыслью и словом) тотчас после утреннего сна поставит для себя правилом, от которого будет отступать разве в особенных случаях: тогда он выразит этим полную свою зависимость от верховного Существа и готовность свою служить «Тому единому». Какое же это, в самом деле, будет прекрасное правило для каждого христианина! Как оно умно будет подчинять человека Богу! Как хорошо будет наделять утреннею молитвою! Но прежде утреннего молитвословия успеть надуматься серьезно о том и другом, успеть наговориться с другими и сделать многое сверх неизбежного обихода, — это очевидная уклончивость от первейшего дела в каждом дне. Кроме того: расспросы или рассказы или распоряжения о чем

либо житейском еще на самой постели, вообще до утренних молитв, часто вводят в гнев-перебранки по семейству, по хозяйству, и, таким образом, совсем расстраивают дух прежде, чем будет выполнен долг утренней молитвы.

Пренебрежение молитвою пред столом и после стола

Молиться в это время дана прямая заповедь в слове Божиим: *и ясти будеши, и насытишися и благословиши Господа Бога твоего* (Втор. 8:10). Этот древний завет веры и освящен примером Господа нашего, Иисуса Христа. Со стороны самого дела, прийти и просто садиться за стол, как бы за игру какую, а не почтить молитвою пред обедом Подателя *пищи алчущим* (Пс. 145:7), значит так же бросаться на пищу и питье, как бросаются на них бессловесные, которые не умеют, по неразумной своей природе, выра-

зять почтение Творцу. Недостаточно и только раз-два бегло перекреститься перед столом; потому что в таком случае не только не успеть – прочесть молитвы: «Отче наш...» или «Очи всех на Тя уповают...», но и сказать: «Господи, благослови питание и ястие»! – Затем, не воздать после стола благодарной молитвы Богу – как же несвойственно для нас, особенно ввиду того, что тут же со всею тщательностью стараемся мы отблагодарить лиц человеческих, от которых приняли стол или угощение! К хозяйке и хозяину дома – как в большом, гостинном столе – наперерыв бегут, чтоб поклониться им, поблагодарить их за хлеб-соль, а благодарности Господу Богу не хотят воздать! Если последнее назовут одною обрядностью, наружностью: то и первое разве не наружность? Но просить пред столом и благодарить после стола Господа Бога (став пред ико-

ною) надобно не по наружности только, а искренно и с участием в этой краткой молитве мысли.

Неисполнение молитвы перед началом и после окончания каждого труда и работы

Молитвою, хоть краткою (пусть она будет состоять в одном крестном знамении, еще менее – во взгляде на святую икону или во вздохе к Богу), – молитвою прилично начинать и заканчивать каждый серьезный труд; потому что сказано: *Мене же не вопросиша, еже помощь имети* (Исх. 30:2); *аще ли ино что* (кроме вкушения пищи) *творите, вся во славу Божию творите* (1Кор. 10:31). Так как молитвою привлекается от Бога благословение на дело, то не молиться при трудах значит не дорожить Божиим благословением. Верующий и богобоязненный христианин кре-

стится также и в то время, как выходит из своего дома.

**Богохульные помыслы,
преимущественно на молитве**

Дурные помыслы о святых и святыне, унижительные сравнения святого с грешным, – вот в чем состоит тайное богохульство, или в одном уме! Такие помыслы приходят преимущественно на молитве. Что сказать о вменяемости их? Они вменяются в грех только в таком случае, и притом – частью, а не вполне, когда человек не пренебрегает ими, т.е. останавливается на них свое внимание, хотя, положим, и не желает их, также, когда стыдится открыть их на исповеди (и так иногда целые пять-десять лет). Они собственно – ветер от дьявола, который ими нападает на человека по своей зависти. Дьяволу и вменяются в вину все эти богохульные помыслы и представления: истинный

христианин или христианка, очевидно, не соглашаются с ними и только смущаются от них, не зная еще до времени, – откуда они и зачем. И так все страдающие помыслами и представлениями этого рода не должны сильно опечаливаться от них, говоря в душе нападающему врагу: «отойди от меня, сатана» (Лк. 4:8). Врагу радость, если на его неуместные и скверные картины (например, при взгляде на святые иконы или церковные свечи) обращается внимание, если от этих картин тревожится дух, даже оставляется долг исповеди и св. причащения.

Занятие ума одним земным

Помышления об одном земном отчасти не согласны с назначением христианина, да и прямо запрещаются в слове Божиим: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3:2). В этих словах слышится не один со-

вет, которому следовать или не следовать предоставляется воле человека, но положительная заповедь. И заповедь эта не есть какое-либо излишнее или непомерное требование, а совершенно необходима. Обыкновенно, кто о чем больше думает, тот это самое и начинает любить. Так и для человека, которого мысли непрерывно заняты одними земными делами и никогда не занимают их ничто душеспасительное, — для такого человека Бог и будущая жизнь как бы не существуют. Он сам себя поставляет в такое состояние, что начинает скучать предметами религиозными и даже чувствует к этим предметам какую-то тайную нерасположенность.

Забвение о вседеприсутствии Божиим

Предзрех Господа предо мною выну (Пс. 15:8). Вседеприсутствие Божие так же нас везде встречает и окружает (Пс. 138:7-10), как воздух, которым мы дышим и в котором движемся, хотя и не в силах определить с точностью образа вседеприсутствия. Посему в чувстве благоговения всегда должны мы помнить, что Господь Бог находится на каждом месте, все Он видит и слышит. А иначе это будет такая же неизвинительная забывчивость, как кто стал бы небрежно и говорить и двигаться в присутствии самого царя или пред лицом высокой какой особы. Да; если представлением себе вседеприсутствия Божия каждый легко может удерживать себя от грехов, как показывает пример Иосифа в доме Пентефрия (Быт. 39:9); то в забвении о вседеприсутствии Божиим заключается вина такого рода, что человек не хочет пользо-

ваться столь легкою и ближайшею мерою к удержанию себя от зла.

Забвение о своем ангеле-хранителе

Ангел-хранитель – дар Божий христианину от купели (Посл. крещ. мол. 4) и до могилы. Но даже и после смерти христианина он сопровождает душу, которую здесь охранял, когда душа проходит степени суда Божия. От самого человека уже зависит, чтоб ангел-хранитель ходил с ним днем, осенял его своею опекою в продолжение ночи: вера и богобоязненность человека привлекают к нему ангела-хранителя, как, напротив, безверие или маловерие и греховная жизнь, не прерываемая ни искренним покаянием, ни борьбою со страстями, – удаляют. Ангел-хранитель дается от Бога не один на многих, но каждому особо. После всего того, очевидно, грех совсем забывать о нем, не молиться

ему и не сознать его благодетельного влияния на свою судьбу, например, в тех случаях, когда проходит мимо нас самые очевидные опасности для здоровья и жизни. Грех, особенно, не вспоминать о своем ангеле-хранителе в Михайлов день, как в главный годичный праздник в честь всех бесплотных Сил, – не освятить этого дня, если не непременно бытностью в церкви, то живейшим представлением себе личности ангела-хранителя.

Заповедь 7: Не прелюбодействуй
— не вреди целомудрию ближнего, равно как и своему — вообще жизни душевно-нравственной в других и в себе.

Раздел: Виды сердечной похоти

Блудные помыслы, или представления

Бывают помыслы о блуде невольные, у иных только минутные. Они требуют исповедания пред духовным отцом, но еще не вменяются в вину. И вообще худые помыслы полезно выводить из себя наружу пред другими, притом — не пред духовным только отцом, которого иногда не близко или нелегко увидеть, но и пред мирянами, только бы известными строгою жизнью. А особенно с блудными-то помыслами нечего таиться пред искренним и благочестивым человеком. Святые подвижники, обыкновенно,

спешили открывать их опытным старцам, а медлительные терпели вред (Патер. гл.5, сказ.17). С другой стороны, те, пред которыми кто-либо открывает свою борьбу с блудными помыслами, как и с самою телесною похотью, те должны иметь осторожность, чтобы не пренебречь этим человеком, будто бы человеком нехорошей жизни.

Бывают блудные помыслы или представления, как воспоминание прежних падений. И эти помыслы тоже не составляют вины, если только человек не услаждается ими, если с первого раза отвергает их, стыдясь себя и испуская вздох самоосуждения пред Богом. Но когда кто останавливается приятным воспоминанием на них, например, как он первоначально познал сласть плотского совокупления с другим полом или как впоследствии допускал тот же грех или как недавно, несколько лишь дней или

часов назад, согрешил: это самое показывает, что он не от врага — дьявола, а *...искушается увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак. 1:14). Тут две вины: и повод от себя, по прежней своей жизни, к плотским помыслам, и согласие с ними (а иначе, т. е. если бы они не нравились, то нечего было бы и останавливаться на них). Тогда человек может дойти или до нового падения или до падения только духом.

Бывают, наконец, такие блудные помыслы, которые человек сам намеренно возбуждает в себе и по долгу питает в своей душе, приобретая к ним любимую привычку: это любострастная фантазия, распутство мыслей. Человеку, например, живо представляются любовные целования с лицом другого пола, к которому есть влечение; воображается нагота иного пола (видит, например, он женщину, как она

ходит, и представляет ее себе на-гою); собственная обнаженность; рисуются в уме все телесные движения к совершению плотского греха, так что одно лишь тело остается не оскверненным, а душа уже вся в блуде. Действительно, в таком случае бывает прямое желание плотского греха, но только нет возможности совершить грех по каким-либо обстоятельствам, это значит зажигать огонь в своем теле. Евангельский закон решительно осуждает подобные помыслы как блуд, преследуя зло в самом корне, а не запрещая одно лишь внешнее прелюбодеяние, как запрещалось более в Ветхом Завете: *уже прелюбодействует с нею в сердце своем*, сказано в Ев. от Матф.5,28. (Говоря о сладострастных помыслах, мы не повторяем здесь о нападении такими-то помыслами, вместе с огненным распалением плоти, со стороны врага — дьявола, и этому под-

вергаются люди благочестивые и святые (См. в 1 части под 2-ой заповедью «о страстях»): здесь и помыслы и самое распаление тела — не вина).

Кто же вообще хочет избавиться от блудных помыслов и скверных плотских картин, тот с пользою может представлять себе, как эти гнусные тайны для грешника нераскаянного изобличатся пред всеми на страшном суде; как они сходствуют с зловонием в нечистых местах; как наша собственная плоть, которую теперь мы занимаемся и чужая красота, которую прельщаемся, как после смерти они обезобразиваются, гниют и оставляют от себя одни кости (остов). Неосуждение ближнего, воздержание в пище и молитва также сильные средства против блудных мыслей и представлений.

Похотный взгляд на другой пол и пристрастие к красивым лицам

Глаза у них исполнены любострастия (2Петр.2.14); *не засматривайся на чужую красоту* (Сир. 9:8). Как мысли блудные пробуждают в теле страсть и тело может быть доведено от них до настоящего блуда; так, с противной стороны, телесное впечатление вносит в душу блудную мысль. Яснее сказать: «от внутреннего блуда заражается и внешний, но и от внешнего возникает внутренний». Праведный Иов потому-то и полагал себе зарок не смотреть на красоту женскую (Иов. 31:1), что «за воззрением следует мысль, за мыслью — услаждение, за услаждением страстное пожелание, а за пожеланием — и само падение». Кто препобедит из этих искушений первое, т.е. соблазнительный взгляд (как в свою очередь и блудную мысль): тот разом удаляет от себя все остальное. (Против

блудных помыслов должны вооружаться преимущественно люди одинокие, например, монашествующие, которые редко встречаются с лицами другого пола; а против взглядов должны беречь себя преимущественно те, которые постоянно обращаются среди мира). Но если и от непредвиденного, однако, неосторожного, любопытного взгляда на лицо другого пола бывает вред целомудрию: то тем более такого вреда и, затем, вины в том, чтобы искать посмотреть на красивых другого пола. Любопытны до того, что, так сказать, раскрывают рот (зевают) на чужую красоту, — думают, как бы с такою-то красавицею или красавцем поговорить или посидеть. Равным образом, нецеломудренное чувство изобличается и такого рода пристрастием к красивым лицам, когда для человека красивой наружности, за одну его наружность, с первого раза де-

лают предпочтение пред другими и в том, и в другом и третьем случае; а также когда любят окружать себя милovidными и молодыми лицами, например, в прислуге. Очевидно, здесь управляет сердцем не любовь к ближнему, но собственная похоть. Пристрастие к красивым наружностям и похотливое услаждение ими глаз, наконец, распространяются и на мертвые портреты!

О! как же необходимо, поэтому, преследовать в себе зло на первых порах его. Скорее же всегда можно удержаться от осязания, возбуждающего похоть, чем совладеть с глазами: глаза везде с нами и их не закроешь. Потому через глаз легко приходит в душу похоть. И потому-то зрение требуется охранять со всею осторожностью. Отсюда у человека целомудренного и желающего сохранить себя вполне целомудренным бывает взгляд более потупленный, чем прямой и

острый, особенно на противоположный пол. Отсюда у такого человека (будет ли то молодость или самая старость) видна благороднейшая, достожелаемая краска в лице, когда на него посмотрят пристально. Отсюда у святых подвижников было до того осторожное хранение глаз, что они старались не встречаться глазами и не сидели рядом с лицами другого пола, мало этого и с лицами одного пола с собой, к которым замечали в себе некоторое нецеломудренное влечение. Без сомнения, это не брезгливость, а только добрая бережливость себя и других.

Сладострастные разговоры

или слушание таких разговоров

Признались в похоти своей, сказано о старцах, которые имели скверный замысел относительно Сусанны (Дан. 13:14). Сладострастные разговоры бывают и всеце-

ло, т.е. по содержанию своему, когда, например, кто рассказывает историю своей постыдной связи, и по тону своему, когда другие искусственно смягчают свой голос или с нежною, но по смыслу своему бесстыдною, шуткою обращаются к невинному, целомудренному лицу, наконец, и по движениям, которые то утонченно, то грубо, поставляют пред глазами блудный грех. Кто любит такие разговоры и шутки, тот, без сомнения, обнаруживает в себе любострастное направление, хоть бы уже не предавался любострастию, например, в старости лет, или же жил законным браком. Он до того находит их для себя приятными, что думает, будто и другим они приятны; и потому готов так шутить в веселом расположении духа без разбора лиц, среди которых сидит, например, и в присутствии духовного лица; и до того, любя их,

считает ничего незначащими, позволительными, что неосторожно допускает их и при девицах, даже иногда при собственных детях. Какое легкомыслие!

Но виновно и одно слушание сладострастных разговоров. Если они не производят краски в лице у тех, которые их слушают, напротив, выслушиваются с любопытством и удовольствием; это также показывает развращенность сердца. В той мере, как одни рады случаю рассказать, что вот они тогда-то победили невинность; другие рады очень послушать, тотчас же подсядут к рассказчику. И вообще нехорошие разговоры, действуя только на слух, сильно действуют на пробуждение душевных страстей: это доказывает самый первый грех, который вошел в мир путем слуха. Но сладострастные рассказы, например, о чьем-либо падении в плотской грех, удивительно как

пробуждают похоть в говорящих и слушающих. И так *удержи язык твой от зла..., еже не глаголати льсти* (Пс. 33:14) блудной.

Скверная (матерная) брань и слушание ее

Отложите ... сквернословие (срамословие) от уст ваших, запрещает слово Божие (Колос.3,8). Этот грех столько не маловажен, что был подвергнут обсуждению (и осужден) на одном из соборов: «непотребными словами (сказано) оскорбляют честь матерей семейств и целомудрие других» (Карфаг.71). Да; употребляющий скверную брань, прежде всего, безжалостно позорит честь матерей, нагло ругается над богоустановленными законами рождения, забывая, что и сам родился тем же путем хотения плоти, хотения мужа (ср.Ин.1,13). Как бы он чудовище какое, когда пред словом: «мать, мать» постав-

ляет себе понятие только о блуде и издевается, будучи рожден и воспитан матерью же! Затем, так как он произносит свою гнилую брань не шепотом и про себя, а большею частью громко, и тогда как по какому-нибудь случаю рассердится, думая найти в ней не то подкрепление, или некоторую важность своему гневу, не то облегчение от гнева: то его брань иной раз неизбежно выслушивают и люди вполне стыдливые и целомудренные. Какой же это безобразный оскорбитель нравственного чувства ближних! Как он бьет своим бесстыдным сквернословием по невинному и благородному слуху других! Иногда от его сквернословия возмущается и вся внутренность: иногда ссорящаяся на площади толпа старается перещеголять друг друга искусным подбором оскорбительных для целомудрия слов. Сам же по себе этот человек оскверняет и уста

и всего себя: уста его, как грязный и зловонный источник, особенно в часы нетрезвости его. Иной до того привыкнет к матерней брани, что с унижением себя, своего чина или звания, допускает ее и пред низшими: для простолюдинов же это просто как поговорка, преступная еще потому, что иной раз произносится вслед за божбой: опьяневшего, например, простолюдина и не думаешь встретить без матерней брани.

Но и только не останавливать этой брани, когда на то есть некоторое право или старшинство, не уходить от нее, когда есть возможность уйти, равнодушно выслушивать ее, когда надлежало бы стыдиться ее: все это также показываете нецеломудренную душу. О? богомерзкая брань! зачем же она так особенно слышится от русского человека? нарушается ли еще где заповедь Божия о чистоте и цело-

мудрии языка, как к стыду сказать, у нас? С глубокою скорбью некогда говорил Карфагенский собор об этой брани: «и изреши стыд есть». Так же скорбит и ныне Церковь за сквернословящихся между православными.

Страстная музыка

Первым изобретателем музыки был некто Иувал. Этот человек был отец всех играющих на гуслях и свирели (Быт. 4:21). (Бытописатель Моисей, однако, не совсем в похвалу упоминает о нем). Музыка, как искусство, как чувство изящного, если и не будет прямо или исключительно обращена для священных песней, все же может не служить для похотей человека. Она, подобно поэзии и живописи, не делаясь чисто-священной или религиозною, иногда также выражает прекрасные нравственные чувства. Такова, например, музыка, возбуж-

дающая патриотические чувствования, и военно-походная, воодушевляющая воинов и придающая им часть и телесных сил. Но мы хотим сказать только о страстной музыке, которая как прежде, так и ныне, употребляется в свете. Иной композитор, будучи сам человеком развращенным, вложит в музыку свои чувства, которые действуют решительно на половое стремление. И как в книге мысль сочинителя усваивается читателями: так и эта музыка, не сопровождаясь даже пением или не выражаясь в словах, но, состоя в одних мелодических звуках, возбуждает те же страстные стремления и в том человеке, который выигрывает ее или слушает. Она прямо проходит в сердце, минуя голову, которая могла бы еще попрепятствовать развитию чувственных образов. С другой стороны, у простолюдинов известна своя разгульная музыка. И так на сторо-

не страстной и разгульной музыки несомненная доля развития в человеке похоти. Доходят до слуха звуки музыкальные, и чувствует человек досаду на то или тоску о том, что он вот один, что нет у него вблизи лица иного пола, что хорошо бы быть этому лицу сейчас же или тут же, словом, отдаться бы наслаждениям плотской любви. Это равняется чтению целого романа, особенно когда музыка соединяется с самым искусственным пением романсов. Кто когда-либо в жизни своей падал грехом нецеломудрия, тот, слушая звуки страстной музыки, вдруг припомнит себе все эти падения. Если сравним и оперную музыку с духовным чтением, то вполне сознаем вредное влияние ее на душу: как духовное чтение привлекает к Богу, так эта музыка отвлекает мысль от Бога. – После сего *читающий да понимает* (Мрк. 13:14).

**Бесстыдные танцы и пляска,
бытность при них, равно как
и на бесстыдных зрелищах**

Дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним (Мрк.6,22): здесь видим грех и пляски и смотрения на пляску. Нельзя назвать совершенно невинными вообще танцы с лицами другого пола. Это сознают сами танцующие и дозволяющие танцевать; потому что неприличным же, оскорбительным для целомудрия было бы признано то, когда бы вне танцев девица одну руку свою прямо отдала постороннему мужчине, а другую положила на плечо ему. А также разве ничего не значат для молодой девицы такие минуты: в промежутки танцев она сидит с незнакомым мужчиною, который может говорить с ней под звуки заглушающей музыки, о чем хочет? И вот, как же многие в танцевальных залах захва-

тили заразу для девственной души своей! Но бывают танцы, это именно балетные и канкан (сюда же относится простонародная площадная пляска), танцы, в которых и мимика и движения и костюмы — все рассчитано на то, чтоб заставить душу похотствовать и в теле пробудить похоть. Надобно быть ангелом бесплотным, чтоб в виду этой пляски сохранить себя в чувстве целомудрия. Выходить же на такую пляску, а с другой стороны — прямо просить ее (кричать: «канкан, канкан...»!) — полнейшее бесстыдство. (Для такой-то пляски особенно применимы слова св.отцов, которые вообще осуждали танцы: «праздник дьяволу» (Ефрем Сирий), «подводный камень невинности и могила для нравственности» (Амвросий Медиоланский).

Затем, не менее воспламеняют и питают похоть плоти и бесстыдные зрелища, т.е. такие зрелища,

где например, слышится разговор двух лиц, мужского и женского, о плотской любви (а в каком же театре нет этого?); где можно видеть тесное приближение друг ко другу мужчины и женщины (в лице актеров) до немногих шагов к самому акту греха, запрещаемых седьмою заповедью; где представляются разные обольстительные телодвижения, где также, как и в пляске, приняты короткие и обтянутая одежды у женского пола; и где при этом действия – игры девиц или женщин выполняются на возвышении, например, в цирке бег их на лошади с поднятием ног в виде пляски, а в садах – хождение их по канату. Одному Богу известно, сколько душ вовлечено в грех от таких зрелищ! Женатые и семейные с них возвращаются домой в расстроенном духе, возвращаются не одни, но вместе с театральной женщиною, т.е. не вводят же они

этой женщины открыто в дом, против чего восстала бы законная жена, но вносят и оставляют ее в своем сознании; а иные и совсем не приходят в тот вечер к семейству, уклонившись на распутья порока. Холостые же тотчас обращаются в постыдные дома; случается еще, иной из холостых, пленившись искусством и наружностью актрисы, вступает с этой актрисой в брак: по увлечению брак не приносит им обоим счастья. И так справедливо св. Церковь на своих соборах отлучает от себя представителей и посетителей таких бесстыдных зрелищ (6 Всел, 51 снес. Карфаг., 18).

**Свободное, или короткое,
обращение с лицами другого пола**

Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего (Притч. 6. 27, 28). Кто живет в мире,

для того обращение с лицами иного пола неизбежно, и, без сомнения, не составляет греха, если бывает в границах нравственности.

Короткость же обращения опасна и предосудительна. Ее составляют например: близкая встреча глаз; пожатие рук; хождение под руку; разговор на сердечные вопросы (темы); бытность друг с другом наедине, особенно продолжительная, например, прогулка по саду, в лесу, в дороге, для уроков, т.е. когда один учителем, а другая ученицей, и оба — молодые; пешеходное путешествие куда-либо двух лиц, мужского и женского, с ночлегами в поле; вход в комнату к неодетым или полуодетым другого пола; служение постороннему больному с прикосновениями к обнаженным частям, которое можно было бы заменить людьми того же пола, и во всяком случае — требовалось бы обставить другими средствами;

не прекращение тотчас знакомства и встреч с таким человеком, к которому уже чувствуется плотское влечение (а лучше бы и оставить дело, требующее свидания, чем губить душу, или же выполнить бы это дело через других); неумеренное воспоминание о другом поле, т.е. даже и за глазами его или вдали от него (некоторые из святых подвижников и не без разбора молились о женском поле), а в личном свидании продолжительный разговор с шутками и хохотом; наконец – сидение за вином (как у семейных и пожилых) вместе с замужнею женщиною (Сир. 9:10), столь же опасное, как трудно, чтоб уголь в пазухе не прожег платья.

Почему все это нравственно не одобряется? Потому что с самого грехопадения Адама в раю чистые отношения полов; мужского и женского, изменились. Теперь, чем короче, вольные и чаще бывает сбли-

жение между собой посторонних юноши и девицы или мужчины и женщины,— тем более желается повторять такие встречи и свидания, тем сильнее становится взаимное влияние их тел, а воля по мере этого слабеет, и тем более бывает порывов к решительному падению.

(Между прочим, надобно заметить, что более действует на плотскую страсть, следовательно, более опасна, близость к мужчине девицы, чем замужней женщины). В этом-то случае нельзя доверять ни своему, ни чужому целомудрию, которое будто бы не позволит себе решиться на грубый порок; нельзя всегда успокаиваться и за болезнь, при страданиях от которой по видимому не до помыслов бы блудных (К одному человеку очень строгой жизни прикоснулась женская рука, прикрывающая его ноги во время ухода за ним по болезни его, и он почувствовал в себе те-

лесные силы для греха и подвергся страшному искушению. Поэтому пр. Пафнутий Боровский, всю жизнь остерегавшийся непосредственных прикосновений к чужой обнаженности, даже до рукопожатий, тотчас отвлек свою руку от человека, который неосторожно взял его за ладонь, проводя его крайне больного в церковь (Четь-мин. Под 1 мая).

На этот же случай есть наставление у Антония Великого; нельзя полагаться ни на свою, ни на чужую старость лет. «Уже омертвело мое тело», – говорил один старец тем, которые предостерегали его от короткости с женским полом. Понадеялся он на свою старость, не принял предостережений, и подвергся также страшному искушению (Древ. Пат.5,38); нельзя оставаться спокойным даже со стороны убогого или урода (глупого от природы). Но если короткость с дру-

гим полом многих еще и не привела к падению, несомненно, она сопровождается расстройством мыслей и чувств.

Пусть иные из светских лиц хвалятся, что вот они и близко и часто обращаются в обществе другого пола, однако не чувствуют в душе никаких нечистых представлений, ни в теле страстного распления. Так можно сказать только о том обращении, которое бывает в границах приличия: тут, если будет лицо другого пола и очень красивое, но нравственное, но чистое по сердцу, незнающее плотских грехов, обращение с этою личностью может вливать в душу добрые расположения. Но не таковы впечатления после вольного разнузданного обхождения с обеих сторон или же только с одной которой либо.

Когда ничего вредного от этих впечатлений не чувствуют, это показывает скорее неспособность со-

всем внимать себе: «если не имеешь помыслов, то имеешь дело» (Древ. Пат.5,5), можно сказать в таком случае человеку, который смеется над предосторожностями в обращении с другим полом и хвалится своей бесстрашием. (Действительно, кто не борется в душе со страстью, а прямо впадает в плотской грех, тот по бесчувственности своей и перестает возмущаться помыслами). Или же не чувствуют вреда от свободного обращения с другим полом в то одно лишь время, когда воспринимают впечатления.

Придя же домой или оставшись в уединении, мужчина (равно как в своем месте и в свою очередь и женщина) после коротких разговоров между собой, после свободных телодвижений, например, во время игры, чувствуют в себе полную войну: в их душе остаются и беспокоят их и красивое лицо, и прият-

ный голос, и взгляд, и походка, и одежда той личности; с которою они провели время. Нет, ни от чего столько не может возникнуть сильнейшее искушение к блудной страсти и последовать самое падение ею, как от свободного обращения с другим полом.

В других случаях свободное до дерзости обращение с ближним сопровождается другими вредными последствиями: а с лицами иного пола оно ведет к потере целомудрия. Это сознали все, которые старались сохранить себя целомудренными. Тут и ничтожное обстоятельство вдруг может изменить расположенность душевную и самый образ мыслей. И так отчуждение себя от другого пола вне законного брака вовсе не произвол, а сознанная после множества опытов необходимость.

Вовсе это не вражда или пренебрежение, а напротив – истинная

любовь к ближнему, которая с сознанием своей и чужой немощи охраняет от падения себя и других. И грешат, по сему, грешат против своего целомудрия (особенно так в нынешний век) дозволяющее себе вольное обращение с другим полом, даже смеющиеся над девственной скромностью других, поставляющие, например, в молодой девице признаком образованности смелость и открытость ее, которые будто бы не дают заметить в ней женской слабости.

Чрезмерная угодливость женскому полу, или, так называемое, ухаживание

Женский пол, действительно, по самой природе своей требует как бы особенного внимания к нему. Он слабее мужского. Сказано: *сотворим ему помощника, соответственного ему* (Быт. 2:18), «помощника», а не более. Эта сравнительная слабость, по самому созданию

женского пола, увеличилась с грехопадением человека. После греха в раю, который усвоила себе прежде жена, уже вполне образовалось и теперь вполне прилично название женскому полу *немогшего сосуда* (1Петр,3,7). И вот эта то немощь женщин и требует особенного внимания к ним, но в каком смысле? Только в смысле «помощи, руководства, снисхождения, покровительства». *А что сверх этого, то от лукавого* (Мф. 5:37).

Так, например, отдавать особенную почтительность девице или женщине за один их пол: выполнять (в делах даже общественных или служебных) по их просьбе и ходатайству что либо с уступками правде и закону; спешить угодить каждому желанию их; чрезмерно оберегать их покой, делать за них лично или же руками других то, что составляет существенный долг их; придумывать разные случаи, «чтоб

только вызвать у них улыбку довольства или слово благодарности: как бы и теряться духом, из лица мужественного и самостоятельного делаться бессильным, когда они прибавят себе красоты уборами; наконец, в самом храме Божиим раболепствовать пред ними: все это не имеет для себя никакого законного основания.

Разве немощь составляет достоинство или заслугу человека? разве она дает особенное право на то, чтоб пользоваться уважительностью и всевозможными уступками со стороны других? Но что же именно изобличает эта чрезмерная угодливость женскому полу? Ради чего мужчина унижает свое достоинство, как мужчина, поклоняясь женщине, раболепствуя пред ней? Ради только чувственных наклонностей своих. (Оттого-то нет уже раболепства лицам престарелым в женском поле).

В древности, например, святые жены Таисия и Пелагея, обладавшие привлекательной красотой, до обращения своего в полном смысле были кумиром для похотливых мужчин; богатые кидали к ногам их огромные деньги, а небогатые разорялись для них займами: когда они проходили или проезжали по улице свита поклонников всякого возраста окружала их (Четь-мин. под 8 окт.)

Ухаживая за женским полом, мужчина питает в себе внутреннюю похоть таким сознанием, что на него обращается внимание женского лица, что женское лицо к нему признательно и сочувствует: да и то одно ему приятно, что он вращается в кругу женщин. А затем или в иное время этот поклонник достигает на самом деле худой цели. Зато, достигнув своей цели, не он уже (как бывает в большинстве случаев)

раболепствует женскому лицу, а женское лицо делается ему рабом.

Да; для самого женского пола чрезмерная угодливость ему со стороны мужчин составляет великое искушение. Женщина и без того любит, чтоб на нее обращали внимание: она, так сказать, притягивается сама к себе и притягивает все стороннее, потому что живет почти исключительно внутреннею домашнею жизнью. А когда еще пред ней раболепствуют, поклоняются: тогда она, если не воспитана родителями в страхе Божием, если и затем нет на нее разумного влияния ни брата, ни мужа, тогда тем более она прихотничает, портится нравственно, а в конце всего готова бывает жертвовать сама всем для прихотей мужчины.

Отсюда происходит грубое падение иногда самой благородной прелестницы. (Например, целование наедине посторонним мужчи-

ною рук у женского лица – такое опасное искушение для женщины, что нужно ей спастись бегством, чтоб не пасть). И так сколь же это положение женщины: «быть ей тварию покланяемою» и противно достоинству мужчин и вредит ей самой!

Возложение на себя одежд чужого пола и личины (маски)

Слово Божие и св. Церковь положительно запрещают то и другое. *На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье* (Втор. 22:5); «никакому мужу не одеваться в женскую одежду, ни жене.. не носить личин» (6 всел.62). В полном маскараде, когда т.е. мужчина на время надевает на себя все женские одежды, а женщина – мужские, когда самое лицо покрывается маской и изменяется голос: здесь-то как же легко быть вольному обхождению и

худому сближению между собой двух полов!

И сколько, действительно, под масками говорится недоброго, возбуждающего к подозрениям и интригам! По номоканону виновные в этом грехе подлежат отлучению от Церкви (ст.23). (Если же некоторые из святых подвижниц принимали на себя полный вид мужчин, если под мужским именем поступали в мужские монастыри: то с одной стороны нужда, по которой они решились на это, а с другой подвижническая цель их совершенно оправдывали их (Гангр.17 и 13). Но враг-дьявол нападал на них в таком случае другим искушением — неестественным подозрением их в нарушении целомудрия).

Но и смешивать только одежду полов, даже и у детей, не следует, сколько бы время и обычай ни разнообразили ее. Почему же? Также по причинам нравственным.

Для мужчины принадлежности женских уборов (например, глухая верхняя рубашка на подобие женского платья, разные бантики и ленточки) бывают соблазнительным напоминанием о женском поле. Если только и висит на глазах женское платье, если лежит пред глазами женская обувь, – и то уже иногда соблазняет.

А на женском лице подобия мужского платья и вида (например, мужское пальто и полусюртук с застегнутыми пуговицами, обувь со стуком или на высоких каблуках, большой пояс, шапка сдвинутая притом на ухо, шнурки как у военных), – на нем все это показывает отсутствие скромности, или крайнюю развязность в отношении к мужскому полу. Особенно же стрижка волос без всякой нужды в женском лице предосудительна. По учению слова Божия (1Кор. 11:10) и по смыслу соборных правил

(Гангр.пр.17), волосы у женщины напоминают о ее зависимости от мужа. Как *серафимы лица закрывающие* (1Кор. 11:10) в службе пред Богом: так и не стригущая своих волос и прикрытая ими женщина с боязнью и почтением относится к мужу.

Следовательно, если какая женщина или девица сбрасывает с себя волоса, это значить – она сбрасывает ту зависимость, которая возложена на нее Самим Богом, и как бы тем она хочет перешагнуть в мужской пол. (Прежде стригли только избличенных блудниц, именно в наказание за их порочную жизнь и в знак того, что она потеряла женскую стыдливость). В виду таких-то нравственных причин и поставляется в вину даже смесь костюмов мужского и женского, а не только полное переряживание одного пола в другой. В этой смеси более ложным выходит

положение опять-таки женского лица. Одеваясь по-мужски, женщина будто думает придать себе тем мужскую воинственность. Но нет! Ей не быть сильнее мужчины (говоря вообще), а исканием силы чрез мужские наряды она только теряет свои женственные достоинства, лишается должного к себе почитания.

Подсматривание на чужую обнаженность или полуобнаженность

Пример Давида, который *увидел... купающуюся женщину..., и послал... взять ее, и она пришла к нему. И он спал с нею* (2Цар. 11:2-3) показывает, как быстро пробуждается половое стремление при взгляде на обнаженных или только полуобнаженных лиц другого пола. Иметь совершенную нечувствительность к различию тел, т.е. чтоб мужчине бесстрастно смотреть на женскую обнаженность, а женщине – на

мужскую (например, когда Симеона юродивого втащили в баню моющихся женщин, то он ничего страстного в себе не чувствовал (Четь-мин.под 21 июля),— это есть самая высокая степень целомудрия, свойственная немногим.

Полагаться же на свое бесстрастие в настоящем случае, думать быть крепче Давида — весьма опасно. Нет; не должны мы во всю жизнь свою верить этой плоти, особенно те из нас, которые испытали сласть плотскую. Поэтому должны мы избегать всякого взгляда на чужую обнаженность, например, когда женщины занимаются обиходом домашним (мытье полов, белья), когда кто спит раскидавшись: лучше по возможности не видеть чужой обнаженности и одинакового пола, как поступили умные сыновья Ноя в отношении к своему отцу. (Случайный и мимо-летный взгляд на чужую обнажен-

ность бывает особенно для тех, которые сражаются в себе за целомудрие).

Кто же намеренно отыскивает случаи к тому и с услаждением останавливает свои глаза на том, как лица другого пола остаются почему либо в обнаженном или полуобнаженном вид, – тот и безрассуден в своем любопытстве (а тем, которые подвизаются или готовятся подвизаться за целомудрие и чистоту своего тела, тем и не до того, чтоб думать о встречах с другим полом. Их без того враг-диавол преследует наяву или во сне образами иного пола.

Таковы, например, были видения Антонию Великому (Четь-мин.под 17 янв.), препод. Сарре, которая 13 лет вела борьбу с демоном блуда (Древ.Пат.5,13). Когда же один благочестивый человек, быв в законном браке, поступил в монастырь с сыном своим – мла-

денцем и решился воспитать своего сына в совершенном целомудрии, не говоря сыну какой это бывает на свете женский пол, и не показывая ему женских лиц, тогда совершенного сына его враг — дьявол старался познакомить с женским полом, показывая от себя молодому подвижнику женские образы (Там же, сказ.24); потому что одна форма у тел человеческих в мужском и женском роде и, кроме полового различия, каждый может судить о чужом теле по своему; а главное — тот в высшей степени возбуждает себя к сладострастию.

Соблазн на собственную наготу

По чувству христианского целомудрия требуется стыдиться и себя, или собственной наготы. (Одни из святых, как, например, Антоний Великий (Четь-мин. под 16 января)), никогда не видели обнаженным своего тела; другие, как Тихон

Задонский, под конец своей жизни, или иначе сказать, в конце своих духовных подвигов, также переставали омывать свое тело в бане; еще иные, строгие хранители своего целомудрия, стыдились и своей комнаты, когда переодевались, особенно до сорочки, почему и употребляли на сей раз ширму; стыдились также некоторые и сияющего на них солнца, когда должны были обнажиться на открытом воздухе; значит, стыдились не только других и самих себя, но и неодушевленной природы; наконец что же? Одни, обнажаясь, чувствовали стыд и от присутствия существ бестелесной и святой природы, например, своего ангела-хранителя, который сопровождал им в дороге и при котором они должны были раздеться, чтобы переплыть через речку, когда не случилось на берегу лодки (из Алфав. Патерика). Вообще строжайшие хранители своего целомудрия

между святыми, как например, (кроме Антония Велик.) Пахомий, Аммоний, Серапион и другие советовали и сподвижникам своим не обнажать своего тела иначе, как только в случае тяжелой болезни или особенной нужды. Конечно, не напрасно же или по излишнему опасению они прибегали к такой утонченной осторожности, как и не напрасно названы Церковью и в истории «великими», нет, но вследствие глубокого изучения этой мудрейшей науки: «как избежать страстей». В настоящем нашем состоянии, которое есть состояние падения, потеря первобытной наготы, теперь-то свойственное каждому человеку скрывать и от себя собственную обнаженность, напоминающую о первом грехе, чем засматриваться на нее. Взгляд с услаждением на обнаженные свои члены легко приводит к мысли о противоположном поле и к удовле-

творению плотской похоти. Особенно такой взгляд сопровождается смущением для тех, которые ведут жизнь высокоцеломудренную. Вот они руки свои видят всегда обнаженными, и этого довольно кажется им.

Неотклонение себя от живых соблазнительных картин плотской похоти

Когда из стана еврейского один на глазах всех ввел в свой дом женщину для блуда: эта живая соблазнительная картина, напротив, нисколько не изменила в прочих печального настроения духа, в каком они находились по одному случаю, а Фенееса и вызвала на особенную ревность против соблазна (Числ.25,6-9).

Нравственный, целомудренный человек никогда не окажет сочувствия к живым картинам плотского греха, которые случайно или не-

ожиданно попадут ему на глаза, но и спешит отклонить себя от них. (Это например, уличная встреча с двумя лицами, которые изъясляют друг к другу знаки незаконной любви, и другие где-либо неожиданные скверные встречи; это неожиданнейший же показ бесстыдными людьми скверного изображения в резьбе или рисунке, которым они сами любят, которого разыскивали; это картины и скотской похоти, часто встречаемый на улице).

Страшный у нас предатель – рассеянный глаз. Греховные впечатления на прочие чувства с меньшею борьбою проходят или же скорее изглаждаются противными впечатлениями; например, если кто слышал с услаждением страстную музыку, а вслед затем услышит чей-либо жалобный плач, первое впечатление подавляется в нем последним. А через глаз впечатление скверное, как вот в особенности

это – сладострастное, точно насквозь проникает человека. Оно и в присутствии и в отсутствии соблазнительного предмета мучит душу. Оно надолго остается в душе, смущая ее грязным представлением. И так нравственный человек, как от чумы, отвращает глаза свои и бежит от живых картин или напоминаний плотской похоти. Когда волей или неволей с некоторым услаждением и любопытством или же без этого, он посмотрел на такие картины: тогда помогают ему (и часто одним разом) отрешиться от них то, чтоб, войдя с благоговением в церковь, стать пред иконостасом.

**Украшение дома, особенно
опочивальни, соблазнительными
картинами или статуями**

*Коврами я убрал постель мою,
...спальню мою надушил смирною... и
корицею; зайди будем упиваться*

нежностями до утра (Притч. 7:16). Против этого греха сказано на одном из вселенских соборов: «картины и статуи, обаяющие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенения нечистых удовольствий, не позволяем ... начертывать» (Прав.100). Любящие соблазнительную обстановку особенно своей спальни обнаруживают в себе в высшей степени сладострастное направление: приманку для своей похоти они поставляют ближе к тому месту, где и может удовлетворяться похоть. И как некогда Далила усыпила в своих объятиях сильного Сампсона (Суд. 16:14): так каждая спальня, которая украшена обнаженными статуями, картинами нечистой любви, подобными же картинками в альбом, – может усыпить, расслабит дух даже и твердого в целомудренного человека.

Сюда же надобно отнести пуховики, шелковые одеяла и занавесы,

которые тоже довольно заманчивы для похоти плотской. Еще – *сосуды с духами* (Пс. 3:20), или обилие помад, духов и разные куренья, в роде сказанной корицы. Все это в спальнях, действуя на обоняние, однако, не облагораживает и не возвышает духа, а только расслабляет дух. (А вот святые же Божии, какими и мы все по христианству должны быть (1Петр.2,9), совсем не так смотрели на свою постель. Для них постель казалась как бы могилою. Ложась спать, они представляли себе, что может быть наступающая ночь будет для них уже последнею. Так и в молитвослове при вечерних молитвах дается ревнующим о спасении души наставление: «засни, помышляя день судный... Аще обрящеши возглавицу мяжку, остави ю, а камень подложи Христа ради». Если же нападали на святых в их спальни или ночью блудный помысл, то они, между прочим,

тотчас зажигали свечу (Древн. Пат., гл. 5, 40); потому что к свету меньше идут темные и скверные мысли, потому что враг дьявол, как сам тьма, и нападает на людей с соблазнами больше во тьме.

Разжжение похоти искусственными способами

Закон Божий внушает: *умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть* (Колос. 3:5). Искусственно же разжигая в себе похоть то внутренними горячительными средствами, между которыми первое место занимает *вино, от которого бывает распутство* (Еф. 5:18), то внешними – механическими, о которых *стыдно и говорить* (Еф. 5:12), – поступая так, человек делает насилие и вред своему организму.

Это есть сладострастное приготовление себя к блуду, иногда и ос-

тающееся только приготовлением, но нравящееся в то же время само по себе. Если же после него иной решительно согрешает, то уже согрешает, когда бы и не хотел (со стороны плоти) согрешить или когда бы легко мог обойтись без греха. Тело его усмирено чем-нибудь, например, болезнью, малым и холодным питанием, усидчивым занятием: а между тем душе желается блуд; похотливая душа с усилием вызывает страсть и в теле. Такое-то усиленное желание согрешить со стороны души, и составляет здесь вину. Но сугубо грешит тот, кто разжигает искусственным способом похоть и в другом лице, с сознанием ли этого лица или скрытно от него.

Чем ближе иной к старости лет, но чем более развита в нем внутренняя похоть; тем скорее этот человек употребляет разные подстрекательства к тому, или чаще прибе-

гает к искусственным способам для того, чтоб разжечь в себе телесную похоть.

Сюда же относится грех некоторых из женского пола, известный под словами: «присушить, приворотить». О нем сказано в номоканоне: «жены покушающиеся некими обояниями привлекать неких в любовь к себе ...» (гл.13); о нем же можно читать в житии св. Киприана и Иустины (Четь-мин.под 2 окт.). Вообще же искусственное разжжение похоти напоминает и об идолослужении язычников, у которых некоторые службы божествам совершались удовлетворением плотской страсти. О, если б человек старался водворить, твердо поместить в самой душе своей чувство целомудрия. Тогда бы не только душа не подстрекала ко греху холодное и ослабевшее тело, но и горячая молодая плоть была бы смиренною пред душой!

Изысканная и нескромная одежда

Целомудрию противны собственно «нарядность» одежд и их красота (1Петр.3,3). Люди употребляют излишние украшения, например, у женского пола это заграничные шелка, бархаты, браслеты, подбавляющие красоты рукам; сюда же идут те наряды, против которых сильно восставали в дочерях сионских древние пророки: *красивые и гремящие цепочки, серьги и множество колец на руке, ожерелья на шею, запястья, повязки и покрывала на голову* (Ис. 3:16-22). Такая изысканность в одеждах («щегольство») в пользу ли целомудрия говорит? Нет! Тех, которые гоняются за ней, безусловно или ради моды, тех она плохо рекомендует и не приведет к добру. Люди нецеломудренного поведения всегда отличались щегольством, и поэтому чрезмерное ще-

гольство можно считать предвестником потери целомудрия.

В апокалипсисе нарядные одежды, украшения золотом, драгоценными камнями и жемчугом преимущественно усваиваются блуднице. (А в житиях тех святых жен, которые были блудницами и любили украшать себя дорогими одеждами, читаем, что эти жены, когда обращались к Богу, то называли прежние свои украшения не иначе, как «проклятыми дарами», без сомнения, в смысле приобретения их от разврата.

Покаявшиеся грешницы не смели приносить свои наряды в церковь для пожертвования и даже сжигали их на глазах у всех (Четь-мин. Под 8 окт.)). Св. отцы и проповедники, писавшие или говорили против щегольства, всегда были того убеждения, что страстная привязанность к нарядам доказывает решительную развращенность или положение человека на полдороге к развращенно-

сти. И действительно, эта страсть главнее всего происходит от желания нравиться другому полу. А такое стремление естественно развивает ветренность, суетность. (Благовоспитанные же юноши и девицы или твердые в доброй нравственности мужчины и женщины не будут, подобно застаревшему ребенку, привязываться ко всему яркому, цветному, издающему от себя звук или шум. Эти личности будут только наблюдать приличную скромность и изящность в своих одеждах).

Стоит посмотреть на дело и только глазами здравого рассуждения. Например, к чему же это иной мужчина по целому часу проводить в занятии своим туалетом, скорее потерпит несколько пятен на своей душе, чем малое пятнышко на платье, и все свое состояние тратит на то, чтоб *во что одеться?* (Мф. 6:31). Зачем это девица или молодая женщина перед выходом из своего дома,

а особенно перед каким либо праздником в своем доме или в кругу знакомых (например, и перед каждым вечером), зачем в продолжении многих часов не могут насмотреться в зеркало, требуют взаимной проверки: хорошо ли на них все лежит и взаимных услуг при этом убранстве? Сколько соперничества в нарядах со своими знакомыми! Сколько пересудов — к лицу или не к лицу тот и другая одеты! К чему это украшение ног такую вычурною и ценною обувью, и почет этой обуви до того, что не в часы употребления она полагается на стол наравне с головным убором?

Затем, грешна собственно нескромность, нецеломудренность одеяний. У мужчин, например, это короткость сюртуков. Женщины обнажают шею и руки или только покрывают себя легкими (лицемерными) покровами, обрисовывают талии, делают разные складки, чтоб

обратить внимание на соблазнительные места... Не признак ли это, что и сердца этих девиц или женщин вполне доступны для другого пола? Да; такой наряд, как раскрытая грудь, обнаженные руки дальше локтей, такой полуобнаженный наряд («декольте») естественно подавляет стыдливость и возбуждает порочные страсти, как в зрителях, так и в тех, которые таким образом наряжаются.

Относительно нескромности в туалете нельзя еще не сделать особенного замечания о волосах у женского пола. Женщины как-то не могут справиться со своими волосами. Волосы, действительно, составляют природное украшение их. Но эту природную красу они и еще стараются увеличить, да только не всегда скромно. То они завивают у себя волосы, чтобы вились кудрями; то развивают и оставляют их колебаться; то понижают, то поднимают, обременяя голову (шиньонами) пуком

чужих волос (и может быть, эти волосы с бедного мертвеца какого); то делают волосы златовидными, вплетая в них золотые вещи: то, наконец, совсем лишают себя этого естественного украшения. Не напрасно же и в апостольских посланиях писалось против нескромного плетения волос (1Петр.3,3-5).

Между тем сообразнее было бы с природою женщины, и, следовательно, с правилами женской скромности, в той или иной степени прикрывать голову, и не только так на молитве в церкви, но и во всякое время при выходе куда либо. И вот когда к изысканности-то или драгоценности одежд присоединяется еще и нескромность их, затем особенное уменье как у женщин обратить внимание других на то, что в этих одеждах есть нового, когда одевающаяся так девица или женщина, притом, молода и красива: после всего этого уже готово полнейшее «прельщение

очей мужских». Тогда похотливые юноши и мужчины *раскрыв рот, смотрят на разряженную и красивую* (2Езд. 4:19).

Наконец, в отношении к целомудрию и материал одежды не безразличен; например, шерстяная одежда, намеренно или только по недоразумению надеваемая на свое тело, особенная мягкость, теплота платья изнеживают тело и возбуждают плоть (не без причины же многие подвижники носили на себе грубые власяницы). Сюда же следует отнести разные мыла для омовения, масти для натираний, духи для вспыскиваний. (Например, в древнем Риме богатые женщины, убивая свое время на уборы и наряды, каких средств не придумывали, чтобы придать себе красоты и грациозности! Они имели по несколько сот ослиц, чтоб только пользоваться молоком этих животных для своих омовений).

И так можно ли сомневаться в том, что нарядные и нескромные одежды, изысканная мягкость или теплота их, и другие разнеживающие плоть принадлежности к ним, можно ли иметь сомнение, что все это взятое вместе, располагает к нецеломудрию, портит нравственность? Ввиду всего этого апостол Павел, дозволяя «украшение лепотное» (т.е. приличное), и предостерегает всех девиц и женщин-христианок: *со стыдливостью и целомудрием, украшали себя* (1Тим. 2:9). О, как при- скорбна для Церкви эта нынешняя погоня за нарядами! и как желательна коренная перемена некоторых нарядов!

**Святитель Лука
(Войно-Ясенецкий),
архиепископ Крымский
(1877– 1961 гг.)**

**Из книги «Евангельское злато.
Беседы на Евангелие»***

**За своих детей дадите ответ
перед Богом.**

Слово на Евангелие
от Матфея, гл. 18, ст. 10.

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих (Мф. 18:10). Думали ли вы, что эти слова Христовы относятся прямо и непосредственно к вам? Разве нет у вас *малых*

* Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Евангельское злато. Беседы на Евангелие. – Издательство: Приход храма Святаго Духа сошествия, 2007.

сих, за которыми надлежит смотреть? Разве мало развратных дочерей и сыновей — воров и хулиганов, о которых вы льете горькие слезы? Отчего же так? Оттого, что не помнили мудрых слов Христовых. И лишь когда вам становится тяжело от поведения ваших детей, вы плачете и молитесь Богу, чтобы Он помог. Однако молитва ваша остается бесплодной, ибо нельзя возлагать на Бога свои родительские обязанности и заботы по воспитанию детей. Если слуга не радеет о своем деле и ждет, чтобы его исполнил господин, разве тот станет работать за него, разве не разгневадается на нерадивого слугу? Что же вы хотите от Бога?

Святитель Иоанн Златоустый сурово сказал, что нерадивые «родители, которые пренебрегают христианским воспитанием своих детей, беззаконнее детоубийц, ибо детоубийцы тело от души разлуча-

ют, а они и душу и тело ввергают в геенну огненную». Тяжкий ответ даст перед Богом каждый беспечный родитель.

В Первой книге Царств рассказывается о благочестивом еврейском первосвященнике Илие, который пятьдесят лет был судьей израильского народа. Ему прислуживал святой пророк Самуил, тогда еще отрок. Однажды во сне этому святому отроку Господь повелел возвестить первосвященнику Илию, что его ждет страшная Божия кара за нерадение о своих детях. А нечестивые дети Илия были священниками и своим поведением озлобляли народ, отвращали его от Бога: когда евреи приносили мясо животных для жертвы Богу, слуги этих священников выбирали лучшие куски мяса из котла, в котором оно варилось для жертвоприношения, и отдавали им. Даже сы-

рое мясо отбирали они, а на требование принесших сперва сжечь тук на жертвеннике, отвечали: «Если не отдашь, силой возьму». Видя это, народ отказывался от жертвоприношений (см. 1 Цар. 2:12—17; 3:10—14).

За такое нечестие Господь покарал не только этих священников, но и самого Илия. Во время ожесточенного боя с филистимлянами, нападшими на землю израильскую, этот девяностовосьмилетний старец сидел у храма в ожидании исхода битвы. К нему прибежал взволнованный вестник, покрытый пылью, с недобрым известием: «Сыновей твоих убили, а Ковчег Божий взят в плен». Услышав это, Илий упал навзничь, сломал позвоночник и умер тяжелой смертью. А Господь возвестил, что наказание будет продолжаться над всем родом первосвященника за то, что Илий не удержал

живал своих сыновей от тяжких грехов (см. 1 Цар. 4:11, 13-21).

И это грозит каждому, кто не будет радеть о собственных детях. А о тех, кто всем сердцем стремится воспитать детей в благочестии, вы слышите на каждой утрени в псалме сто втором такие слова благословения: *Милость же Господня от века и до века на боящихся Его, и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их* (Пс. 102:17-18).

Подумайте теперь, какую тяжкую ответственность вы несете перед Богом, если не воспитываете детей в нравах христианских. Скажите, что будет с вашей несчастной дочерью, если в юности она предастся разврату, а потом выйдет замуж и родит детей? Будет ли благословение Божие на ней и на всей семье ее? Нет, от нее возьмет нача-

ло неблагочестивый, богопротивный род.

Как же должно воспитывать детей? Так, как воспитывали христиане первых веков. Они с самого раннего детства приучали детей к молитве, храму, постам, к церковным Таинствам, учили их грамоте по книгам Священного Писания. Они никогда не позволяли ребенку сесть за стол и начать есть без молитвы; внушали детям, что каждое дело, каждый шаг христианина должны начинаться крестным знаменем и молитвой.

Первые христиане хоть и обучали своих детей философии, музыке, искусствам, но при этом руководствовались глубоким святым правилом: «Того почитай несчастным, кто знает все и не знает Бога; того блаженным, кто знает Бога, хотя бы и не знал ничего другого». Не думайте, что запрещается учить детей светским наукам. Величайшие

Отцы наши и Учителя Церкви сами в молодости очень усердно изучали все мирские науки. Святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоустый были высокообразованными людьми.

И вашим детям надлежит быть образованными, стать учеными. Но нужно, чтобы их обучение и воспитание не ограничивались одной светской мудростью мира сего. Чрезвычайно важно, чтобы наряду с этим они познавали высшую правду и истину, чтобы изучали Закон Божий и заповеди Христовы, привыкали к постоянному благочестию. Тогда, и только тогда они не заблудятся на пути мудрости человеческой, когда познание Бога будут ставить на первое место.

А как же насаждать в детях высшую христианскую нравственность? Прежде всего своей жизнью, ибо всякое словесное поучение или педагогическое искусство — ничто,

пустота, по сравнению с тем примером, который видят дети в своих родителях. Скажите, вырастут ли хорошими людьми дети, которые в лице своих родителей видят самые дурные образцы безнравственности? Будет ли чиста и целомудренна дочь, если мать сама подает ей пример прелюбодеяния? Не приучатся ли к воровству дети, если вы не будете отвращать их от этого греха с самых юных лет? Когда сыновья ваши воруют и опустошают огороды, рвут чужое, не оставляют созревать плоды в садах, и когда приходят жаловаться на них, то матери спокойно отвечают: «Ну что же, они дети, что с них спрашивать?» Господь спросит с вас! Спросит грозно: «Почему позволяли детям вашим воровать с малых лет, почему не учили заповедям Божиим, почему не внушили отвращения к хулиганству?» Страшный ответ дадите вы перед Богом

за всякий соблазн, который видят в вас ваши дети, за все ссоры, ругательства, драки, которые происходят на их глазах. Если сами так поступаете, тому же научатся и дети.

Святитель Иоанн Златоуст, все-ленский учитель и величайший из церковных ораторов, сказал о недостойных родителях: «Ведь вы, как будто намеренно стараясь погубить детей, приказываете делать им только то, что делая, невозможно спастись. Сказано: *горе смеющимся*, — вы подаете детям множество поводов к смеху; *горе богатым*, а вы только о том и стараетесь, чтобы они разбогатели; *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (см. Лк. 6:24—26), а вы часто тратите все свое имущество из-за славы людской. И опять: *Поносящий брата своего повинен геенне* (см. Мф. 5:22), а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо сносит обидные речи от других.

Христос повелевает отвращаться брани и распрей, а вы постоянно занимаете своих детей этими злыми делами. *Любящий душу свою,—* сказал Господь,— *потеряет ее* (Ин. 12:25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. *Если не прощаете,—* говорит Он,— *людям согрешений их, то и Отец ваш Небесный не простит вам* (Мк. 11:26), а вы даже попрекаете детей, когда они не хотят мстить обидевшим. Христос сказал, что любящие славу, постятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы; а вы только и стараетесь о том, чтобы ваши дети получили славу.

И худо не только то, что вы внушаете детям противное заповедям Христовым. Но и то еще плохо, что вы доброе хулите, называя скромность необразованностью, кротость — трусостью, справедливость — слабостью, смирение — раболепством, незлобие — бессилием.

Вы склоняете детей к таким делам, за которые Иисус Христос определил неизбежную гибель; вы об их душе, как о чем-то ненужном, не радите, а о том, что действительно излишне, заботитесь, как о необходимом и важнейшем.

Вы все делаете для того, чтобы были у сына слуга, конь и самая лучшая одежда, а чтобы он сам был хорош, об этом и подумать не хотите. Простирая до такой степени заботливость о древе и камнях, душу не удостаиваете и малейшей части такого попечения. Все делаете ради того, что бы на доме стояла чудная статуя и кровля была золотая, а чтобы драгоценнейшее изваяние — душа — была золотая, об этом и помыслить не хотите».

Эти справедливые слова свт. Иоанна Златоуста, произнесенные полторы тысячи лет тому назад, можно повторить и теперь, ведь разве не воспитываете вы своих де-

тей так же плохо, не внушая им страха Божия? Разве не прилагаете все свои заботы к тому, чтобы дать детям как можно лучшее положение в жизни, поставить их в ряды власть имущих, богатых и сильных? Разве не внушаете детям, что в деньгах сила, что необходимо приобретать большие знания ради обеспеченной, привольной жизни? А разве это нужно? Нет, как раз обратное.

Начинать воспитывать надо с пеленок, ибо с младенчества дети легко усваивают всякое учение. Их душа мягка как воск, на ней отпечатывается все, что захотите: и ваш дурной пример, и благочестивые слова, и все самое светлое и чистое. Вы забываете удивительно простые слова святого Тихона Задонского о душе ребенка: «Малое деревцо, куда наклонить его, туда и будет расти; новый сосуд будет издавать тот запах, каким напитаете вы его,

вливая в него или смрадную жидкость, или ароматную и чистую». Так, если в душу малого ребенка вы будете вливать всякий смрад, она будет всегда смрадной. Если же будете вливать аромат Христова благоухания, то ваши дети всегда будут благоухать перед людьми, будут радостью и утешением для вас.

Теперь часто говорят: «Разве детям под силу чтение Священного Писания и псалмопение? Это дело монахов и стариков, а детишкам нужны веселье и радость». Примером добрым воспитывайте детей. Славному русскому проповеднику, архиепископу Харьковскому Амвросию принадлежат проникающие в душу слова: «Когда ни один член семейства не может остаться без вечерней и утренней молитвы, когда отец не выходит из дома на свое дело, не помолившись перед святыми иконами, а мать ничего не начинает без крестного знамения,

когда и малому дитяте не позволяют дотронуться до пищи, пока оно не перекрестится, не приучаются ли этим дети просить во всем помощи Божией, и призывать на все благословение Божие, и веровать, что без помощи Бога нет безопасности в жизни, а без Его благословения нет успеха в делах человеческих? »

Не может остаться бесплодной для детей вера родителей, когда те при нужде и бедности со слезами на глазах говорят: «Что делать? Буди воля Божия»; при опасности: «Бог милостив»; при трудных обстоятельствах: «Бог поможет»; при успехе и радости: «Слава Богу, Бог послал». Здесь всегда и во всем исповедуется Божия благодать и Божие правосудие.

Мать, к которой обращена вся любовь и нежность дитяти, стоит с благоговением перед иконой Спасителя и молится, а ребенок смот-

рит то на нее, то на образ и не нуждается в длинных объяснениях того, что это значит. Это первый безмолвный урок богопознания, первый и самый важный урок благочестия. Такие уроки вы можете и должны всегда и во всем подавать детям вашим.

Вы должны беречь детей от всего дурного, дочерей удерживать от чтения нецеломудренных, сладострастных романов, требовать от них, чтобы читали с разбором, не позволять им развлекаться и постоянно бегать в кино и театры. Вам нужно приучать их к тихой и трудовой жизни дома.

А еще не следует забывать о том, что нельзя воспитать ребенка, никогда его не наказывая. Величайшую ошибку делают те родители, которые души не чают в своих маленьких детях, любят их, прощают любые провинности. О таких сказано в Священном Писа-

нии: *Лелей дитя, и оно устрашит тебя* (Сир. 30:9). Русский святитель Тихон Задонский поучает родителей: «Юные, ненаученные и пришедшие в возраст, как необученные и свирепеющие кони. Поэтому, христианин, люби детей своих и наказывай их. Пусть они ныне, пока молоды, болезнуют телом, дабы впоследствии ты не болезновал о них сердцем. Пусть они плачут от тебя, чтобы не плакал ты от них и о них. Впрочем, умеренность во всем похвальна и потребна». Нельзя наказывать детей с раздражением, со злобой, с ненавистью, нужно вразумлять их спокойно, любя. Тогда дети, чувствуя эту любовь, поймут, что заслуживают наказания, и тогда оно будет на пользу и исправит их.

Видите, какие огромные задачи стоят перед нами в деле воспитания детей, видите, как святы обязанности матерей. Нет более важной

обязанности, нет большей ответственности перед Богом для матери, чем доброе воспитание детей. Если не будете радеть о воспитании своих детей, то будете мучиться и плакать, глядя на них, и перед Богом дадите ответ, и на все потомство навлечете гнев Божий. Итак, всегда заботьтесь о своих чадах, всегда подавайте им чистый, святой пример благочестия, и тогда Господне благословение будет от века и до века на детях ваших и на вас самих. Аминь.

**«Какие грехи видим в людях,
те есть и в нас»**

Слово на Евангелие от Матфея,
гл. 18, стихи 23-35

Господь Иисус Христос часто потрясает наши сердца Своими словами и притчами, показывая нам предел человеческого нечестия

и греховности. Глубоко возмутительно поведение безмерно жестокосердного должника, которому добрый царь простил огромный долг в десять тысяч талантов. И что же он делает, получив эту милость? Встретив бедняка, который должен ему ничтожную сумму в сто динариев, он хватает его за горло и душит, несмотря на то, что из уст несчастного слышит те же слова, которые говорил сам перед царем: «Потерпи на мне, и все отдам тебе». Но он не хочет терпеть и сажает в темницу своего должника (см. Мф. 18:23—35). Что может быть возмутительней?

Это крайняя степень неблагодарности, полное отсутствие милосердия, умения и желания прощать ближним своим долги их. Это совершенное забвение того, о чем каждый день мы молимся Богу: «...Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим».

Какие черные свойства души проявил этот безжалостный человек по отношению к своему несчастному ближнему? Что побудило его к такой жестокости, к такому попранию правды? Прежде всего и больше всего — его эгоизм, его себялюбие; только о себе он думал, только себе желал благ, а о других не хотел думать. Кроме того он был крайним сребролюбцем. Все его помыслы были направлены к тому, чтобы получить как можно больше. Мало было ему, что получил десять тысяч талантов. До такой степени был он жаден до денег, что не мог забыть о ста динариях, которые задолжали ему.

Итак, он проявил грубый эгоизм и крайнее сребролюбие. Что еще? Еще самая возмутительная неблагодарность и отсутствие жалости и любви к ближнему. Вот что показал нам Господь в этом немилосердном должнике.

Чье сердце останется спокойным при рассказе об этом безбожном человеке! Наши сердца содрогаются, когда мы видим резкие проявления страстей человеческих. Скажите, что должен испытать всякий человек, даже далекий от христианской любви, услышав о величайшем злодеянии, — о злодее, зарезавшем целую семью?

Вспыхнут негодованием сердца наши, но потом мы постепенно забудем об этом. Так бывает с нами всегда: мы не умеем глубоко переживать то, что должны были бы чувствовать с болью и душевной скорбью. Мы не умеем надолго задумываться над теми ужасами, которые видим и о которых слышим. Возмутимся, понегодуем, но потом довольно быстро остываем и опять окунаемся в свои будничные дела, забывая о том злодеянии, которое должно было навсегда потрясти наши сердца.

Ужасно слышать о таком исключительном преступлении, как убийство целой семьи. Мы скажем: «Благодарение Богу, мы не таковы, никто из нас не убивал людей, это только слуга сатаны способен на такую страшную жестокость» — и успокоимся в сознании своей праведности.

Но разве о злодеях и убийцах сказал псалмопевец Давид: *И избавил душу мою из среды скимнов, где я лежал в смущении. Сыны человеческие! Зубы их оружие и стрелы, и язык их — меч острый* (Пс. 56:5)? Нет, пророк говорит об обыкновенных людях, окружающих его, а значит он и нас называет стаей львов, сравнивая наш язык с острым мечом — оружием убийства. Получается, что мы тоже можем убивать людей языком-мечом. И делаем это часто, не возмущаясь собой, не считая себя за убийц. Безжалостно пронзаем сердце

ближнего грубой клеветой, оскорбляем его человеческое достоинство, потрясаем его сердце злыми словами. Разве это не убийство духовное?

Если услышим о том, что кто-то из известных нам людей совершил прелюбодеяние, то глубоким негодованием наполняется сердце наше. Осуждать других нетрудно, труднее разглядеть самих себя. Имеем ли мы право так негодовать, когда сами бесконечно далеки от требуемой заповедями Христовыми высоты целомудрия? Многие ли из нас никогда не были повинны в похотливом взгляде на женщину и женщины на мужчину? Совсем мало. А нечистый взгляд Господь называет прелюбодеянием; все равно, совершено оно или нет,— важно, что в сердце оно было совершено.

И так во всем. Пусть каждый из нас всегда хранит в сердце своем глубоко истинные слова великого

святителя Тихона Задонского: «Какие грехи видим в людях, те есть и в нас». Увидев проявление зла в ближних, вспомним эти слова, заглянем в себя и спросим: «А я совершенно ли чист в этом отношении, нет ли во мне греха, который вижу в брате?» Вникнем в наше сердце, поищем сребролюбия, нет ли в нас жестокосердия? Много ли среди нас таких, которые искренне презирают деньги, нисколько не стремятся к богатству? Их совсем мало. Сребролюбие есть грех большинства людей. Возмущаясь крайним сребролюбием прощенного должника из евангельской притчи, мы должны смиренно признать, что и мы повинны в этом грехе.

То же самое нам придется сказать и относительно себялюбия, ведь разве самих себя не любим мы больше, чем своих ближних, разве исполняем заповедь *возлюби ближ-*

него... как самого себя (Мк. 12:31), разве заботимся о людях?

Евангельский должник был безмерно жесток, а мы исполняем ли требование Христово: *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6:36)? Мы часто не творим милости по отношению к тем, кто чем-нибудь погрешил против нас, оскорбил нас. А святой апостол Иаков предупредил, что не *сотворившему милости* предстоит *суд без милости* (Иак. 2:13). Убоимся этих апостольских слов, ибо и нас ждет Суд, он обрушится на нас, как на этого безжалостного должника, которого царь, разгневавшись, предал истязателям, пока не отдаст ему всего долга.

Иисус предостерегает нас: *если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6:15). Потому и нельзя нам, видя грубые проявления злого сердца, ограни-

чиваться только негодованием, необходимо помнить завет: «Внемли себе». Всегда внимай тому, что делается в твоём сердце, всегда глубоко и честно наблюдай за самыми мелкими греховными движениями в нём. И помни святые слова апостола Павла: *Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас* (Еф. 4:32).

Причем прощать мы должны так, как требует Христос, — от всего сердца, ибо нередко прощаем мы только на словах: кланяемся обидчику своему, но в сердце нашем еще остается большая доля раздражения и нелюбви к нему. И тогда, простив сами, получим прощение от Отца нашего Небесного. Аминь.

Слезами покаяния поливайте семена Божии

Слово на Евангелие от Марка,
гл. 4, стихи 3-9

Слушайте: вот, вышел сеятель сеять. И, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода, иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, иное сто (Мк. 4:3—8).

Так и я вышел сеять слово Божие в сердца ваши, ибо вы — Божия нива. Но бедный и убогий я

сеятель! «Почему же бедный?» — спросите вы. А разве не беден и не убог земледелец, имеющий только осьмушку десятины земли? Разве прямо себе не могу я отнести слов Божиих, сказанных святому пророку Исаии, когда послал его Господь на проповедь: *И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите и не уразумеете, и очами смотреть будете и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, ушами с трудом слышат и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Ис. 6:9-10).

Десятки тысяч народа православного, живущего в Тамбовской епархии, надлежало бы мне вести ко Христу, но огрубело сердце народа сего и отвращают уши от заповедей Христа, и очи свои сомкнули, чтобы не видеть святыни, и

не уразуметь сердцем, и не обратиться, чтобы Господь исцелил их.

И только вы, близкие и любимые мои, малое стадо Христово, раскрываете сердца ваши к восприятию слова Божия. Но среди вас есть такие, к которым относятся слова Божий, обращенные к святому пророку Иезекиилю: *А о тебе, сын человеческий, сыны народа твоего разговаривают у стен и в дверях домов и говорят один другому, брат брату: и пойдите, и послушайте, какое слово вышло от Господа. И они приходят к тебе, как на народное сходбище, и садится пред лицом твоим народ Мой, и слушают слова твои, но не исполняют их; ибо они в устах своих делают из этого забаву, сердце их стремится за корыстию их. И вот, ты для них — как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий. Они слушают слова твои, но не исполняют их (Иез. 33:30-32).*

Разве не жалок и не убог земледелец, который сеет семя свое в землю невспаханную? А ведь я нахожусь в его положении, ибо на многие годы была заброшена нива Божия, и мало кто возделывал ее. И затвердела земля сердец человеческих, и не возрастало в ней святое семя слова Божия.

Но что же это я жалуясь? Зачем смущаю сердца ваши? *Почему прискорбна ты, душа моя? И почему смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо исповедаюсь Ему, говоря: Ты — спасение лица моего и Бог мой* (Пс. 41:12). Разве не силен Господь умножить паству мою? Разве я не знаю тех дивных слов, которые сказал апостол Павел: *Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого; оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов* (Евр. 4:12). Это я знаю и потому смело буду бросать семена Слова Божия даже в заброшенную

землю, ибо знаю, что Его слово могущественно и само вспашет землю сердец ваших.

Итак, вы, крепкие в вере, и вы, свежая травка Божия, поросль молодая, слушайте: вышел *сеятель сеять, и, когда сеял, случилось так, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его.* Не о крестьянине, посеявшем свои семена у проезжей дороги, говорил нам Иисус Христос, а о широком пути, ведущем в погибель. По этому пути стремится, давя и перегоняя друг друга, большинство людей, жаждущих устроить свою жизнь в полном благополучии, материальном довольстве, мечтающих о богатстве и славе, презирающих заповеди Христа, желающих своим умом построить жизнь свою. Бегут они по этой торной дороге, забыв о Боге.

Иногда такие люди из любопытства заглядывают в наши храмы, и случается, что слово Божие неча-

янно коснется их, или в беседе с встречающимися на их пути верующими западает семя Христово в их души. И смущаются сердца этих людей, занятых погоней за земным счастьем. Тогда останавливаются они в беге своем и призадумываются над тем, нужно ли идти по этому широкому пути, не подумать ли о своей душе, а не только о благоденствии тела или благополучии семьи.

Но на этом широком пути летает множество невидимых птиц, врагов рода человеческого, темных сил бесовских, во власти которых находятся эти люди. Они зорко наблюдают, чтобы ничто не мешало их темным делам. И как только заметят, что человек остановился, призадумался, что он намерен подумать о душе своей, то, как хищные птицы, нападают на него и уносят слово Божие, посеянное в сердце его.

Вот что значит, что семя, упавшее при дороге, бывает растоптано, истреблено птицами.

Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и как не имело корня, засохло. Как много среди людей таких, которых можно уподобить этой каменистой почве, — людей добрых, искренних охваченных благими порывами, но не имеющих глубины чувства и мысли, не обладающих великим сокровищем собранности души своей. Они непостоянны, увлекаются то одним, то другим они со страстью берутся за дела высокие, отдают себя на служение науке, искусству, философии, но вскоре бросают это, ибо на смену одного увлечения приходит другое, захватывающее их.

Слово правды Божией не может пустить глубокие корни в их душах.

Господь сказал о таких людях, что когда приходит к ним скорбь или искушение, когда приходится им страдать за Христа, то легко и быстро они отказываются от Него. Такие люди, как только их коснется вразумляющая рука Божия, научающая их пути праведному и скорбному, сейчас же начинают роптать, не желают переносить скорбь, хулят Бога и уходят от Него. И кончается дело Божие, только что начавшееся в сердцах их.

Еще чаще бывает, что как только такие люди услышат насмешки над своей верой, сейчас же овладевает их сердцем малодушие и ложный стыд, заглушающие в них семя веры Христовой. Вот что значит слово Христово о семени, упавшем на каменистую почву.

Иное семя упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода. Часто так бывает с зерном пшеницы, которое попадает

в бурьян, в крапиву, во всякое терние. Так бывает и с теми, чьи душа и сердце подобны полю, заросшему сорными травами, бурьяном и всякими колючками.

«Что же это за бурьян и колючки?»— спросите вы. Это все то, что дает ядовитое семя, негодное, которым никто не питается,— злоба человеческая, стремление к удовлетворению своих похотей, страсти, сокрушающие все доброе в наших сердцах. Как же может возрасти Божие семя среди этого бурьяна? Разумеется, оно будет скоро заглушено и не принесет плода.

Иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, иное сто. Надо, чтобы так было в сердцах человеческих, в ваших сердцах, чтобы они были широко открытыми и трепещущими перед Богом, чтобы вы открыли духовные очи, духовные уши свои

и восприняли слово Божие, которое мы, пастыри, усердно сеем в ваши сердца.

Нужно, чтобы вы его берегли, чтобы, уходя с трепетом из храма, с величайшим вниманием сохраняли слово Божие и несли его домой как переполненную до краев драгоценную чашу, боясь пролить из нее малейшую каплю. Нужно, чтобы нетронутой донесли вы эту благодать Божию до дома. Это возможно только для тех, чьи сердца подобны удобренной почве, и я знаю, что у многих из вас добрые и чистые сердца.

А еще нужно, чтобы семена увлажнялись дождями ранними и поздними, и согревались солнцем, и освещались светом его. Вот об этом и должны вы позаботиться. Вы спросите: «Как же нам поливать Божии семена?» Слезами. Поливайте их слезами покаяния о грехах наших. Освещайте их, подобно лу-

чам солнца, светом любви. Согревайте теплом добрых дел, милосердия и сострадания к своим ближним.

И будет возрастать в сердцах ваших семя, посеянное мною, недостойным Божиим служителем. Когда кончу я свой труд сеятеля и уйду в вечный покой, тогда с дерзновением предстану перед Престолом Всевышнего и скажу: *Вот Я и дети, которых дал Мне Бог* (Евр. 2:13). Аминь.

Помни о конце твоём

Слово в четверг Недели о
Страшном Суде
на Евангелие от Марка,
гл. 13, стихи 33-37

Блаженны те, которых Сын Божий, придя на землю во второй раз, найдет бодрствующими, ибо предупреждал Он: *Смотрите, бодр-*

ствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит то время. Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть, каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте (Мк. 13:33-37).

Великая честь и радость ожидают бодрствующих в тот час: придет Господь и будет служить им, воздаст славу и честь Своим верным рабам которые чувствуют себя путниками, идущими по краткому пути жизни со светильниками в руках согласно сказанному: *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи (Лк. 12:35).*

Ведь «Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет

бдяща, недостоин же паки егоже обрящет унывающа; блюди убо, душе моя, да не сном отяготися, да не смерти предана будеши и Царствия вне затворишися, но воспряни, зовущи: Свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас».

Да не уподобимся тем неразумным пяти девам, которые остались за дверью брачного чертога, потому что светильники их погасли, когда Жених пришел и двери затворились. Нельзя нам быть ленивыми, тем более нельзя уподобляться несчастным, никогда не возводящим свой взор к небу, к Престолу Божию. Они живут точно свиньи, которые целый день роют землю в поисках пищи, а насытившись, ложатся в грязь и спят.

Вставшим на путь добра надо помнить слова апостола Павла: *Я каждый день умираю* (1 Кор.15:31), то есть он каждый день был готов к смерти. И нам необходимо каждый

день, вставая утром с постели, спрашивать себя: «А проживу ли я этот день? А не будет ли он последним в моей жизни?» Вечером перед сном надо подумать: «Еще один день прошел, еще на один день приблизилась моя смерть. Может быть, не проснусь, засну ныне сном вечным». Так бывает, что поутру находят людей мертвыми.

Весьма важно, чтобы мы чувствовали себя приговоренными к смерти, ибо сказано в Писании: *Помни о конце твоём, и вовек не согрешишь* (Сир. 7:39). Ведь неужели же человек, всегда думающий о том, что, может быть, очень близка его смерть, стал бы затевать сложные коммерческие предприятия, заботиться о богатстве, о роскоши, предаваться страстям и похотям, заниматься пустыми разговорами, сплетнями, пересудами? Он все оставил бы и занялся только самым

необходимым для человека, уходящего из жизни. А если нам не будет дела до суетного времяпрепровождения, тогда и вся наша жизнь резко изменится. Все наши мысли и чувства будут устремлены в глубину сердца. Страх смерти овладеет нами, потому что будем знать, что скоро предстанем на Суд Божий, и, зная это, постараемся освободиться от тщеславия, блуда, зависти, гнева — от всякого греха.

Возможно, у кого-нибудь возникнет мысль: что будет, если все станут думать только о своей кончине? Не бойтесь этого, ибо люди, идущие путем добра, не станут заниматься пустыми и дурными делами. Кроме того, от них вовсе не требуется, чтобы они прекратили свои труды, просто их работа получит новое направление — святое и чистое.

Надо трудиться, если же не будем всегда работать Богу, то погиб-

нем, ибо, по словам преподобного Исаака Сирина, «покой и праздность — гибель души, и больше демонов могут вредить ей». Также сказано: «Как текучие воды, превратившись в стоячие, портятся, так точно душа и тело человеческие портятся от праздности», необходимо знать, что душу страшно уродует праздность духовная и нерадение о спасении, ибо забота о спасении души в течение всей жизни должна быть первой, основной и важнейшей заботой.

Главное, что необходимо для спасения, — Причащение Святых Христовых Тайн. После глубокого покаяния и исповедания своих грехов перед священником с трепетом и благоговением причаститесь Тела и Крови Христовых в великом Таинстве Евхаристии. В этом да поможет вам Тот, Кто начал Свое земное служение проповедью о покаянии и на страшном Голгофском

Кресте пролил за нас Святейшую
Кровь Свою.

Помните, что жизнь коротка. Да
стяжаем мы добродетель, а память
о смерти пусть изменит наше бы-
тие так, как это угодно Богу, и то-
гда Бог благословит нашу жизнь и
наши дела. Да найдет всех вас
бодрствующими в день страшный,
в день Суда, Господь и Бог наш
Иисус Христос, Ему же слава и
хвала во веки со Безначальным Его
Отцом и Пресвятым Духом. Аминь.

**Схимонах Паисий Святогорец
(1924-1994)**

**Из книги Слова. Том V
Страсти и добродетели*
Раздел I. Страсти
Часть первая.**

Себялюбие – мать страстей

**Глава 1. Себялюбие и его последст-
вия**

«В ком есть себялюбие, тому нет покоя, у такого человека нет душевного мира, потому что он внутренне несвободен».

**От себялюбия происходят
все страсти**

*Паисий Святогорец, старец. Слова. Том V. Страсти и добродетели. Суроти, Салоники: Монастырь святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова; М.: Издательский дом «Святая Гора», 2008.

— Геронда*, что такое себялюбие?

— Себялюбие — это исполнение прихотей своего ветхого человека, то есть любовь к своему ветхому человеку. И объедение, и эгоизм, и упрямство, и зависть своим происхождением обязаны себялюбию. Смотришь, один по себялюбию ищет для себя удобств и комфорта и не считается ни с кем. Другой со схоластической точностью заботится о еде и о сне, только бы чего-нибудь не произошло с его драгоценным здоровьем. Третий требует, чтобы с ним считались, ценили. Стоит его слегка в чём-то ущемить, сделать не так, как он хочет, сразу взвизгивает: «Почему со мной не считаются? Я им покажу». Да, страшная вещь себялюбие!

* Геронда по-гречески «старец» или «отец духовный».

— Геронда, как может человек говорить: *Тебе ради умерщвляемся весь день* (Пс.43:23)?

— Может так говорить, если приносит в жертву ради другого свои пожелания. Любое пожелание несёт на себе отпечаток человеческого «я», себялюбия. Если человек не рассуждает, нравится ли другому то, что нравится ему самому, и начинает требовать: «Хочу того, хочу сего» или «почему ты этого для меня не сделал, почему ты мне то-то не дал?» — такой человек в конце концов подпадает под власть дьявола.

— Некоторые люди не могут успокоиться, когда что-то происходит не по их желанию.

— Да как же они успокоятся, когда в их пожелании сидит их «я»? Если в пожелании человека сидит его «я», то как там может быть Христос? Но когда нет «я», а есть

единое, главное, то есть Христос, — значит есть всё. А когда Христа нет — значит нет ничего. Когда человек отбросит от себя своё «я», тогда Бог даёт ему всё чудесным образом.

— Геронда, когда Вы говорите нам, что нужно отбросить своё «я», я чувствую страх — а вдруг не выдержу.

— Ох, горе-то какое! Это всё равно что сказать: «Если я отброшу свои страсти, что у меня останется?» Ведь когда я говорю, что надо отбросить себя, то имею в виду отбросить свои страсти, совлечься своего ветхого человека. Для человека взрослого, который понимает что к чему, как-то несерьёзно говорить: «Не могу отказаться от своего «я»». Если бы тебе говорили: «Возьми лом и разбей эту стену», а ты кроме кисточки никогда ничего в руках не держала, то могла бы сказать: «Не могу». Но ведь для то-

го, чтобы совлечься ветхого человека, нужна не физическая сила — нужно смирение.

Ешь невкусное и наслаждайся Христом

Себялюбие — это и желание есть и отдыхать больше необходимого. По-хорошему, телу надо давать только то, что ему необходимо. Одно дело вожделение и другое нужда. Одно — желание наслаждений для тела, и другое — потребность в необходимом. Допустим, передо мной стоят два блюда, в каждом еда одинаковая по количеству витаминов, но в одном она вкуснее, чем в другом. Если предпочту более вкусную еду — это и будет себялюбие. Но если предпочту еду более вкусную, чтобы вызвать в себе аппетит, потому что из-за болез-

ни страдаю отсутствием аппетита, то в этом будет рассуждение.

Тело, этот «злой мытарь», как говорит авва Макарий, может требовать больше, чем ему нужно, в зависимости от того, к чему привык организм. Если у человека желудок небольшой, то ему и поститься легче, а если нет, то он становится рабом своего желудка, потому что желудок нужно чем-то заполнять. Взять, к примеру, человека толстого: у него в животе целый склад, ему, по меньшей мере, полтелёнка надо съесть, чтобы наесться, а потом ещё и выпить ведра два воды!

— А раньше, геронда, люди были физически крепче или они больше себя понуждали?

— Конечно, и физически были немного крепче, но и понуждали себя больше. Старец Хаджи-Георгий своим монахам каждый

день давал немного мёда и орехов. А ведь все они были молодые, лет по пятнадцать, период активного роста, да духовно были взрослые! Сегодня люди следуют мирской логике: «Не надо детишкам поститься, чтобы не заболели, всего у них должно быть в достатке, нужно оберегать их от трудностей». Так и живут, бедолаги, требуя всё время котлет, но с этого им никакого толка.

Когда человек радуется, что не ест ради любви Христовой, тогда он по-настоящему питается. Если он ради любви Христовой предпочитает невкусное вкусному, тогда через невкусное наслаждается Христом.

Любовь к себе уничтожает любовь к ближнему

— Геронда, сегодня один старичок с трудом пытался подняться по ступенькам в храм, и никто ему не помог, хотя многие проходили мимо.

— И священник... *видев его, мимоиде... и левит... видев, мимоиде* (Лк.10:31–32). Правы они... Не знают... никогда не слышали Евангелие о добром самаряныне! Что сказать? Себя самих любим, а других нет. Любовь к себе уничтожает любовь к ближнему, поэтому так и поступаем. Но любящий себя живёт не по духу Евангелия. Если бы Христос думал о Себе, то сидел бы на Небе, не приходил бы на землю, не страдал, не распинался бы ради нашего спасения.

Сегодня почти во всех людях есть себялюбие, но нет духа жерт-

венности. Сегодня господствует дух: «лишь бы мне не было плохо». Знаете, как тяжело смотреть на окружающих! Недавно в больнице я был свидетелем такой ситуации: потребовалось поднять лежачего больного, чтобы перенести в другую палату; медбрат не двинулся с места, хотя это была его работа. «Не могу у меня болит поясница», — сказал он равнодушно! Да, видишь, человек бесчеловечный! А беременная медсестра вместе с другой взяли и перенесли его. О себе они не думали. А та и вовсе забыла о том, что она в положении, и кинулась на помощь! Знаете, как я радуюсь, глядя на человека, который, сам находясь в трудном положении, жертвует собой ради других! Очень радуюсь! Сердце ликует. Ощущаю родство с таким человеком, потому что он близок к Богу.

Другие пусть пропадут пропадом!

— Геронда, сегодня много людей ожидало Вас, а один молодой человек не стал ждать и вошёл без очереди.

— Да, вошёл и сказал: «Мне нужно тебя увидеть. Я был на Афоне, не нашёл тебя там и приехал сюда». «Хорошо, — говорю ему. — Ты не видишь, что другие люди ждут? Может, теперь всех бросить и заниматься тобой?» «Да, отче», — говорит. Представляешь? Люди стоят на лестнице, яблоку негде упасть, — больные, женщины с малыми детьми... а этот настаивает на своём. И был бы какой серьёзный вопрос, а то чушь какую-то нёс. Главное он, остальные пусть пропадут пропадом!

Бывает, приходят люди и говорят. «Сегодня, отче, молись только обо мне и ни о ком другом». Вот

какие претензии! Ведь это всё равно что говорить: «На этом поезде поеду только я, чтобы никого другого в вагонах не было». Но ведь поезд так и так едет, почему бы и другим на нём не поехать?

— Геронда, как понять слова Христа: *Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю* (Мф.16:25)?

— Имеется в виду, чтобы человек «погубил» свою жизнь в хорошем смысле. Чтобы он не считался со своей жизнью, а жертвовал ею ради других. *Никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1Кор.10:24), — говорит апостол Павел. В этом всё основание духовной жизни: забывать себя, в хорошем смысле, и обращаться к другому, участвовать в его боли и трудностях. Надо не искать способа, как бы избежать трудностей, но находить возможность помочь другому человеку, порадовать его.

— Геронда, а как понять, что нужно другому человеку, чтобы сделать для него это?

— Поставь себя на место другого, тогда поймёшь, что ему нужно. Если будешь сидеть в своей скорлупе, то не сможешь понять, что нужно другому человеку.

В наше время большинство думает о том, как сесть на место другого, а не как поставить себя на его место. Я иногда наблюдаю, как некоторые подходят к причастию, обгоняя других. Каждый из них думает: «У меня дела, я спешу» — и не думает: «А достоин ли я причаститься?» или «может, другой человек больше меня спешит?» Ничего подобного! Причащаются и спокойно уходят. А ведь даже если тебе не хватит Причастия, то ты должен радоваться, что оно досталось другому, а не тебе. А если у священника только одна частица, одна

жемчужина, и найдётся больной человек, находящийся при смерти, которому нужно Причастие, ведь тебе нужно радоваться, что не ты причастишься, а он. Вот чего хочет от нас Христос. Вот так Христос и входит в сердце, наполняя человека радостью.

Мука самоуспокоения

— Геронда, у меня трудности с одной сестрой.

— Знаешь в чём дело? Многие люди видят, в чём другие их стесняют, и не видят того, в чём они стесняют других. У них требования только к другим, не к себе. Но логика духовной жизни в том, чтобы обращать внимание на то, в чём ты стесняешь других, а не на то, в чём стесняют тебя, стремиться к тому, что нужно другому, а не к тому, что нужно тебе. Разве мы пришли в эту

жизнь отдыхать или для удобств и комфорта? В этот мир мы пришли не для того, чтобы весело провести время, а чтобы очистить себя и подготовиться к жизни другой.

Если мы думаем только о себе и делаем только то, что нам хочется, то потом начинаем хотеть, чтобы и другие думали о нас, служили нам, помогали... то есть, чтобы всегда было хорошо нам «Мне так хочется», — говорит один, «А мне подругому», — говорит другой. Каждый стремится к тому, что нравится ему, но покоя не находит, потому что настоящий покой приходит тогда, когда человек думает не о себе, а о других.

Во время оккупации в 1941 году мы, спасаясь от немцев, которые разоряли деревни, жгли и убивали, ушли из Коницы в горы. В тот день, когда немцы вошли в Коницу, два моих брата с утра спусти-

лись с горы на равнину рыхлить кукурузу на огороде. Услышав, что пришли немцы, я бросился к матери: «Мама, я сбегаю вниз предупреджу братьев». Она меня не пускала, потому что все ей говорили: «Те всё равно пропали, хоть этого не пускай, а то и его потеряешь». «Как бы не так», — подумал я. Нацепил солдатские башмаки и побежал вниз на огород. Впопыхах я не успел хорошо завязать ботинки, и, когда бежал через поле, которое недавно полили, они свалились у меня с ног и застряли в грязи. Я их бросил и побежал босиком вдоль реки, а там полно чертополоха. Около часа летом по жаре я бежал по колючей траве и не чувствовал никакой боли. Прибегаю на огород к братьям, кричу: «Немцы пришли, надо прятаться». И тут мы видим идущих вооружённых немецких солдат. «Продолжайте рыхлить, —

говорю я братьям, — а я сделаю вид, что полю и прореживаю кукурузу». Немцы прошли мимо и даже ничего не сказали. Только потом я заметил, что мои ноги все в ранах от колючек, а до того момента я даже ничего не чувствовал. В том беге была радость! Радость самопожертвования. Разве мог я бросить своих братьев? А если бы с ними что-нибудь случилось? Да меня бы потом мучила совесть. Даже если бы у меня совести не было, всё равно я бы потом испытывал муку самоуспокоения.

Себялюбие лишает нас мира и радости

— Геронда, из-за чего во мне нет мирного духа постоянно?

— Ты не освободилась от своего «я», ты ещё узник своего ветхого человека. Постарайся умертвить

своё «я», иначе оно уничтожит тебя. В ком живёт себялюбие, тот не может иметь покоя, душевного мира, потому что он внутренне несвободен. Такой человек всё делает, как черепаха, и движется, как черепаха. Черепаха может свободно высунуть голову? Большую часть времени она сидит в своём панцире.

— Теоретически, мне кажется, что я работаю над собой, но на деле...

— На деле тяжело. Вот тут-то и утесняется наш ветхий человек. Но если мы не будем с усердием и рассуждением утеснять нашего ветхого человека, то он пустит на воздух всё здание нашей духовной жизни.

— Геронда, а как выглядит ад?

— Расскажу тебе одну историю, которую я когда-то слышал. Как-то

раз один простой человек попросил Бога показать ему рай и ад. И вот однажды ночью во сне этот человек услышал голос «Пойдём, я покажу тебе ад». Тогда он оказался в комнате. Посередине её стоял стол, за ним сидело много людей. На столе была кастрюля, полная еды. Но люди были голодны: они черпали длинными ложками из кастрюли, но не могли поднести ложки ко рту. Поэтому одни из них ворчали, другие кричали, третьи плакали... Потом он услышал тот же голос «Пойдём, теперь я покажу тебе рай». Тогда он оказался в другой комнате, где стоял такой же стол с кастрюлей, и также вокруг него сидели люди с длинными ложками. Однако все были сыты и веселы, потому что каждый из них, черпая из кастрюли еду, кормил своей ложкой другого. Теперь ты понима-

ешь, как можешь ещё в этой жизни
ощутить рай?

Творящий добро радуется, потому что утешается Божественным утешением. А делающий зло страдает, и земной рай превращает в земной ад. Если в тебе есть любовь, доброта — ты ангел, и куда бы ни пошла и где бы ни находилась, вместе с собой несёшь рай. А если в тебе живут страсти, злоба — значит в тебе находится диавол, и куда бы ты ни пошла и где бы ни находилась, вместе с собой несёшь ад. Уже в этой жизни мы начинаем ощущать рай или ад.

Глава 2. Свобода от рабства себялюбия

Цель подвига: совлечение своего ветхого человека

— Геронда, как мне преодолеть себялюбие? Мои телесные силы ограничены, и мне сложно во всём иметь самоотречение и действовать с самопожертвованием.

— *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50:19). Нельзя преодолеть себялюбие, только поднимая за другого его тяжёлый мешок — этого Бог от тебя не требует, потому что у тебя нет достаточных физических сил. Но себялюбие можно преодолеть смирением, терпя оскорбления и несправедливость. А если ещё прибавить к этому немного физического труда, ради любви и милосер-

дия, знаешь, какая помощь от Бога приходит?

— Геронда, какая связь между телесным трудом, подвигом и отсечением страстей?

— Телесный труд подчиняет тело духу. И пост, и бдение, и любой другой подвиг, совершаемый ради любви ко Христу, когда он сопровождается борьбой с душевными страстями, полезен. Потому что если человек не искореняет душевные страсти: гордость, зависть, гнев, а только бездумно мучает тело, то он лишь питает свои страсти гордостью. Душевные страсти причиняют нам больше вреда, чем полнота тела: тучность тела — это опухоль доброкачественная, а душевные страсти — это злокачественная опухоль. Я не говорю, что телесный подвиг не нужен, просто хочу, чтобы люди осознали суть подвига, которая состоит в совлечении своего ветхого человека.

— Геронда, как нужно подвизаться в воздержании?

— Подвизаться нужно следующим образом надо давать своему организму то, что ему необходимо — сон, пищу и т. д. Далее задача человека отсечь свои душевные страсти: похоть, эгоизм, зависть и т. д. А потом уже переходить к воздержанию в пище, во сне. В таком случае телесный подвиг будет оправдан.

— Геронда, как человек может понять, где предел его возможностей и где себялюбие?

— Человек должен наблюдать за собой и испытывать. Методом проб он сможет оценить и понять свои возможности. Неопытный продавец взвешивает то меньше, то больше, но со временем уже знает, чего и сколько надо класть. Во всяком случае, пока человек молодой, он может строже подвизаться. Чем старше он становится, тем меньше у него

сил, и он уже не может себя слишком нагружать. Если переусердствует, то может и здоровье повредить. Поэтому время от времени нужно проводить ревизию своих физических возможностей и приспособляться к своему новому состоянию.

— Иногда, когда я чувствую, что силы мои истощены, меня охватывает страх, и я ничего не могу делать. Может, это от себялюбия?

— Когда ты чувствуешь истощение сил, то посмотри, от чего это происходит, не от болезни ли это. Если не от болезни, тогда, может, от недостатка сна — и нужно побольше поесть или отдохнуть. Если не то и не другое — значит это искушение. Поднимайся, берись за работу и победишь искушение.

— Геронда, нужно ли чрезмерно напрягаться на работе? Может, жалея себя, я отгоняю Благодать Божию?

— Нет, дурашка! Нужно наблюдать за собой и останавливаться, прежде чем наступит момент, когда у тебя уже не будет сил.

— Но мне кажется, что я ещё никогда в своей жизни не исполнила сказанное святыми отцами: «Отдай кровь и прими Дух».

— Какую кровь ты можешь дать? Тебе самой нужна кровь... Всё внимание обрати на душевные страсти.

Не надо слишком заботиться о комфорте

— Геронда, когда я говорю, что могу работать столько-то и что это предел моих возможностей, то говорю это по себялюбью?

— Чем дольше человек сидит без дела, тем больше расслабляется, а чем больше работает, тем сильнее становится. Помимо того что рабо-

той он отгоняет от себя печаль, ещё и помогает себе духовно.

Цель — чтобы человек больше радовался неудобствам и трудностям, чем комфорту. Знали бы вы, как живут на Афоне некоторые старцы и какую радость при этом испытывают! Знаете, какое самоотвержение имел один старец, живший в километре от моей кельи, высоко на горе, на крутом склоне. Бедняга на четвереньках спускался по тропинке, когда ему нужно было сходить к старцу, жившему ниже. Его хотели забрать в монастырь, чтобы за ним было удобнее ухаживать, но он не соглашался. Потом все стали говорить: «Да он в прелести», так как этот старец жил в келье один. Однажды он пришёл ко мне и рассказал, почему не хотел уходить в монастырь. Когда-то у них в келье не было храма, он долго уговаривал своего старца построить храм, и на-

конец его старец сказал: «Ладно, давай построим, только ты уже не сможешь уйти с этого места, потому что у храма будет свой Ангел-хранитель, а его одного оставлять нельзя». Тот пообещал, что никогда не уйдёт из кельи, и они построили храм. В конце концов келья, в которой жил старец, разрушилась, и он стал жить в храме. Там и спал, сидя в стасидии. Вот какое самоотвержение! Я отнёс ему кое-какую одежду, потому что у него вообще ничего не было. Ещё он был болен — его постоянно мучили рези в животе. Однажды я послал к нему знакомого врача. Тот пошёл вместе со своим товарищем, но они нашли старца уже мёртвым: он сидел в стасидии, завернувшись в одеяло. Вот так отошёл человек ко Господу!

Жизнь в суровых условиях ради любви Христовой приносит в сердце умиление Христово. Божественное

наслаждение рождается от телесных страданий. Святые отцы отдали кровь и приняли Дух. Потом и трудом стяжали благодать. Отреклись от своего «я» и обрели его в руках Божиих.

Я прихожу в умиление, когда читаю синаксарий святых подвижников Синайской горы. Пять тысяч подвижников жили на Синае, а сколько ещё на Афоне! За тысячу лет сколько отцов освятилось! А исповедники и мученики сколько страданий претерпели! А мы ропщем при первой малейшей трудности. Хотим без труда стяжать святость. Самоотвержение — редкость. Даже мы, монахи, не понимаем, что блага приобретаются трудом, и жалеем себя, оправдываем и находим смягчающие обстоятельства. Отсюда и идёт зло. Дьявол помогает каждому человеку найти оправдание, а годы проходят. Поэтому не стоит забы-

вать и о смерти. А если всё равно умирать, то и о теле слишком заботиться не стоит, не в том смысле, что доводить его до болезни, но в том, чтобы не слишком заботиться о комфорте.

**Для кого ты бережёшь своё «я»
— для себя самого?**

— Геронда, у меня есть помысел, что в том, что я быстро устаю, виновата не только моя телесная слабость.

— Да, если бы в тебе был Божественный огонь, то всё было бы по-другому.

— А как мне приобрести этот Божественный огонь?

— Нужно забыть себя и думать о других.

— Мне кажется, что трудно делать так постоянно.

— По крайней мере, постарайся думать и заботиться о других столько же, сколько ты думаешь и заботишься о себе. Так постепенно придёшь к тому, что станешь равнодушна к себе, в хорошем смысле, и будешь постоянно думать о других. Тогда и Бог будет о тебе думать, и люди. Только не делай этого ради того, чтобы другие думали о тебе!

— Выходит, что меня мучает моё собственное «я»?

— Ну, конечно! Отбрось своё «я». Если отбросишь — воспаришь. Зачем оно тебе, для кого ты его хранишь? Для себя? Часть любви, которую оставляешь себе, ты отнимаешь от всецелой и безграничной любви, которую необходимо иметь к другим.

— Геронда, как мне отбросить своё «я»?

— Насколько возможно, исключи своё «я» из того, что ты делаешь, посели в своё сердце других. То, что

ты желаешь для себя, отдавай другим. Отдавай, отдавай, не думая о себе. Чем больше будешь отдавать, тем больше будешь получать, потому что Бог будет тебе в изобилии подавать Свою благодать и любовь. Он станет тебя сильно любить, а ты Его, потому что перестанешь любить себя, своё «я», которое требует, чтобы его питали гордость и эгоизм, а не Благодать Божия, подающая душе все необходимые соки, изменяющая плоть божественным изменением и заставляющая человека сиять невестственным светом. Буду молиться, чтобы ты скорее ощутила то, о чём я говорю, и избавилась от муки себялюбия.

— Геронда, а может быть так, что я буду бороться с себялюбием, но в моих делах всё равно будет сквозить мое «я»?

— Всё зависит от того, как ты подвизаешься. То, что грязно и от-

вратительно, человек выбрасывает, но сначала нужно понять, что это действительно грязно и отвратительно. Не почувствовав отвращения, не выбросишь. Чтобы отбросить ветхого человека, нужно почувствовать к нему отвращение. На парализованных ногах нельзя двигаться вперёд.

Когда есть самоотречение, Бог подаёт Свою благодать

— Геронда, когда я думаю о том, как святые принуждали себя, меня мучает совесть, мне кажется, что я-то себя жалею.

— Когда человек, подвизаясь смиренно, усердно и с рассуждением, выступает за пределы своих возможностей, тогда на него снисходит сверхъестественная Божественная сила.

— Геронда, что имеет в виду авва Варсонофий, говоря: «Не ищи телесного покоя, если не посылает его тебе Господь»?

— Этим он хочет сказать, что не надо искать для себя покоя, удобства. Прежде всего нужно самоотречение, а за ним следуют обильные Божественные дары, потому что, когда есть самоотречение, тогда Бог подаёт человеку Свою благодать.

Когда в человеке есть дух жертвенности, тогда он получает Божественную помощь, Бог заботится о нём. Соответственно мере самопожертвования и молитвы за ближних человек получает и помощь от Бога.

Однажды поздно вечером я шёл из монастыря Ставроникита в келью отца Тихона, которую приводил в порядок, собираясь поселиться там. По дороге меня остановил

человек. За спиной у меня был тяжёлый мешок, к тому же моросил дождь, а я стоял и слушал. Уже стемнело, а он всё говорил и говорил не переставая. Мы вымокли насквозь. В какой-то момент мне пришёл помысел: «Как же я найду свою келью? Ночь, грязь, дорога трудная, и фонаря нет». Но как прервать человека? Я его спросил, где он собирается ночевать. Он сказал, что в соседней келье. Так мы стояли до полуночи. Наконец распрощались. Я пошёл своей дорогой, но только ступил на тропу, ведущую к келье, поскользнулся и свалился в кусты. Башмаки полетели вниз, мешок зацепился за ветки, а подрясник задрался до шеи. Ничего не видно. Тогда я сказал себе: «Лучше остаться здесь. Прочитаю повечерие, полунощницу, утреню, а там, глядишь, рассветёт и до кельи доберусь. А тот бедняга, найдёт ли

он дорогу?» Как только я дошёл до «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей», неожиданно, словно луч прожектора, сильный свет осветил весь овраг! Я нашёл ботинки и смог идти. Тропинка была освещена Я дошёл до кельи, нашёл и ключ от замка, а он был такой маленький и спрятан так далеко, что даже днём я бы с трудом его отыскал. Вошёл в храм, зажёл там все лампадки. И тогда свет исчез — он больше был не нужен!

Литература

Григорий Нисский, свт. Точное толкование Экклезиаста Соломонова. – М.: Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского, 1997.

Паисий Святогорец, старец. Слова. Том I. С болью и любовью о современном человеке. Суроти, Салоники: Монастырь святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова; М.: Издательский дом «Святая Гора», 2008.

Святитель Василий Великий. Беседы на псалмы. – Издательство: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.

Святитель Василий Великий. Творения. В 2 томах. Том 1. Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Издательство: Сибирская Благовонница, 2008.

Творения святого Григория Нисского, ч. 2. М., 1861.

Прот. Евгений Попов. Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих. Пермь, 1901.

Протоиерей Евгений Попов. Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих. – Издательство: Правило Веры, 2001.

Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Евангельское злато. Беседы на Евангелие. – Издательство: Приход храма Святого Духа сошествия, 2007.

Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. 1. – Москва, 1891.

Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1: Богословские и аскетические трактаты. – Издательство: Мартис, 1993.

Феофан (Говоров), еп. Святого отца нашего Максима Исповедника Слово подвижническое в вопросах и ответах. Брат и старец. Тамбов, 1874.

Входите тесными вратами
Из творений святых отцов
и подвижников благочестия
Составитель В.И. Борисов

Гл. редактор В. И. Борисов
Компьютерная верстка
Д. И. Черемисинов

Формат 60x84/16.
Печать офсетная.
Тираж 10000 экз. Заказ 7463

Издательство Борисова. 394030,
г. Воронеж, ул. III Интернационала, 57.
Тел. +7905 653 07 07
Email: borisovizdat@yandex.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оломпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

